

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО - УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

)

1859.

М А Й.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП.

А. С. ГРИБОЪДОВЪ.

ЧЕРНОВАЯ ТЕТРАДЬ ГРИБОЪДОВА.

Статья вторая.

ОТДѢЛЪ I.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ.

(Продолженіе.)

Въ 1822 году мы видимъ Грибоѣдова уже въ Грузіи и на Кавказѣ.—Намъ сохранились путевыя его записки, относящіяся, какъ видно по концу ихъ, къ этому именно году и писанныя во время какого-то перехода черезъ горы. Онѣ ведены перечнемъ и писаны на почтовой, золотообрѣзной, старой фабрикаціи бумагѣ, какой нынѣ, конечно, нигдѣ не найдешь (съ какими-то крупными продольными и мелкими поперечными чертами), въ большую осьмушку, сперва карандашемъ, потомъ переведены чернилами, но почеркомъ мелкимъ, связнымъ и потомъ, въ концѣ, опять однимъ уже карандашемъ, но крупнымъ почеркомъ.

1-й переходъ.

«Свѣтлый день. Верхи снѣжныхъ горъ иногда просвѣчиваютъ изъ-за тучъ; цвѣтъ ихъ свѣтлооблачный, перемѣшанный съ лазурью. Быстрина Терека, переправа, караванъ ждетъ долго. Кусты. Убитый въ виду главнокомандующаго. Караванъ, описаніе, странствующие 600 (человѣкъ): ружейные Армяне, пушки, пѣхота, конные рекогносцируютъ. При-

ближаемся къ ландшафту: верхи въ снѣгу, но еще не снѣжныя горы, которыя скрыты; слои, кустарники, вышины. Погода мѣняется, вѣтеръ, небо обложилось; вступаемъ въ царство непогодъ. Взглядъ назадъ — темно, смятеніе, обозы, барабанный бой для сбора, огни въ редутъ. Приѣздъ въ редутъ Кабардинскій.»

2-й переходъ.

«Свѣжее утро. Выступаемъ изъ редута. Опъ на пижнемъ склонѣ горы. Противъ воротъ бивуаки, дымъ, грѣются. Поднимаемся въ гору болѣе и болѣе, путь скользкій, грязный, излучистый, съ крутизны на крутизну, часть-отъ-часу тѣснѣе отъ густѣющихъ кустовъ, которые наконецъ преобразуются въ дубраву. Смѣшеніе временъ года; тепло и я открываюсь; за тѣмъ стужа, на верхнихъ, замерзшихъ листьяхъ иней, смѣшеніе зелени. Пускаю лошадь на удачу въ сторону; пріятное одиночество; лошадь ушла, возвращается къ верховымъ. Ѣдемъ гусемъ, все круче, зовъ товарщика, скачу, приискаживаю, картина. Гальтъ. На ближнемъ холмѣ расположимъ пріютъ.

Отъѣздъ далѣе. Мы впередъ ѣдемъ. Орлы и ястреба, потомки прометеевыхъ терзателей. Приѣзжаемъ къ Кумбалеевкѣ; редутъ. Вечеромъ иллюминація».

3-й переходъ.

«Пускаемся впередъ съ десятью казаками. Пасмурно, разные виды на горахъ. Снѣгъ, какъ полотно, навѣшанъ въ складки, золотистые холмы по временамъ. Шумъ отъ Терека, отъ низверженій въ горахъ. Ѣдемъ по берегу, онъ течетъ между дикихъ и зеленыхъ круглыхъ камушковъ; тѣма обломковъ, которые за собой влечетъ изъ горъ. Дубнякъ. Судбище птицъ: какъ отца и мать не почтеть — сослать. Владикавказъ (1) на плоскомъ мѣстѣ; красота долины. Контрастъ зеленыхъ огородъ съ сѣдыми верхами горъ. Ворота, надпись; оно тутъ неглупо. Фазаны, вепри, серны (различныя названія), да негдѣ ихъ поѣсть въ Владикавказѣ».

4-й переходъ.

«Аулъ на главѣ горы на-лѣво. Подробная исторія убитыхъ на сѣнокосѣ. Редутъ направо. Замокъ оссетинскій. Кривизна дороги между утесовъ, которые болѣе-и-болѣе

высятся и сближаются. Облака между горъ. Замокъ и коническія башни нагъво. Подъѣмъ на гору, направо оброшенный замокъ. Шумъ Терека. Нападеніе на Огарева. Извилистая дорога; не видать ни восхода, ни исхода. Проломъ отъ пороха. Даріель (2). Копны, стога, лошаки на вершинѣ.»

(Съ боку приписано чернилами): «товарищи порываются впередъ, я за ними не слѣдую.»

«Ночь въ Даріелѣ. Ужасъ отъ необычайно высокихъ утесовъ, шумъ отъ Терека, ночлегъ въ казармахъ.»

5-й переходъ.

«Руины на скалѣ. Выѣздъ изъ Даріеля. Непроходимость отъ множества каменьевъ; иные изъ нихъ огромны, одинъ раздѣленъ на двое, служитъ вратами; такой-же передъ въѣздомъ въ Даріель. Подъ иными Оссетицы варятъ, какъ въ пещерѣ (3). Тьма арбовъ (4) и артиллерійскій снарядъ, заграждаютъ путь на завалѣ. Остатокъ завала теперь необъятенъ,—каковъ-же былъ прежде! Терекъ сквозь его промываетъ себѣ протокъ, будто искусственный. Большой объѣздъ по причинѣ завала; нѣсколько переправъ черезъ Терекъ, множество селеній, pittoresque. Селеніе Казбекъ, видъ огромнаго замка, тюрьма внутри, церковь изъ гранита, покрыта плитою, монастырь посреди горы Казбека. Сама гора въ 25-ти верстахъ».

«Сіонъ (5). Множество другихъ, будто висящихъ на скалахъ, башенъ и селеній, нныя руины, нныя новостроенныя, точно руины. Поднимаемся выше и выше. Постепенность видовъ до снѣговъ, холодъ, зима, снѣговья горы внизу и сверху, между ними Коби (6) въ дикомъ краю, подобномъ Даріелю. Множество народу встрѣчается на дорогѣ».

6-й переходъ.

«Ужасное положеніе Коби, — вѣтеръ, снѣгъ кругомъ, вышина и пропасть. Идемъ все по косогору; узкая, скользкая дорога, съ боку Терекъ; поминутно всё падаютъ, и все камни и снѣга, солища не видать. Все вверхъ, часто проходимъ черезъ быструю воду, верхомъ почти не можно, болѣе пѣшкомъ. Усталость, никакого селенія, кромѣ трехъ, четырехъ оссетинскихъ лачужекъ, еще выше и выше, наконецъ добираемся до Крестовой горы (7). Немного не доходя

дотудова истоки горъ уже къ югу. Видъ съ Крестовой, крутой спускъ, слишкомъ двѣ версты. Встрѣчаемъ персидскій караванъ съ лошадьми. Отъ усталости падаю нѣсколько разъ.»

«Подъемъ на Гудъ-гору (8) по косоугору преузкому; пронасть неизмѣримая съ боку. По ту сторону ея горы превысокія, внизу рѣчка; едва можно различить на крутой уединенной горкѣ оссетинскія жилия. Дорога вьется черезъ Гудъ-гору кругомъ; нѣсколько верховыхъ встрѣчаются. Не знаю, какъ не падаютъ въ пронасть кибитка и наши дрожки. Еще спускъ большой и нѣсколько другихъ спусковъ. Башни оброшенные; на самомъ верху столбъ и руины. Наконецъ приходимъ въ Кашауръ (9), навьючиваемъ, беремъ другихъ лошадей, отправляемся далѣе, сибгъ мало-по-малу пропадаетъ, все начинаеть зеленѣться, спускаемся съ Кашаура, неожиданная веселая картина: Арагва (10) внизу вся въ кустарникахъ, тѣма пашней, стадъ, разнообразныхъ домовъ, башень, хатъ, селеній, стадъ овецъ и козъ (по камнямъ все ходятъ), руины замковъ, церквей и монастырей разнообразныхъ, шны дики, какъ въ американскихъ плантаціяхъ, шны среди деревъ, другіе въ лѣсу, которые какъ привѣшены къ горамъ, другіе надъ Арагвой. Мостикъ, Арагва течеть быстро и шумно, какъ Терекъ. Дорога какъ въ саду, — грушевыя деревья, мелоны, яблоши.»

«И самая часть Кашаура, по которой спустились, зелена. Много ручьевъ и рѣчекъ изъ горъ стремятся въ Арагву. Смерклось; длинная тѣнь монастыря на сибжномъ верху. Чувствуемъ въ темнотѣ, что иногда по мостикамъ проѣзжаемъ. Утесы, воспоминаніе о прежнихъ,—горы востока, а не страшны, какъ прежнія. Впереди румяныя облака. Посакануръ (11)».

«Мы въ дрожкахъ; одинъ изъ насъ править.»

7-й переходъ.

«Вдоль по берегу Арагвы, которая вся въ зелени. Букъ, яблонь, груши, сливы, тополи, клень; на скалѣ руины, много замковъ. Анануръ, карантинъ (12). Удаляемся вправо отъ Ананура, Душетъ (13). Замокъ и замки. Наша квартира какъ.... (14).»

8-й ПЕРЕХОДЪ.

«Отъѣздъ вдоль Арагвы. Опять знакомые берега. Утренняя иѣсна Грузинцевъ.»

Черезъ одну, бѣлую, страницу написаны, карандашомъ-же, слѣдующія строкъ:

«Я легъ между обгорѣлымъ шѣмъ и лѣснымъ букомъ, позади меня рѣчка подъ горою, кругомъ кустарникъ, между ними большія деревья. Холмы изъ-за деревъ, фазанъ въ роцѣ; лошади, козляки мимо меня проходятъ. Товарищъ на солнышкѣ. Наши лошади кормятся.»

Черезъ двѣ бѣлыхъ страницы, въ самомъ концѣ дорожной тетрадки, чернилами:

5-го марта 1822. Тифлисъ.

«Прихожу къ Полю; биче его, который тарелки чистить, принимаетъ депутацію отъ крѣпостныхъ своихъ мужиковъ. Они жалуются, что имъ ѣсть нечего; онъ, князь, имъ удѣляетъ рубль изъ своего жалованья. И мой биче, конюхъ Иванъ — князь, сынъ маіорскій. Прихожу домой, у моего Амлиха гости. «Кто у тебя?»—Царь.—«Какъ царь?»—«Да-съ, царевичи сыновья, царевичи, намъ сосѣди.»

Прежде, нежели я приступлю къ другимъ путевымъ замѣткамъ Грибоѣдова, я долженъ сказать, что въ той дорожной тетрадкѣ, о которой сейчасъ было говорено, состоящей изъ семи полныхъ почтовыхъ листовъ осьмушечнаго, какъ я уже говорилъ, формата, между страницами путевого журнала находится нѣсколько отдѣльныхъ, бѣлыхъ, вовсе не относящихся къ дѣлу путешествія замѣтокъ, доказывающихъ только, серьезныя мысли, или, говоря точнѣе—стремленіе къ серьезному, дѣльному направленію такъ уже случилось съ Грибоѣдовымъ, что нигдѣ его не покидало: мысль его, какъ видно, постоянно вращалась въ этой сферѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ: всѣхъ напечатать было нельзя по причинамъ, которыя легко пойметъ читатель.

«Измѣна нашихъ нѣмецкихъ офицеровъ подъ Ригой при царѣ Алексѣ Михайловичѣ. Вирг. ч. III. стр. 41.»

«Царь Алексѣй Михайловичъ послалъ бѣднаго дворянина на воеводство въ Кострому для *нажитка*.»

«Запорожець, набогатившись въ дальнемъ походѣ, приѣзжаетъ домой, катается на лодкѣ по сухому пути на 25 быкахъ, пляшетъ въ богатомъ платьѣ, потомъ въ немъ-же прыгнетъ въ кадку съ дегтемъ.»

«Излишняя точность въ стопосложеніи бесполезна и только видна у Французовъ и у насъ; у Англичанъ и у Нѣмцевъ этого нѣтъ, а у древнихъ экзаметръ доказываетъ, что тоже ее тамъ не придерживались.»

«Чтобы русскихъ къ чтенію прихотить, Петръ велѣлъ перевести Пуфендорфа, который Русскихъ не на животъ, а на смерть бранить (15)».

Тутъ-же, въ этихъ замѣткахъ, находится, написанное карандашемъ, и то знаменитое двустипіе о Петрѣ Великомъ, которое знаетъ пол-Россіи, но привести котораго здѣсь нельзя, по причинамъ, которыя легко пойметъ читатель.

Въ «Черновой тетради» Грибоѣдова находится замѣшанный между сказаніями, несоотвѣтствующими ему бумагами (а именно между выпискою изъ сказанія Свагина о Татарѣхъ и дорожникомъ 1820 г.) почтовой поллистъ четвертнаго формата, который я долго не зналъ, куда правильно отнести. Прежде всего замѣчу, что на этомъ листкѣ существуетъ странная особенность: съ лѣвой его стороны, съ боку, цѣлая, связанная прядь оранжеваго шелка припечатана чернымъ сургучемъ, печатью съ двумя гербовыми щитами, сходящимися подъ одной княжеской короной. Ничто, однако, и самое, странное, мѣсто печати, и отсутствіе на поллистѣ всякихъ сгибовъ (plis), и самое содержаніе бумаги, не показываютъ, чтобы поллистъ этотъ принадлежалъ какому-либо письму. Теперь, когда мы видѣли, что Грибоѣдовъ въ своихъ «переходахъ» упомянулъ объ Анапурѣ и карантинѣ и, кромѣ того, говорятъ еще о какомъ-то товарищѣ своего путешествія, можно со всею основательностію заключить, что поллистъ этотъ долженъ непосредственно слѣдовать за этими «переходами». Вотъ онъ:

АНАПУРСКІЙ КАРАНТИНЪ.

29 ноября (... декабря).

«Впозываемъ въ страннопріимную хату, гдѣ дѣйствительно очень странно принимаютъ. Холодъ, спрашиваемъ дровъ. Нѣтъ, а кругомъ лѣсъ. У ветхаго инвалида покупаемъ дорого охапку. Затапливаемъ, отъ дыму задыхаемся. Истопили, угаръ смертельный и морозно по прежнему. Спрашиваемъ корму для себя и для лошадей, — ничего съѣстнаго. Наконецъ, является маленькій, глупенькій докторъ, съ хлыстикомъ, вертится на одной ножкѣ и объявляетъ, что мы въ «политическомъ госпиталѣ» (въ мѣфитическомъ: отъ сырости запахъ претяжелый), что нашу комнату, иногда, заливаетъ вода по колѣна, что срокъ сидѣнья зависитъ отъ комиссара. Докторишка исчезъ и я отъ угара проболѣлъ 24 часа. Явился комиссаръ, какъ смерть курносый.»

— «Спасите. Карантинъ вашъ очень мудро устроенъ, чтобы чумы далѣе не пропускать: потому что она съ тѣми, которыхъ постигнетъ здѣсь, непременно похоронится, потому что отъ холоду смерть, отъ дыму смерть, отъ угару смерть, (да и самъ комиссаръ, какъ смерть, курносый, — мы его, наконецъ, видѣли), но Беб. и я не чумные, не прикажите морить....»

Наконецъ, въ «Черновой» Грибоѣдова находится, не вполне исписанный, почтовый листъ, не принадлежащій, какъ видно съ перваго - же взгляда къ путевымъ запискамъ, стало-быть такой, которому въ строгомъ смыслѣ, не слѣдовало-бы давать мѣста въ отдѣлѣ путешествій. Но какъ онъ содержитъ въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній, касающихся Грузіи и Кавказа и по характеру этихъ замѣчаній близко подходитъ къ характеру путевыхъ замѣтокъ, то я и помещаю его здѣсь.

«Изгнбистый Терекъ обсаженъ лѣсомъ отъ Моздока до Шелкозаводска. Въ станцияхъ старообрядцы и жены на службѣ у Гребенцевъ, дѣти вооружены. Отъ 15 — до 100 лѣтъ. Изъ 1600 — 1400 служатъ.»

«Даданіуртъ (16), Андреевская (17), окруженная лѣсомъ. Кумычка (18). Жиды, Армяне, Чеченцы. Тамъ, на базарѣ,

прежде Ермолова выводили на продажу захваченныхъ людей, — нынче самихъ продавцевъ вѣшаютъ.»

«Тезава и Сигнахи взбунтовались въ 1812 г. Въ Сигнахѣ (19) Русскихъ загнали въ крѣпость. Потомъ они заперлись въ монастырь. Ихъ выпустили на переговорахъ, раздѣли голыми, пустили бѣжать въ разныя стороны и перестрѣляли, какъ дичь. Коменданту отрѣзали часть языка и дали ему-же отвѣдать. Потомъ искрошили всего въ мелкіе куски.»

«Исправникъ Соколовскій не беретъ взятокъ и не имѣетъ жены, которая, пзъ низкаго состоянія вышедши въ классныя дамы, поощряла-бы мужа къ лихоимству.»

«Казакъ бѣжалъ. Циціановъ спросилъ подобно царю Ираклію: «Горы ихъ на томъ-же мѣстѣ? Ну, такъ и они воротятся.»

«На мудрое уничтоженіе стряпчихъ Циціановымъ, мерзость провіантскихъ комиссаровъ. Не скупаютъ во-время хлѣбъ, всё хотятъ дешевле. Время уходитъ и они, въ зимнюю пору и въ отдаленныхъ мѣстахъ, подражаютъ нѣскольکو тысячъ арбъ; волю надаютъ безъ корма. За отпускъ пыли деньги выморжаютъ. Жители обременяются и войска не довольствуются во-время.»

«Амхлахаровъ въ башнѣ.

«Внизу сторожа, въ среднемъ этажѣ онъ самъ, въ верхнемъ его казна. Вмѣсто оконъ скважны. Начальствовалъ въ Кахетин. Смѣлнншій, получилъ 2000 руб. сереб. пенсіи, которую и берегаетъ. «Русскіе даромъ ничего не даютъ. Коли придерутся: вотъ имъ за 14-ть лѣтъ пенсія обратно.» — Съ боку приписано: «Дѣтямъ ничего не дасть (20).»

Г. Булгаринъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Грибоѣдовѣ» говоритъ, что Грибоѣдовъ, отказавшись отъ намѣренія ѣхать за-границу, рѣшился возвратиться въ Грузію, *побыавъ въ юж-*

ной Россіи и въ Крыму. (Изд. 1834. стр. 250.) «На возвратномъ пути изъ Петербурга, 1825 года» — говоритъ С. Н. Бѣгичевъ въ своей біографической запискѣ — «ГрибоѢдовъ уже ко мнѣ не заѣхалъ, а проѣхалъ въ Грузію черезъ Крымъ, который желалъ видѣть.»

Вотъ все, что доселѣ было, или могло быть извѣстно о посѣщеніи ГрибоѢдовымъ полуденной Россіи и Крыма.

Неудивительно, что ГрибоѢдовъ желалъ видѣть Крымъ: туда, въ этотъ «садъ Россіи» всегда, выражаясь мѣткимъ проstonароднымъ словомъ, «тянуло» лучшихъ нашихъ поэтовъ. Всѣ они тамъ перебували и оставили какія-либо о немъ воспоминанія.

Воображенью край священный:
Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
Тамъ заколося Митридатъ,
Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный
И посреди прибрежныхъ скалъ
Свою Литву воспоминалъ.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля,
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груди вашихъ горь...

Кто не знаетъ этихъ стиховъ? Кто не знаетъ прелестной «Тамани» Лермонтова?

Отъ одного ГрибоѢдова не было у насъ доселѣ по Крыму ничего — ниже бѣглыхъ путевыхъ замѣтокъ.

«Братъ и другъ!» — писалъ ГрибоѢдовъ С. Н. Бѣгичеву, отъ 9 іюля 1825 года изъ Симферополя — «я объѣхалъ часть южную и восточную полуострова. Очень доволенъ моимъ путешествіемъ, хотя здѣсь природа противъ Кавказа все представляетъ словно въ сокращеніи (21): нѣтъ такихъ гранитныхъ громадъ, снѣговыхъ вершинъ Эльбруса и Казбека, ни ревущаго Терека или Арагвы, душа не обмираетъ при видѣ бездонныхъ пропастей, какъ тамъ, въ нашихъ краяхъ. За-то

прелесть моря и шихъ долинъ, Качи, Бельбека, Каспли-Узенья и проч., ни съ чѣмъ сравнить не можно. Я мои записки везъ порядочно; коли не полѣнюсь, перепису и пришло тебѣ. . . .»

Полѣнился, не переписалъ и не прислалъ: иначе-бы онѣ, и въ видѣ, конечно, обработанномъ, обдѣланномъ, сохранились у С. Н. Бѣгичева, — но ихъ у него нѣтъ. По совершенной и счастливой случайности, замѣтки эти и, какъ я предполагаю, въ подлинномъ, переобытномъ ихъ видѣ (ибо онѣ ведены все перечнемъ), сохранены «Черновой» Грибоѣдова, забытой имъ у Бѣгичева.

Прежде, нежели я приступлю къ этимъ путевымъ замѣткамъ, я почтаю прямой своей передъ читателемъ обязанности высказать, и при томъ на основаніи фактовъ самой же «Черновой», слѣдующее:

Хотя выше было сказано, что всѣхъ нашихъ поэтовъ дѣйствительно какъ-бы «тянуло» на югъ Россіи, въ нашъ прелестный Крымъ, но должно замѣтить, что Грибоѣдовъ посѣтилъ и полуденную Россію и Крымъ совсѣмъ съ другимъ взглядомъ на вещи, съ другими тенденціями и, если можно такъ выразиться, съ другимъ умственнымъ запасомъ, нежели наши исключительные поэты-путешественники. Съ душой поэтической и любящей, способной сильно сочувствовать всему изящному, Грибоѣдовъ, въ то время уже знаменитый авторъ «Горя отъ ума», бывший въ апогеѣ своей славы, былъ человѣкъ не исключительно поэтической, способный только восхищаться прекраснымъ и на все смотрѣть беззаботно («но мы, ребята безъ печали»....) не думающимъ, неглубокимъ взглядомъ, — это былъ человѣкъ сосредоточенный, серьезный и что слѣдуетъ особенно замѣтить, — человѣкъ, если не въ строгомъ смыслѣ слова *ученый*, то въ полномъ смыслѣ слова *основательно, классически образованный*. Этого не видно изъ листовъ его путевого дневника, но все это ниже докажетъ его учеными замѣтками, преимущественно касающимися его пути отъ Москвы до Тавриды, замѣтками, посвящими честное и скромное имя «Desiderata», о которыхъ я говорилъ во введеніи и которыя помѣщаю во II-мъ отдѣлѣ. Я не привелъ ихъ здѣсь для того, чтобы онѣ не входилъ, какъ говоритъ

русскій народъ, клиномъ въ рубрику путешествій, не составляя въ этомъ отдѣлѣ совершенно разноцвѣтной съ нимъ полосы.

Крымъ.

Юня 24. Середа, Ивановъ день. Вверхъ по Салгиру (22) верхомъ. Сады, минареты, Перовскаго дачка — пріятной, легкой архитектуры домикъ. Облако столбомъ надъ Чатырь-дагомъ (23), будто курится. Ручьи падаютъ справа отъ нашей дороги въ Салгиръ. Тополн, надгробные камни съ чалмами. — Аянь (24), на востокъ отъ него въ полуверстѣ источникъ Салгира въ известковой каменной котловинѣ. Пещера, входъ съ двухъ сторонъ; спереди съ шумомъ извергается источникъ, слѣва родъ окошка; мы, разутые, лѣземъ въ него, цѣпляемся по голымъ камнямъ, надъ нами сводъ, родъ пролѣма сверху, летучая мышь прилѣплена къ стѣнѣ възлѣ, и внутренняя продолговатая пещера позади насъ. Мы сидимъ надъ самымъ О-мъ. М. Ш. называетъ это глазомъ. Вода холодная, какъ ледъ.

Послѣ обѣда изъ Аяна косогоромъ къ западу, направо лѣсистая впадина къ дорогѣ между Ч. - Д. и Темирджи (25), склопеніе къ сѣверу Яйлы (26), подъ нимъ домикъ, тутъ дача Офрена, сзади подошва Чатырь-дага, впереди ущелье Кизиль-Кобе (27), проѣзжаемъ чрезъ ущелье Альгаръ (28), деревня Човки (станція къ Алушгѣ), влѣво малыи Джанкой (29), вправо рѣчка Кизиль-Кобе, ущелье входитъ клиномъ въ гору, тамъ родникъ сперва наружу, потомъ отвѣсно подъ землею, потомъ снова широкою лептою падаетъ на камни и течетъ въ долину, которая позади насъ; орешникъ, кизиль, родъ воротъ между двухъ самородныхъ камней, пещеры, своды, корридоры, столбики, наклипи.

Симферополь. Цыганская пышная музыка въ Крыму смѣсь татарскаго съ польскимъ и малороссійскимъ.

Юня 25. Дождливый день. Беремъ нѣсколько назадъ, потомъ лѣвѣе, по сѣверной подошвѣ Чат. - Д. до Буюкъ (30) Джанской, оттуда вверхъ довольно отлогая дорога, лѣснелая, справа овраги, тѣсныя и глубокія долины, бездны лѣсныя, тамъ течетъ Альма (ея истокъ между Ч. - Д. и С. - Г.) (31), бѣлые холмы Саблы (32) въ отдаленіи, еще далѣе горы

Бахчисарая (33). Поднимаемся на террасу каменную, видъ поросшую лѣсомъ, убѣжище чобановъ (34) въ низу, а далѣе въ равнинѣ все еще туманъ. Шатаемся по овчарнямъ.

Послѣ обѣда. Наѣлись шашлыка (35), каймака (36), на кругломъ столпкѣ, поселившись въ каменной ямѣ къ сѣверу отъ овчарнаго хлѣва. Зелень и климатъ сѣверные. Низменная даль все еще подернута непроницаемою завѣсою, отсюда тучи поднимаются къ намъ, ползутъ по Чатырь-дагу. Онъ совершенно дымится. Горизонтъ болѣе-и-болѣе сужается, наконецъ я весь увить облаками.

У здѣшнихъ настуховъ лица не монгольскія и не турецкія. Паласъ производитъ ихъ отъ Лигурійцевъ и Грековъ, но они бѣлокуры, черты сѣверныя, какъ у Осетиновъ на Кавказѣ.

Гроты снѣговые, стѣны покрыты мохомъ, надъ ними нависли деревья. Спускаюсь въ глубь, впалзываю въ узкое отверстіе и тамъ снѣжное пріятельце — родникъ замерзшій. Скатываемъ камень, — продолжительный грохотъ означаетъ непомѣрную глубину. Выхожу отсюда, — синее небо.

Поднимаемся на самую вершину. Встрѣча зайца. На пняхъ зубцахъ самага верхняго шатра и на полянахъ ясно, но у самага верхняго зубца насъ захватываютъ облака, — ничего не видать, ни спереди, ни сзади, мы мокрехоньки, отыскиваемъ пристанища. Розовая полоса надъ мрачными облаками, игра вечерняго солнца; Судакъ (37) сплѣтается вдаль: корабль въ Алуштѣ (38), будто на воздухѣ; море слыто съ небомъ. Попадаемъ въ овчарню на восточной вершинѣ, обращенной лицомъ къ югу. Сыворотка, холодъ, грѣюсь, ложусь на попону, сѣдло въ головахъ, блѣяніе козловъ и овецъ, нависшихъ на стремнинахъ. Ночью встаю, луна плаваетъ надъ моремъ между двухъ мысовъ. Звѣзда изъ-за чернаго облака. Другая скатилась падо мною. Какой геній подхватилъ ее?

Июля 26. Пятница. Кочуемъ въ туманѣ и въ облакахъ цѣлое утро. Сажусь на восточный утесъ, видъ на глубинѣ къ Темирджи. Два корабля въ Алуштѣ. Съѣзжаемъ до лучшей погоды въ Корбекъ (39), лѣсомъ ручьи. На квартирѣ (крайней къ верху) съ балкона видъ на море. Справа пѣза Салтанъ-горы (40) высовывается Капель (41). Балконъ

подъ сливою и грецкимъ орѣшникомъ. — Подъ вечеръ пѣшкомъ въ Алушту средними возвышеніями, подошвою Чатырь-дага. Замокъ Алустонъ (42) въ развалинахъ, на лѣво Шумы (43), деревня Темирджи на воздухѣ; возвращаюсь низомъ, сперва садами, потомъ тропою, которая ведетъ въ Бешмы (44), ногами растираю душистыя травы, отъ которыхъ весь воздухъ окуренъ. Татары любятъ земные плоды.

Ночью встаю, мѣсячно.

27. Опять въ гору; сперва лѣсомъ, потомъ голыя вершины уступами. Круча.

Панорама съ Чатырь-дага:

Впередѣ подъ ногами площадь, терраса Чатырь-дага, первая подъ самымъ темемъ, шатромъ (чадирь), всѣ негладкости будто стесаны, пониже днчъ, густой лѣсъ, въ немъ источникъ Альмы между С.-Г. и Ч.-Д. Далѣ дугою Севастополь (45), Бахчисарай, Саблы, бѣлыя мѣловыя горы, правѣ Салгиръ, Акмечеть (46), еще далѣ Козловъ (57) и море, между всѣмъ этимъ; ближе къ мѣсту, съ котораго смотрю, волнистые холмы, по нимъ солнце играетъ. — Справа Зуя (48), Карасу-базаръ (49), надъ нимъ дымокъ, задняя пологая часть восточной Яйлы, часть Азовскаго моря голубою полосою окружаетъ съ востока степь и доль до Перекопа. — Слева западная часть задней Яйлы, Св. Носъ (50) къ Балаклавѣ (51) чернѣется. — Обратясь назадъ — море, даль непомѣрная, съ запада спускается къ нему Яйла, изъ-за ней Кастель, прямо Алушта, къ востоку берегъ изгибомъ до Судака, выдавагося далеко въ море, точно между Обсерваторіей и Горнымъ Корпусомъ. За Судакомъ Кара-дагъ (52) и проч. 3 корабля. На вершинѣ (западномъ зубцѣ, гдѣ мы стоимъ) между двухъ угловъ, шаговъ 50 стремительный спускъ къ югу, пологій къ сѣверу, обрывъ къ Альмѣ, дебрь. — За Темирджи нѣсколько слоевъ горъ еще ея возвышеніе. — Отъ Чатырь-дага къ сѣверу площадь, терраса, будто укрѣпленіе съ исходящими углами, съ бойницами, изъ нихъ иные красныя, желтыя, сѣрыя, и между ними зеленъ. Бѣлизна мѣловыхъ горъ, которыя тянутся какъ лагерь.

Нѣсколько орловъ съ закрюченными крыльями; ихъ плавный и быстрый полетъ. Дождь, словно залавѣсь, постепенно

закрываетъ предметы и близится къ намъ, наконецъ сѣчетъ насъ. Прячемся. Новая картина. Улитки. Я надъ стремшиной. Опять ведренно, выхожу изъ засады. Противуположность, — спереди былъ мракъ, сзади ясно, теперь на оборотъ. — Слѣдую направленію верхняго обрѣза отъ з. къ востоку, смотрю на дольныя картины изъ-за промежутокъ скаль, какъ изъ-за зубцевъ Кремля. — Сперва Салгиръ былъ вправа, потомъ прямо противъ меня, теперь влѣво, по мѣрѣ моего шествія. Къ западу картина становится уже и расширяется къ востоку. Съ восточной оконечности видъ на дѣбрь между Кизиль-кобе (вчера казался такъ высокъ, а нынче черезъ него гляжу), Темирджи и Ч.-Д. Вѣтеръ перемѣнился, облака назадъ пошли и, послѣ дожди, розодранныя, какъ послѣ битвы, тянутся отъ Султанъ-горы серединою Чатырь-дага въ Темирджинское ущелье, словно оттуда паръ воскуриваютъ; позади всего море, пропасти подъ ногами и зубцы. Не понимаю, какъ меня вѣтеръ не спесъ! Прихожу къ настухамъ, волынки, рожки и барабаны.

Возвращаюсь въ Корбекъ.

Послѣ обѣда въ Шуму; плутаю по оврагамъ; лошадь мнѣ ногу зашибла. Новая большая дорога. Рысью въ Алушту.

Алушта древнія развалины замка, около котораго домики съ плоскими кровлями прислонены къ холму, образующему со многими другими подошву Чатырь-дага; около него ручьи и сады въ ямкахъ. Все мѣсто окружено амфитеатромъ, къ морю отрогами обоихъ Яйлъ и Чатырь-дага, котораго вершины господствуютъ надъ сей долиною. Корабль нагружается лѣсомъ; другой отъ флота зашелъ за прѣсной водою. Разговоръ съ офицерами о Чатырь-дагѣ. Морскія ванны. Эфенди хвастаетъ крѣпкою черешнею.

28 іюля. Идемъ берегомъ. Узенькая трона. Жаръ неносный. Вправа то голые утесы, то лѣсъ. Кафель. Иногда крутой вѣздъ, потомъ опять спускъ къ морю. Мысль. Проѣхавъ изъ-за него выказался Кучукъ-Ламбатъ (53). Съ одной стороны голый и не самый высокій утесъ, съ другой возвышенный и лѣсистый Аюдагъ (54), далѣе выдавшійся въ море, окружаютъ пріятнѣйшій заливъ; волны дробятся о берегъ. Фонтанъ подъ фигою; видъ благосостоянія въ селеніи.

Домъ. Воскресный день. Бороздинъ называетъ это, «пользоваться премією природы, не выѣзжая изъ отечества». Садъ, розмарины, lauriers-roses, маслины, смоковницы, лилеи, дѣва утеса въ Кизилътамѣ (55). — Еще родникъ въ саду; бесѣдка къ морю, затишіе отъ бури, напоминаетъ такую-же въ Выдубецѣ (56). Подводные камни, не доѣзжая до деревни. Бакланы (57), дельфины (58). Venite adoremus (59).

29. Парфенитъ (60), вправо Кизилътамъ, шелковицы, смоковницы, за Аюдагомъ дикія каменистыя мѣста, участокъ Олизара, шумное, однообразное плесканіе волнъ, мрачная погода, утесъ Юрзуфскій (61), видъ съ галереи, кипарисники возлѣ балкона; въ мнимомъ саду гранатники, вправо море безпредѣльное, прямо противъ галереи Лю и впереди его два голые бѣлые камня.

Отобѣдавъ у Монта (у жены его прекрасное греческое, задумчивое лице и глаза черные, восточные), ѣду далѣе; Лю скрывается позади, сосны на Яйлѣ, лѣсистыя высокія мѣста, впереди Гаспринскій мысъ (62) ограничиваетъ горизонтъ.

Подѣздъ къ Ник. саду (63) лучше самаго сада. Заглохшая тѣпистая тропа посреди одичалыхъ остатковъ греческаго садоводства, подъ гору, плющемъ увитыя, ясени и кленъ, грецкій орѣшникъ, акація, дикій виноградъ, смоковницы, плачущія нвы. Въ саду tus delphinus, котораго я давно домогался названія въ Ширванѣ.

Всегда-ли лѣто бываетъ такъ прохладно? Дорога болѣе возвышена. Родъ часовни, гдѣ лошадь привязана. Выѣзжая изъ саду и поднявшись къ верху, въ перелѣскѣ рунны греческой церкви. Вообще до-сихъ-поръ развалины не живописны, исключая алустонскихъ торчащихъ трехъ обломанныхъ башень.

Пріятный запахъ листьевъ грецкаго орѣшника, когда его въ рукахъ растираешь.

NB. Отѣхавъ отъ Юрзуфы и посмотрѣть назадъ, видъ берега расширяется черезъ передовые отроги Яйлы, видъ на долины къ Ялтѣ тоже пространенъ и пожелтѣвшія нвы разнообразятъ темную, многотѣнную картину.

Ночую въ Дерекѣ (64). Кладовая хозяйина. Одинъ каштанникъ во всемъ краю. Садъ Мордвинова въ Ялтѣ (65).

Округъ Никиты (66). Запущенные и оброшенные сады Грековъ, выведенныхъ въ Мариуполь.

30 июня. Пространная долина и плодоносная. Горы почти также высоки, какъ около Алушты и окружаютъ до пристани. Аутка греческое селеніе въ сторону отъ дороги, но въ ней все по-татарски. Отъ Аутки лѣсомъ прямо въ гору, справа съ Яйлы водопады Ялты. Оборотясь назадъ, видъ расширяется отъ верха Яйлы до Никиты-буруна; прелестная темная (fonscbe) долина, усаженная лѣсомъ; пестрота нивъ, садовъ и деревень, часть моря у Яйлы. Спустиая на большую дорогу опять лѣсомъ, Кушелева садъ въ Урьянда. Носъ Айтодоръ (67) каменистый выдается въ море; тутъ развалины монастыря. Выѣзжая изъ лѣса и поднявшись на высоту — пространнѣй видъ. Яйла, голая, дикою стѣною господствуетъ надъ Гаспри, Хурспсъ, Мускоръ (68) и Алупкою (69). Съ пригорка надъ Гаспрою опять видѣнъ Аюдагъ, который было исчезъ за Никитинскимъ мысомъ. — Чрезвычайно каменисто; земляничнѣй лѣсъ на Яйлѣ, какъ кровь красный. Вчера высота Яйлы была осѣнена соснами, а нынѣ безлѣсна.

Въ Алупкѣ обѣдаю, сижу подъ кровлею, которая съ одной стороны опирается на стѣну, а съ другой на камень; полъ выходитъ на плоскую кровлю другого хозяина, изъ-за нея выглядываетъ башенка мечети, Муэдзенъ-Селами-Эфенди, шелковицы, виноградныя лозы, сюда впереди два кипарисника тонкіе и высокіе, возлѣ нихъ гранатовый кустъ; вообще здѣсь вездѣ оливы, лавры и гранатники рдѣютъ. Палласъ говоритъ, что у Айтодора устрицы, но пора рабочая, теперь не ловятъ. Греки въ Ауткѣ.

Послѣ обѣда. Изъ Алупки въ Сименсъ (70), сливы, грапаты; Коурмѣ (71); роскошь прозябенія въ Сименсѣ; оттуда утесъ, обрушенный въ море торчма, на немъ развалины замка; проѣзжаемъ сквозь тѣснины частію нависшихъ и въ море обрушенныхъ громадъ, другая на сушѣ, надъ нею прямо обломанный утесъ, повсюду разрушеніе. Дождь, укрываемся къ казакамъ, (береговой кордонъ, далѣе содержитъ его балаклавскій полкъ), отъ дождя быстрые потоки и водопады. Яйла совершенно обнажилась изъ-за передовыхъ

горь. Кукунейсь (72); между нимъ и Кучуккоемъ (73) обвалъ отъ землетрясенія, будто свѣжевспаханная земля; отсюда видъ на крайній мысъ южнаго берега Форусъ (74), темный, зубцы и округлости отрисовываются позади свѣтящимъ вечернимъ заревомъ. (На другой день я увидѣлъ, что это только зубчатая поперечная скала между Пшеткою (75) и Кучукъ-коемъ).

Лѣнь и бѣдность Татарь. Нѣтъ народа, который-бы такъ легко завоевывалъ и такъ плохо умѣлъ пользоваться завоеваніями, какъ Русскіе.

1 іюля. Изъ Кучукъ-коя косогоромъ. Я задумался и не примѣчалъ мѣстоположенія; впрочемъ тѣ-же обвалы, скалы справа, море слѣва, поперечныя зубчатыя скалы. Поднимаемся близъ Форусскаго утеса вверхъ лѣсомъ, похоже на подъемъ съ моря на Чатырь-дагъ, краснорѣчивыя страницы Муравьева, перевалаясь черезъ Мердвень (76). Палась правъ на счетъ лицочертаній приморскихъ Татарь трехъ послѣднихъ деревень.

Байдарская долина (77) — возвышенная плоскость, приятная, похожая на Куткашинскую. Кровли черепичныя; кажется хозяйство въ лучшемъ порядкѣ; хозяйскій сынъ хорошенькій. Тутъ я видѣлъ, что во всей Азін, какъ хлѣбъ молотятъ: подсыпаютъ подъ ноги лошадямъ, которыхъ гоняютъ на кордѣ.

Послѣ обѣда въ лѣсъ до Мискоміи (78). Отсюда двѣ трети долины заслонены выступающею съ сѣвера горою, такъ-что тутъ дѣлается особенная долина; отсюда въ гору извивистой тропою спускаемся къ хуторку, къ морю (beg-gerie), гдѣ была разбита палатка для Екатерины во время ея путешествія; справа изъ-за плетня бѣлѣются мѣловыя горы, между Узенемъ (79) и Бельбекомъ (80). Поднимаюсь на гору. Панорама: вправо долина Узеня, подъ пригоркомъ Комара или Карловка (81), слѣва море разными бухтами входитъ, врѣзывается въ берега. Прямо впереди тоже море окружаетъ полуостровъ, котораго двѣ оконечности — Севастополь и Балаклава. Влѣво, въ морѣ флотъ изъ 9-ти кораблей; подъ ногами два мыса, какъ клавиши. Еще ниже острроверхій пригорокъ, на немъ замокъ и башни древняго

Чемболо (82); на второмъ мысу (изъ двухъ параллельныхъ) сады и обработанная поляна.

Обѣзжаемъ ближайшую гору, къ сѣверу Кадикой (83), бухта тихая, какъ прудъ и мѣстечко балаклавское на подошвѣ западной горы; бухта сжата продолговатыми мысами, на видъ безвыходными. Школа, домъ Ревельота, церковь, мечеть упраздненная, балконы на улицу. Ночью мало видно. Дежурный капитанъ. Готовится мнѣ яликъ для прогулки по бухтѣ, на другой день, на разсвѣтѣ. Комната моя въ трактирѣ съ биллардомъ. Морская рыба макрель, кефала (84).

2 июля. По утру, бухтою, внизъ къ устью, — не видать никакого выхода; на протяженіе до открытаго моря на 1½ версты заслонено утесами съ обѣихъ сторонъ; слѣва замокъ, полукруглый заливъ по выходѣ въ море. Дельфины и бакланы. Плыдемъ въ оба направленія, къ востоку Святой-посъ, гдѣ будто развалины монастыря. Воротясь назадъ, пріятный видъ мѣстечка, — въ церковной оградѣ кинарисъ, мечеть внизу, старая церковь въ горѣ, школа самое чистенькое зданіе. Настоящій Грекъ, слуга въ трактирѣ, пылаетъ желаніемъ сразиться съ Греками и сдираетъ съ меня въ три-дорога за квартиру.

Уѣзжаемъ изъ Балаклавы назадъ къ верху бухты, налѣво въ гору, вправо внизу Кадикой, церковь бѣленькая, пріятный видъ послѣ запачканныхъ мечетей, еще въ гору, мимо Корани (всѣ 4 деревни греческія). Хорошо отстроенные домики.

Возвышеніе, съ котораго Геракліевскій полуостровъ (85) какъ на ладони; окруженъ моремъ. Понорама: мы лицомъ прямо на западъ, вправо бѣлѣются дома Севастополя и большая бухта, корабельныя мачты, далѣе *сѣверная коса* и еще далѣе козловскій берегъ, впереди малкъ и двѣ бухты, какъ на чертежѣ. Хуторъ монастырскій и другіе, налѣво новая колокольня св. Георгія (напрасно выстроенная). Позади гористый видъ, мысъ Ай-Дакъ, Св. гора, отвсюду видѣнь; говорятъ, что онъ первый въ Крыму представляется плывущимъ изъ Царь-града. Не это-ли *Крїметополь?* (86) Это похожее на дѣло, нежели «баранья голова» Муравьева. Долина Узеня, слѣва бѣлый крижъ горъ известковыхъ повѣй-

шаго образованія: въ глубь всей картины верхъ Чатырдага, навпсшаго какъ облако.

НВ. Воспоминаніе о В. К. Владиміръ.

Ѣдемъ въ монастырь. Крутизна по входѣ въ ворота; неопасности для меня нѣтъ, потому что слишкомъ часто описано (также какъ и Байдарская долина, если-бы безымянная, она-бы мнѣ болѣе понравилась; слишкомъ прославлена). Спускаюсь къ морю, глазъ меня обманулъ: гораздо глубочайшій спускъ, чѣмъ я думалъ. Отъ церкви глядѣтъ на верхъ, къ колокольнѣ, похоже на Кіевскую Лавру, но видъ изъ Лавры несравненно лучше. — Въ морѣ справа два камня, какъ башни, между ними утесъ вогнутою дугою, слѣва скалы; подъ ихъ тѣнью раздѣваюсь и бросаюсь въ море. Вода холодная, какъ ледъ. Красивые разноцвѣтные камушки, прекрасно округленные. Назадъ подъемъ тяжелъ. Змѣя. Митрополитъ изъ Кефалонки.

Ѣдемъ въ Севастополь; жарко, сухо, мерзко и никакого виду. Городъ красивъ. Сначала видѣнъ съ Артиллерійской бухты домъ Снакіарева. Мы беремъ вправо, въ заставу. Подъ-вечеръ гуляю. Лучшее строеніе города гошпиталь надъ южной, самой страшнѣйшей бухтою. Огибаю Артиллерійскую бухту, базаръ, живопись, купаются, скверныя испаренія. Батарея, закатъ солнца, иду на Графскую - пристань, оттуда большою улицею вверхъ, мимо двухъ церквей, домой. Ночь звѣздная, прекрасная, но безлунная. Маяки свѣтятся въ створѣ къ Инкерману.

3 іюль. Севастополь лежитъ лицомъ къ Ктенусу (87), одною стороною на южную военную (или Корабельную) бухту, а другою на Артиллерійскую. Нѣсколько батарей на сѣверной косѣ и на мысѣ военной гавани. Ктенусомъ плывемъ 7-мь вергъ; лѣсъ истребленъ (жаль, а то бы прелестное гулянье по водѣ). Въ Балкахъ (88) справа казенный садъ, гдѣ гулянье 1-го мая, пороховой магазинъ, слѣва сахарный заводъ, справа и слѣва хутора. Въѣзжаемъ въ камышевый Узень, струйка прѣсной воды, ясени и другія деревья; на право гора двойная, изрытая пещерами, корридоръ, полуразрушенная внутренность церкви, (живопись: свѣтъ съ ликомъ, стертый), точно арки Гостиннаго двора или Кара-

вансарая. Древній мостъ слыветь Ханскимъ; перейдя черезъ него, насупротивъ прежнихъ и выше ихъ двѣ другія горы, тоже пробитыя пещерами, нынѣ застроены и вымазаны, съ окошечками, нашими артиллеристами, рабочими на селитренномъ заводѣ. Здѣсь церковь цѣлѣе, фигурныя украшенія, горнее сѣдалище. Изъ придѣла церкви обломанный сводъ безъ лѣстницы; Александръ туда и я за нимъ. Въ верху ступени въ крѣпость, идетъ къ южной крутизнѣ, тамъ пещеры ярусомъ въ десять нынѣ раскрашенныя, нынѣ клѣтчатая, выдобленные украшения.

Видъ на лугъ и долину Узеня прелестный. Также, оборотясь вправо, на заливъ. Вѣроятно, когда нападали на жителей, то они спасались въ верхнія жилища; если подламывали пилястры, то бросались въ крѣпость. Съ сѣвера и востока стѣны и башни довольно цѣлы, такъ-какъ этѣ обѣ стороны здѣсь приступнѣе и положе, то и былъ тутъ онъ укрѣпленъ тверже, двойною стѣною. На сѣверъ башня круглая и далѣе четырехъ-сторонняя; на востокъ зубчатая стѣна, башня круглая, опять стѣна, четырехъ-угольная башня

и еще стѣны и круглая башня угловая.

Инкерманъ (89) самый фантастическій городъ; представляю себѣ его съ низу до верху освѣщеннымъ вечеромъ. — Но гдѣ брали воду? — Отъ чего монахи? — Во всякомъ случаѣ Аріане, ибо Готфы сперва были Аріане; таковъ былъ и переводчикъ ихъ библія епископъ Ульфила.

Съ сѣвера сходъ, крыльце къ роднику. Пріятно умываться, когда самъ божокъ или нимфа ручья подаетъ воду пзъ рукомошника.

Панорама съ крѣпости: къ западу Ктенусъ и горы такия-же, какъ та, на которой крѣпость и которыя отдѣляютъ полуостровокъ. Къ югу, за долиною Узеня, Байдарскія горы; съ востока и сѣвера протяженія тѣхъ горъ, на которыхъ крѣпость.

Послѣ обѣда. Часовъ въ 5-ть послѣ обѣда ѣду къ капрашину. Стѣна, въ которой проломъ, прилежитъ къ нынѣшнимъ зданіямъ и тянется къ заливу направо и по возвыше-

ніямъ югомъ, гдѣ обращается вдавшимися углами многоугольника къ западу, возлѣ песчаной бухты упирается въ море и тутъ проломъ и части стѣнъ и башень. Къ сей сторонѣ, внутри, насыпной холмъ. Не здѣсь-ли Владиміръ построилъ церковь? («Корсуниѣ подкопавше стѣну градскую крадяху сыплеую персть и ношаху себѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града и войны Владиміровы присыпаху болѣе». Несторъ.) — Можетъ, Великій Князь стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я теперь, между Песочной и Стрѣлецкой бухты. Тутъ, теперь, паравнѣ съ землею основаніе круглой башни и четверосторонней площади къ Стр. бухтѣ. — Впереди все видно, что происходитъ въ древнемъ Корсуиѣ и приступъ легокъ. Черезъ городъ видны холмы Инкермана и два его маяка и верхи западной Яйлы, очерчивающей горизонтъ, какъ по обрѣзу; Чатыръ-дагъ лѣвѣе и почти на одной чертѣ съ городомъ особится отъ всѣхъ, какъ облако, по фигурѣ его явственна и правильна. Смотрящему назадъ видны два кургана, одинъ прибрежный, другой среди-земной. И на этомъ былъ, — груда камней и около него два основанія древнихъ зданій. Солнце заходитъ въ море и черное облако застѣняетъ часть его; остальная въ видѣ багроваго серпа мѣсяца. Худое знаменіе для Варяговъ. Съ насыпнаго холма, внутри города, видѣнъ маякъ, а далѣе, по морю и кругомъ, не видать. — Пещеры къ югу; ихъ множество. Проводникъ увѣряетъ, что они ведутъ къ Инкерману, обложены огромными дикими квадратными камнями. — Колодезь, водопроводъ. — Липца. — Два корабля и флотъ.

4 іюля. По утру однообразною дорогою, тою-же заставою, въ которую въѣхалъ. Надоѣло, велѣлъ своротить вправо, чтобы сблизиться съ моремъ; ѣдемъ рвомъ, множество четверосторонниковъ; поля раздѣлены на клѣтки каменными основаніями; налѣво, надъ рвомъ возвышеніе, на немъ □ изъ огромныхъ, грубоотесанныхъ камней, сложенныхъ одинъ надъ другимъ въ два ряда, къ югу два круглыя основанія, въ нихъ ямны, далѣе паралелограмъ; тутъ и кончится возвышеніе.

Подѣхавъ къ морю: позади осталась Стрѣлецкая-бухта, круглая впереди; тѣже клѣтки и фундаменты параллельныхъ оградъ. Палласъ предоставилъ себѣ со временемъ вниматель-

нѣе осмотрѣть остатки древностей около бухтъ Казацкой, Круглой и Стрѣлецкой, но при томъ и остался. Вотъ, что я видѣлъ. Въ концѣ загиба Камышевой-бухты два хутора, второй купца Сергѣева «Екима Сергѣевича покойнаго; сынъ его Левушка махышкій, 22-й годочникъ.» Въ одномъ изъ его огородовъ □: одинъ бокъ 16, другой 24 шага, съ одной стороны въ 4 ряда кампъ, и еще наддѣланъ неполный рядъ; иной камень въ $2\frac{1}{2}$ аршина длины и $\frac{3}{4}$ ширины; другіе бока въ три ряда. Обойдя загибъ бухты и перевалаясь черезъ пригорокъ такой-же □ и тутъ на холмѣ, до самаго маячнаго перешейка, груды огромныхъ и средственныхъ.

Маякъ въ 12 саженахъ вышины. Панорамный видъ полуострова не такъ хорошъ, какъ съ горы Карани (90): кромѣ двухъ возвышенныхъ мысовъ съ правѣй стороны ничего не видать. Флотъ въ морѣ, идетъ къ Николаеву на всѣхъ парусахъ. У берега свинки (дельфины) кувыркаются, фонтаномъ пуцаютъ воду изъ головныхъ отдушникъ; столпили въ стадо рыбу салтанку (91), которая отъ нихъ не можетъ отбиться, море наполнили кровью и насыщаются. Стая чаекъ рѣлетъ округъ ихъ и подхватываетъ объѣдки трапезы. Бакланы, уже сытые, плывутъ впередъ.

На возвратномъ пути, перейдя ровъ Стрѣлецкой-бухты, на пологомъ возвышеніи къ древнему Корсуну древніе фундаменты, круглые огромные кампъ и площади. Не здѣсь-ли витійствовали Херсонцы, живали на дачахъ и сюда сходились на совѣщанія? А нынѣшній остатокъ стѣпъ можетъ быть только Акрополь (92). Впрочемъ, я ужасный варваръ на счетъ этихъ безмолвныхъ свидѣтелей былыхъ временъ; не позволяю себѣ даже догадокъ. Что такое *bâtisses cyclo-réennes*? Похоже на Турокъ и Персіанъ, у которыхъ тезеевъ храмъ въ Аоннахъ и Персеполь приписываются построению Дивовъ. — Съ маяка и на здѣшнемъ полуостровѣ видно тоже направленіе земли, какъ во всемъ Крыму, — сѣверные берега пологи южные круты и обрывисты.

5 іюля. Черезъ Ахтіарскій заливъ (93) на сѣверную косу; оттуда видъ на Севастополь. Корсунъ и маякъ. Ёдемъ вдоль берега, поворачиваемъ, мпновавъ Учкуй (24), вдоль Бельбека. Берега въ садахъ; справа горы положе и въ зе-

лени, сгѣва крутыя и голыя, мѣловыя. Вѣроятно на Качѣ и на Альмѣ тоже. Дуванъ-кой (95), долина расширяется, справа восточная часть Мангупской горы (96), прямо срѣзана, , выглядывають пзъ-за протяженія горъ, что съ правой стороны отъ дороги.

Сворачиваемъ еще правѣе, переѣзжаемъ черезъ Бальбекъ и продолжаемъ путь вдоль рѣчки Кара-Илаза (97). Примѣчательный и оригинальный видъ горъ, чрезъ которые прорывается Бальбекъ, — сахарныя головы, верхушки бисквитныя. Иной бокъ закругленъ впередъ или назадъ, на верху родъ теремовъ и замковъ, или бельведеровъ разноцвѣтныхъ отъ смѣшенія зелени со слоями камней. Гора надъ Кара-Илазомъ тоже какъ-будто сверху укрѣплена псходящими башенками. Оттуда уступами тополи высочайшіе. Мельница, домъ, гаремъ (желтыйкій, въ оградѣ). Гостиница, прекрасное угощеніе.

Гроза великолѣпная.

Поднимаемся въ верхній Кара-Илазъ, ущемлемъ вдоль Суукъ-су (98), потомъ въ Ходжа-сала (99), влѣво въ ущелье, плутаемъ заглохшею тропою, въѣздъ на Мангупскую гору съ

сѣвера, ворота, стѣны, часть замка

окна съ готическими украшеніями.

Въ утесѣ высѣчены комнаты. Ходы, лѣстницы, галереи къ с. в. вѣѣ крѣпости. На самомъ концѣ площадка, подъ нею вторымъ уступомъ острый зубецъ утеса, на-право долина, на-лѣво подъ ногами голое ущелье, гдѣ Ходжа-сала; далѣ море. Спуски, сходни въ круглый залъ, шесть комнатъ къ западу, къ востоку три, узкій ходъ по напарету, множество другихъ развалинъ.

Башни и стѣны къ востоку въ маленькомъ промежуткѣ, гдѣ не такъ отвѣсно. Большая, мѣстами довольно цѣлая, стѣна западная. Спускаемся заросшею стремниною. Жидовское кладбище. *Не худо-бы разобрать надписи.* Видъ прямо на Кара-Илазъ. Ночью въ Бахчисарай. Музыка, кофейныя, журчаніе фонтановъ, мечети, тополи. Татаринъ мимо насъ скачетъ вонъ изъ города, искры сыплются изъ трубки.

6 Июл. Ханъ-сарай полуразвалившійся. Видъ съ минарета. — Иду пѣшкомъ вверхъ по нашему переулку, оттуда къ мавзолею Грузинки, отъ него вверхъ и опять внизъ къ мостику. Въ перспективѣ гаремная бесѣдка, видъ города: тополи, трубы, минареты. Азисъ (100), внизъ по Чурукъ-Су (101) базарною улицею, деревня, 6 мавзолеевъ, одинъ осьмугольный, карнизы обложены мраморомъ. Опять въ Бахчисарай; отъ него на востокъ ущельемъ вверхъ по Чурукъ-Су. Дома подъ навѣсомъ утесовъ. Минареты, куполы развалившихся баней. Вправо лощина врѣзана въ ту-же гору, которая съ юга господствуетъ надъ Бахчисараемъ. Сворачиваемъ туда; проѣхавъ немного, справа монастырь нависъ подъ горою и прилѣпленъ къ горѣ; лѣстница и церковь и корридоры высѣчены въ камиѣ, балконъ пристроенъ снаружи и келейка, гдѣ старикъ съ старушкою. Внизу надгробный памятникъ неизвѣстнаго, надпись русская сглажена. Оттуда ложбиною вверхъ, вездѣ фонтаны, дорога влѣво, клиномъ на верху Юсафатова долина въ дубовой рощѣ (102). На-лѣво отвѣсная гора Чуфуть-Кале (103), туда ведетъ лѣстница. Таже система укрѣпленія, что въ Мангупѣ. Оленьс поле; на стремниѣ противъ монастыря остатки башни и стѣны.

Мѣстоположеніе Чуфуть-Кале: къ сѣверу ущелье, гдѣ протекаетъ Чурукъ-Су и гдѣ Бахчисарайскія горы; къ з. ложбина монастырская; къ ю. лощина кладбищная; къ в. долина глубокая и лѣсистая между горъ, гдѣ низменная дорога отъ Алмы къ Качѣ (104). Тутъ видъ горный до самой Яйлы-западной. Промежуточные возвышенія, холмы и долина погружены въ тѣни, надъ ними природа разбила шатерь, онъ свѣтозаренъ отъ заходящаго солнца, которое прямо въ него ударяетъ; все прочее отъ нашедшихъ съ запада облаковъ покрыто темнотою. Эту картину я видѣлъ, проѣхавъ Юсафатову долину; къ югу отъ нея и выше, надъ стремниною, за которой внезапно выставляется Тепе-Кермень (105) съ пещернымъ его вѣнцемъ, — точно вышка, крѣпостца на верху. Тутъ я увидѣлъ почти все теченіе Качи, какъ она вытекаетъ изъ горъ, а позади насъ впаденіе ея въ море, которое свѣтится. Впаденіе въ Качу Чурукъ-Су. Дождь въ

Бахчисарайскомъ ущельѣ. Вправо горы Кара-Илаза. На Качѣ Татаръ-кой (106). Возвращаюсь къ мавзолею Грузинки.

Чуфуть-гора (107) одна изъ мѣловыхъ бѣлыхъ горъ между Салгиромъ и Каспли-Узенемъ, подобно какъ Тепе-Черкесь-Ивкерманъ и Мангупъ и всѣ онѣ пещеристы. Кто этотъ народъ и противъ кого окапывался къ югу? Рабинъ говоритъ Хазары, которые прежде назывались Готоами.

9 *Юля*. По двух-дневномъ странствованіи їду къ М-те Hoffène въ Татаръ-кой. Изъ Ахмечета (108) дорога влѣво отъ кладбища, вправо остается манговъ хуторъ и еще да-лѣ его-же деревенька. Верстахъ въ шести отъ города съ высоты видъ моря. Во всемъ Крыму, какъ-бы должна глубока ни была, — подняться на ближайшую гору, и откуда нибудь море непремѣнно видно. Спускъ къ Сабламъ (109), гдѣ все зелено, между-тѣмъ какъ въ степи, позади меня, все желто. Чатырь-дагъ. Сѣнные покосы. Крестьяне въ Саблахъ выведенцы изъ Россіи. Султанъ Ирляндскій проповѣдникъ. Джемсъ (110) въ Саблахъ, увидавши меня, радъ, какъ мѣдный грошъ. Школа плодовыхъ деревьевъ: коли слишкомъ растутъ въ вышину, то это плохо для плодовъ. Столѣтнее алое. Переѣзжаемъ Алму у Карагата; ниже садъ Чернова на Алмѣ же; далѣ лѣсомъ, низенькимъ. Переѣзжаемъ Бодракъ, налѣво Мангупъ (111). Вступленіе вправо въ ущелье Бахчисарайское съ востока, наполнено садами, строеніями, развалины дворца, влѣво, сверху, торчитъ Чуфуть-Кале, ложбина вправо. — Баня въ Бахчисараѣ хуже тифлисской; прежде я тамъ не былъ, потому что, когда прочелъ Муравьева, — какъ-будто самъ водою окатился.

10 *Юля*. Утромъ въ Татаръ-кой. Крутизна къ Качѣ; прекрасная Качинская долина, милая хозяйки. Султанъ о религіи толковалъ очень порядочно въ Бахчисараѣ; свое и чужое, но премудрость изливается иногда изъ устъ юродивыхъ.

11 *Юля*. Кавалькада въ Тепе-Кермень. Гора, нависшая надъ Татаръ-коемъ, верхъ которой въ видѣ стѣны, стойма поставленной. Ораторство Султана. Ходимъ по пещерамъ.

12 Июля. Лунная ночь. Пускаюсь въ путь между верхнею и нижнею дорогою. Приѣзжаю въ Саблы, почую тамъ и остаюсь утро. Теряюсь по садовымъ извитымъ и темнымъ дорожкамъ. Одинъ и счастливъ. Джемсъ кормить, пощъ. пляшетъ и, отъ избытка усердія, лакомить лошадыю, котораю ему руку сломла. Возвращаюсь въ городъ.....

Этимъ кончаются путевыя замѣтки Грибоѣдова о Крымѣ. — Черновая тетрадь его не представляетъ никакихъ данныхъ, т. е. никакихъ бумагъ, въ ней заключающихся, которыя можно было-бы несомненно отнести къ почти что двухлѣтнему продолженію времени (считая съ 12 іюля 1825 по 12 Мая 1827.) Исключеніе, по всей вѣроятности, остается въ этомъ случаѣ только за двумя записками: 1) О лучшихъ способахъ построить городъ Тифлисъ и 2) О Гилянѣ, — которыя будутъ приведены ниже и которыя могли быть писаны Грибоѣдовымъ во время его службы въ Тифлисѣ, при тогдашнемъ главнокомандующемъ, генералѣ Ермоловѣ. — Въ Маѣ 1827 года Грибоѣдовъ выступаетъ вмѣстѣ съ генераломъ Паскевичемъ въ персидскій (эриванскій) походъ, начинается, съ самаго дня отъѣзда изъ Тифлиса, писать бѣглыя, перечневыя путевыя замѣтки и прерываетъ ихъ тогда, когда дѣла становятся интересны — какъ вообще, такъ и въ частности, по отношенію къ Грибоѣдову, человѣку, который былъ именно драгоцененъ графу Паскевичу, какъ хорошо знавшій Персіянъ, ихъ языкъ и находившійся въ близкихъ, можно сказать дружественныхъ, связяхъ съ главнымъ тогдашнимъ военнымъ и политическимъ со стороны Персіи дѣятелемъ, прицемъ Аббасъ-Мирзою. — Причина, почему этотъ дневникъ порванъ очень ясная: Грибоѣдову въ то время стало не до замѣтокъ, не до занятій саммъ собою, — нужно было дѣло дѣлать, а записывать о дѣлѣ было уже некогда.

Во всякомъ случаѣ, какъ-бы сжатъ и сухъ ни показался этотъ дневникъ читателю, я почитаю необходимымъ привести его, по причинамъ, о которыхъ говорилъ въ самомъ началѣ статьи.

1827.

12 Мая. Четвертокъ. Прибытіе Семптеръ-аги изъ Карса. Новости отъ Бенкендорфа, Нахичеванцевъ переселяютъ. Въ виду у насъ входъ въ пустыни знойныя и безплощныя. Выѣзжаемъ изъ Тифлиса, Вознесенъе. Въ Сейдъ-Абадѣ (112) многолюдно и весело. Толпа музыкантовъ на деревѣ, при проѣздѣ генерала гремятъ въ бубны. Обогнувъ послѣднюю оконечность мыса, видъ къ югу туманнаго Акзибегака (113); вершина его поливается дождемъ. По дорогѣ заноздалый инженерный инструментъ и сломанныя арбы съ дребезгами искусственнаго моста, разметанныя по дорогѣ, производятъ на генерала дурное впечатлѣніе. Минуемъ Коди (114), верстахъ въ двухъ отъ большой дороги сворачиваемъ въ Серванъ (115), вдали лагерь у храма. Услужливость масульманъ. Рѣчь мулы.

13. Пятница. По утру прибыли къ храму. Быстрога чрезвычайная, новое направленіе рѣки, мостъ снесенъ. Ночью Шулаверы (116), живописныя ставки въ садахъ. Казакъ линейскій по-чеченски шашкою огонь вырубаетъ и всегда напередъ скажетъ, какой конь будетъ убитъ въ сраженіи.

14. Суббота. Драгунскій полкъ проходитъ. Лошади навьючены продовольствіемъ и фуражемъ; люди пѣшіе.

15. Воскресенье. Ущелье вверхъ по Шулаверкѣ чрезвычайно похоже на Салгирскую долину. Лѣсистыя, разнообразныя горы; позади всего высовывается Лалеверъ [мѣдно-заводская гора (117)], какъ Чатырь-дагъ съ каменнымъ, обнаженнымъ челомъ.

Лагерь на пріятномъ мѣстѣ. *Бабій мостъ* 4 версты отъ Самійскаго погоста (118), гдѣ расширеніе вида необыкновенно пріятное. Генералъ дѣлается опасно болѣнъ. Безпокойная ночь.

16. Понедѣльникъ. Вверхъ поднимаемся по ужасной, скверной, грязной дорогѣ. Тѣсня иногда расширяется; видъ съ Акзибеюка обратно въ Самійскую долину, на Кавказъ и проч. Кшмать русскій, волчья ворота (119). Пишу на лугу и, забывшись, не чувствую сырости, похожей какъ на Крестовскомъ острову, покуда чернила не разлились по отсырѣ-

шей бумагѣ и самъ я промокъ до костей. Ночую съ генераломъ; онъ все болѣнъ. Тутъ и докторъ и блохи.

17. Днѣвка.

18. Въ 4 часа меня будятъ; тащатъ съ меня халатъ; сырость, холодъ, Лапландія, всѣ больны. Ёду впередъ по верховой дорогѣ; нѣсколько руинъ справа и слѣва и селенія. Крутой спускъ въ оврагъ каменной рѣчки. Вся помпа воинственная, съ которой ожидаютъ прибытія главнокомандующаго.

19, 20. Дневка. Карапахцы поселились на турецкой границѣ, перехватываютъ и рѣжутъ нашихъ посланныхъ. Какъ бы ихъ оттудова вытѣснить? Заботы о транспортахъ.

21. Тамъ-же. Принятіе турецкаго посланца съ музыкою. Толстъ, глупъ и важень.

22. Тамъ-же. Чѣмъ свѣтъ сажусь на жеребца, который ужасно упрямится. Пускаюсь къ развалинамъ Лори въ 3-хъ верстахъ отъ лагеря (120). Деревня, беру проводника. Слѣзаю въ оврагъ каменный и крутобрегій, гдѣ протекаетъ Тебеде съ шумомъ, съ ревомъ и съ пѣной (121). Чистый водопадъ дробится о камни справа. Смѣлая арка изъ крупнаго, тесаннаго камня черезъ него перекинута. Развалина другого моста черезъ Тебеде. Стѣны и бойницы въ нѣсколько ярусовъ по противулежащему утесу; вползаю черезъ малое отверстіе въ широкую, зубчатую башню, гдѣ былъ водоемъ; вѣроятно вода подъ землю была проведена изъ рѣки. Тутъ съ в. вытекаетъ другая рѣчка и въ виду по сему новому ущелью водопадъ крутитъ пѣну, какъ-будто млечный протокъ. Изъ тайника крутая и узкая стежка (122) вьется надъ пропастью. Духомъ взбираюсь вверхъ. Развалины двухъ церквей, бапъ, замка съ бойницами, къ с. оттудова ворота, много рѣзной работы; вообще положеніе развалинъ родъ Трапезонда. Къ югу два мыса надъ Тебедою, къ з. бокъ надъ нею же, къ в. надъ другою рѣчкою, къ с. замокъ и ровъ оборонялъ его отъ нападений съ луговой плоскости. Прежде здѣсь царствовала сильная династія Таи (123), отъ 8 до 12-го столѣтія; храбрые, умные цари много обращались съ Византіяцами, отъ которыхъ заняли зодчество и другія искусства.

Нынѣ на развалинахъ въ недавнемъ времени поселились бамбакскіе выходцы въ маломъ количествѣ.

Здѣсь у Грибоѣдова перерывъ; продолженіе-же этѣхъ замѣтокъ находится на другихъ листкахъ и въ другомъ мѣстѣ.

— Письмо Игурлехана. *Лишеніе надежды есть тоже покой.*

Просьба, адресъ поздравительный Карбахцевъ. *Роза разцвѣла въ роцѣ, съ ея появленіемъ всѣ цвѣты получили новую жизнь.*

Отъѣздъ турецкаго посланца. — Приѣздъ Обрѣскова (124).
Полная почъ. — Походъ.

Іюнь.

1. *Среда.* Въ Гергеры, вдоль Тебеде. Налѣво руины Лорн. Попы армянскіе на дорогѣ въ ризахъ подносятъ Бога главнокомандующему, который его отъ нихъ какъ рапортъ принимасть.

Къ востоку снижаются дальнія горы; одинъ конусъ похожъ на Тене-Керменъ.

Приходимъ къ лѣсной подошвѣ Безобдала (125); мой ша-теръ надъ ручьемъ, пріятное журчаніе.

2-го. Дневка. Обскакиваю окрестности. Поднимаюсь на верхъ горы надъ лагеремъ. Ароматическій воздухъ лѣсной и луговой. Теряю лошадь.

3-го. Подъемъ на Безобдалъ. Трудность обозамъ. Я боковой стежкой дохожу до самаго верьха, гдѣ вѣтръ порывистый. Спускъ грязный на Кпшлаки (126). Гвардейскій лагерь прелестенъ.

Палатка Аббасъ-Кула надъ рѣкою. Заглохшія тропы къ опустѣлымъ саклямъ.

Ночью отъ блохъ житья нѣтъ; въ дождь ложусь на дворѣ.

4-го. Приѣздъ грузинскаго ополченія. Свалка на дорогѣ. Пещеры. Мавзолей Монтрезора (127). Дурной лагерь въ Амамлахъ (128).

5-го. *Воскресенье.* Вдоль южной цѣпи горъ переваливаемся черезъ Памву (129). Видъ Бамбахской долины (130) въ родѣ

котловины. — Прекрасное лагерное мѣсто. Алагезъ къ ю-з. (131).

Иду на пикетъ казачій. Табуны. Боюсь за нихъ.

6-го. Завтракъ у Раевского. Лагерное мѣсто у рупны церкви въ Судогентѣ (132).

Алагезъ къ з. Громъ, убита лошадь. Араратъ открывается.

7-го. Алагезъ къ с.-в. Хорошо до привала. До-сихъ-поръ въ полдень жаръ несносный, ночью холодъ жестокій. Кормы тучныя.

Артемій Араратскій (133).

Съ пригорка видъ на обширную и прелестную долину Аракса. Араратъ неподобенъ. Множество селеній.

Съ привала мѣста, сожженные солнцемъ. Лагерь за версту отъ деревни Аштаракъ. Скорпионы, фаланги (134). Куполь Арарата.

Прелестное селеніе Аштаракъ, — мостъ въ три яруса на трехъ аркахъ, подъ нихъ рѣка Абарень дробится о камни. Сады, городъ. Селеніе принадлежитъ матери Хосро-Хана. Жара.

Ночью головы сняты съ двухъ людей, солдатъ и маркитанта.

8-го. Приѣздъ въ Эчмязинъ. Кларъ, духовное торжество. Главнокомандующій встрѣченъ съ колокольнымъ звономъ.

Разбиваю палатку между двухъ деревьевъ; цвѣты, водопроводы. Большой обѣдъ у Архіерея.

Гассанъ-Ханъ врагъ монастыря. Багдатскій паша принялъ къ себѣ жителей.

Султанъ Шадимскій на нашей сторонѣ и его 4 племени. Мехти-Кули-Ханъ перешелъ къ намъ съ 3000 семействами.

9-го. Четвергъ. Поѣздка въ лагерь подъ Эриванью. Послѣ обѣда генералъ ходитъ рекогносцировать крѣпость. Гдѣ только завидятъ бѣлыя шапки, туда и цѣлятъ. Шадимскій Султанъ и ему подвластные народы намъ сдались.

Въ четвергъ извѣстіе о замыслѣ Гассанъ-Хана съ 3000 Кутали и Карапапахами напасть на наши транспорты. Вечеромъ гвардія отправляется въ экспедицію; радость молодежи.

Вальховскій съ колокольна видитъ пыль вдали.

10-е. Пятница, 11-е Суббота. Приѣздъ посланнаго отъ Аббасъ-Мирзы.

12-е. Воскресенье. У обѣдни въ монастырѣ.

Подъ вечеромъ ѣдемъ къ Эривани. Араратъ безоблачный возвышается до снѣвы во всей красѣ.

Ночь звѣздная на Гераклеевой горѣ. Генераль сходитъ въ траншею. Выстрѣлы. Перепапка. Освѣщеніе крѣпости фальшфейеромъ.

13-е. Изъ Эривани скачу обратно въ Эчмядзинъ. Араратъ опять прекрасенъ. Жаръ поды Эриванью, въ Эчмядзинѣ прохладно.

Съ этого дня жары отъ 43 до 45°; въ тѣни 37°. Въ 5-мъ часу поднимается регулярно вѣтеръ и пыль и продолжается до глубокой ночи.

18-е. Кто хочетъ истинно быть другомъ людей, долженъ сократить свои связи, какъ Адрианъ изрѣзалъ границы Римской Имперіи, чтобы лучше охранять ихъ.

Вотъ задача моей жизни въ главной квартирѣ.

C'est encore une folie de vouloir étudier le monde en simple spectateur. Celui qui ne pretend qu'observer, n'observe rien, parcequ'étant inutile dans les affaires et importun dans les plaisirs, il n'est admis nulle part. On ne voit agir les autres, qu'autant, qu'on agit soi-même, dans l'école du monde, comme dans celle de l'amour. Il faut commencer par pratiquer ce qu'on veut apprendre.

Поэтический вечеръ въ галереѣ Эчмядзинской; въ окна свѣтитъ луна; Архіерей какъ тѣнь бродитъ. Извѣстіе о вырѣзанныхъ лорійскихъ жителяхъ съ 150 арбами транспортными, которые ушли не сказавшись.

19-е. Въ Эривань. Переправа черезъ Зангу. Обѣдъ у Красовскаго; споръ генераловъ о брешѣ. Посылаютъ Кольбелей-Султана, чтобы способствовалъ Курганову къ выгону скота.

Каменисто, скверно, вечеромъ ужасные вѣтеръ и пыль.

Лагерь на Гарнычаѣ (135), тону въ рѣкѣ. Почлегъ у Раевского. André Chénier.

20. Дневка. Являются съ покорностію племянникъ и сынъ

Вели-аги. Вечеромъ переносимъ лагерь на противоположный берегъ рѣки. Степь ожгла при свѣтѣ огней. Мѣсяць. Араратъ. Ущелье Горнычая.

Кургановъ, ложное о немъ извѣстiе. Сакенъ въ моей палаткѣ.

21. Поутру извѣстiя опровергаются. Обработанный край: куда ни кинешь глазомъ, все деревни; яркая зелень у подошвы вѣчныхъ свѣговъ Арарата. Лагерь на Ведичаѣ (136), куда выгнанъ скотъ. Являются Асланъ-Султанъ и другiе. Кургановъ со скотомъ. Карапапахцы (137).

Чудесная ночь. Извѣстiе о непрiятелѣ за Араксомъ.

22. Идемъ чрезъ Девалу (138). Два апста на мечетѣ стерегутъ опустѣлую деревню. Край безводный. Деревень не видать. Привалъ безъ воды. Генераль по слуху о непрiятелѣ, отправляется въ авангардъ. Прокламацiя Садакамъ и Миллинцамъ. Садараки прекрасный ночлеги.

23. Проходимъ версты 4 въ малое ущелье, какъ ворота Шарурскихъ горъ. Прекрасная открывается, обработанная страна; множество деревень и садовъ; хлѣба поспѣли, некому снимать. Но осенью видъ всего этого прескверный. Я бывалъ въ сентябрѣ, — все сухо, вяло, желто, черно.

Лагерь на Арпачаѣ.

• 24. Днѣвка. Термометръ до 47°. Приѣздъ Карапапахцевъ, Мехметъ-аги, Гумбетъ-аги бамбахскаго и другихъ. Ночью не сплю. Рано, въ 3 часа поднимаемся.

25. День хорошо начать, избавляемъ деревенскихъ жителей отъ угѣсненiя. Имъ платятъ на привалѣ по 6-ти реаловъ лишнихъ на быка; они благословляютъ непрiятеля. Вообще, война самая человѣколюбивая.

На привалѣ отправленiе бумаги къ Красовскому. Раздача знамовъ, подарковъ. Я открываю лавку царскихъ милостей. Извѣстiе, что Шарульцы и Миллинцы гонятъ къ намъ скотъ. Безводно, но не чрезвычайно жарко.

Гду вдоль Аракса открывать непрiятеля, но открываю родники пречудесные. Жатва не собрана, иные снопы начаты, но не довязаны; видъ недавняго бѣгства. Прекрасная деревня надъ Араксомъ, Хоки. Заѣзжаю въ авангардъ. Лагерь не доѣзжая до Хокъ. Тучи и дождь, потомъ луна всхо-

дуть. Огни bivуакъ въ ночи производятъ дѣйствіе прекрасное.

26. Рано поднимаемся; жаръ ужасный. Разсказъ Аббасъ-Кули, что елисаветпольское сраженіе дано на могилѣ поэта Низами (139).

8 верстъ отъ Нахичевани пригорокъ. Оттуда пространнѣй видъ къ Аббасъ-Абаду (140) и за Араксъ. Видъ Нахичеванской долины, къ с.-в. Карабахскія горы, каменистыя, самаго чуднаго очертанія. Эйланъ-дакъ и двѣ другія ей подобныя горы за Араксомъ, далѣе къ з. Араратъ. Самъ Нахичеванъ стоитъ на длинномъ возвышеніи, которое также отъ Карабахскихъ горъ.

Вступленіе въ Нахичеванъ. Ханскій теремъ. Видъ отсюда изъ моей комнаты.

Непріятель оставилъ городъ наканунѣ. Въ Аббасъ-Абадѣ 4000 сарбазовъ и 500 конницы. Комендантъ смѣненъ.

Змѣиная гора въ увеличенномъ видѣ обожженный уродливый пень. Такія еще двѣ (141).

27, 28. Извѣстія о шахѣ отъ Мекти-Кули-Хапа. Муравьевъ посланъ рекогносцировать крѣпость. Съ моего балкона слѣдую въ подзорную трубу за всѣми его движеніями.

29. Въ 4 $\frac{1}{2}$ ч. кончаю почту, сѣдлаю лошадь и ѣду къ крѣпости, гдѣ 50 человекъ казаковъ въ ста саженьяхъ отъ стѣнъ заманиваютъ непріятеля. Засада въ деревнѣ съ восточной стороны. Къ 10 часамъ сильная рекогносцировка — 2 полка уланскихъ, 1 драгунскій, 2 казачьихъ, 22 конныхъ орудій обступаютъ крѣпость. Кононируютъ. Бенкендорфъ перебрасываетъ 2000 человекъ черезъ Араксъ, которые на противоположныхъ высотахъ гонятъ передъ собою непріятеля. Изъ крѣпости стрѣляютъ на переправу. Парламентеръ изъ крѣпости. Али-Наги сыновья Исмиль и Мустафа-ага переговариваются съ нами съ гласиса.

30. Приѣздъ Іавера. Отпущенъ съ угрозами. Вечеромъ поѣздка къ Раевскому въ лагерь. Водопады.

Іюль.

1-е Переносится лагерь къ крѣпости. Начало работъ не производится за недостаткомъ матер

За тѣмъ — бѣлые листы.

Какъ ни сжать этотъ дневникъ военно-походнаго путешественника, какимъ сталъ на ту пору Грибоѣдовъ, но нельзя не пожалѣть, что Грибоѣдовъ не продолжалъ его: дневникъ этотъ относился-бы къ самой любопытной эпохѣ въ жизни Грибоѣдова, — къ тому именно времени, когда его огромныя дарованія, вполне обработанныя многосторонней, правильной образованностію, его дипломатическій тактъ и ловкость, его способность къ труду огромному, сложному и требующему большихъ соображеній, явились во всемъ блескѣ и были оцѣнены по достоинству, такъ-что Грибоѣдовъ, можно сказать, вдругъ возвысился изъ второстепенныхъ чиновниковъ, чѣмъ онъ былъ доселѣ, до степеней — государственнаго человѣка.

ОТДѢЛЪ II.

ЗАМѢТКИ.

Я начинаю этотъ отдѣлъ двумя записками Грибоѣдова — о Гилани и о Тифлисѣ, потому что онѣ мнѣ кажутся старше другихъ, относящихся къ этому отдѣлу, бумагахъ по слѣдующимъ причинамъ:

Изъ самихъ записокъ ясно, что онѣ писаны въ теченіе службы Грибоѣдова въ Грузію. Но, къ какому именно періоду времени и службы этой должно правильнѣе отнести ихъ? Грибоѣдовъ, говоритъ г. Булгаринъ, перешелъ на службу изъ Персіи въ Грузію въ февралѣ 1822 года, а въ мартѣ 1823-го онъ, по показанію г. Булгарина и по свидѣтельству С. Н. Бѣгичева, приѣхалъ въ отпускъ въ Москву. Въ концѣ 1824-го и началѣ 1825 года мы, по перепискѣ его съ С. Н. Бѣгичевымъ, видимъ его въ Петербургѣ; іюнь 1825 года, что видно изъ «Черновой», застаётъ его въ Крыму, откуда только осенью возвратился онъ въ Грузію (12 сентября онъ былъ еще въ Феодосіи и оттуда писалъ С. Н. Бѣгичеву). — «Событія, опечалившія Россію въ концѣ 1825 года» — говоритъ г. Булгаринъ — «потребовали его

присутствія въ Петербургѣ», Последнее его въ этомъ году письмо къ С. Н. Бѣгичеву — изъ Екатериноградской столицы, отъ 7 декабря. Безъ біографической записки о ГрибоѢдовѣ С. Н. Бѣгичева трудно было-бы, хоть приблизительно, опредѣлить: когда именно возвратился ГрибоѢдовъ изъ Петербурга въ Грузію? Г. Булгаринъ этого не опредѣляетъ, говоря только, что «пріѣхавъ въ Грузію при началѣ войны съ Персією, ГрибоѢдовъ находился при особѣ графа Паскевича, своего родственника». Показаніе это совершенно справедливо. «Въ началѣ 1826 года» — говорятъ С. Н. Бѣгичевъ въ своей запискѣ — «ГрибоѢдовъ былъ отправленъ генераломъ Ермоловымъ *по дѣламъ службы* въ Петербургъ, возвратился оттуда въ Москву въ концѣ іюля и въ началѣ августа былъ у меня въ деревнѣ на одинъ день: онъ спѣшилъ съѣхаться съ генераломъ Паскевичемъ въ Воронежѣ.» — Изъ бумагъ «Черновой» мы уже видѣли, что 12 мая 1827 года ГрибоѢдовъ выступилъ вмѣстѣ съ Паскевичемъ въ персидскій походъ. Вотъ точныя біографическія данныя, на основаніи которыхъ должно рѣшить вопросъ: къ какому-же времени отнести этѣ двѣ записки — о Гилани и о Тифлисѣ? Очевидно, что никакъ нельзя относить ихъ къ послѣднему, кратковременному и тревожному, передъ началомъ войны, пребыванію ГрибоѢдова въ Грузіи, съ осени 1826 по весну 1827, но всего правильнѣй отнести ихъ ко времени его мирной тамъ жизни и служебныхъ занятій, то-есть къ году съ февраля 1822 по мартъ 1823. Самъ ГрибоѢдовъ, по-крайней-мѣрѣ въ нѣкоторой степени, подтвердитъ правильность этого вывода, основаннаго на критико-біографическомъ изслѣдованіи и укажетъ, что эти записки не могутъ относиться къ послѣднему его пребыванію въ Грузіи: «Милый мой» — писалъ ГрибоѢдовъ С. Н. Бѣгичеву отъ 9-го декабря 1826 г. изъ Тифлиса — «плохое мое житіе здѣсь. На войну не попалъ, потому-что и Алексѣй Петровичъ туда не попалъ. А теперь другого рода война: два старшихъ генерала ссорятся, а у подчиненныхъ перья летятъ». Кажется, послѣ этого не можетъ оставаться никакого сомнѣнія, что ГрибоѢдову въ это время было не до проэктовъ и записокъ.

I.

О Гилянн.

Къ югу отъ нынѣшнихъ нашихъ границъ, къ востоку отъ Азербеджана, омываемая съ сѣвера моремъ и съ прочихъ сторонъ окруженная высокими, неудобопроходимыми горами, простирается приморская каспійская область Гилянъ. Она изобилуетъ шелкомъ и лѣсамн всякого рода. Воздухъ въ ней, кромѣ высотъ, нездоровъ: сырость поражаетъ многія болѣзни, она даже проникаетъ въ закрытыя часовыя дружины и покрываетъ ихъ ржавчиной. Иные приписываютъ болѣзни и заразу воздуха изобильнымъ сорочинскимъ полямъ, другіе множеству растений, которыми заглохла большая часть провинцій, испаряющихъ, будто-бы, вредный запахъ. Въ политическомъ и торговомъ отношеніи этотъ край для насъ чрезвычайно важенъ. Народъ отдѣленъ отъ Персіи географическимъ положеніемъ, отмѣною въ нарѣчій и даже окладомъ лица. Въ Энзелеѣ, близъ столицы Рязь, удобный портъ, гдѣ прежде была наша контора и консульское пребываніе. Въ Гилянъ черезъ горы идутъ только три дороги и всѣ три трудныя, едва проходимыя: одна къ намъ на Ланкеранъ ущельемъ, другая изъ Ардебиля въ Астрабадъ, третья изъ Казвина, изъ Рубаръ въ Рязь и эти обѣ тѣсныя, въ трущобахъ, заваленныхъ обломками утесовъ и черезъ которыя войско, безъ сношеній благоприятныхъ въ самой землѣ, не проникнетъ. Фамилія Решти управляла также независимо въ Гилянн, какъ цари въ Грузіи, съ одинаковымъ титуломъ «Валл» (142), признаннымъ нашими Государями. Я убѣдился частыми нашими сношеніями съ симъ краемъ по-случаю вновь учреждаемаго консульства, что приверженность тамошнихъ жителей къ сему дому не исчезла. Родопачальникъ былъ Джемаль-Ханъ, сынъ Кемаль-Ханъ, внукъ Гедастъ-Ханъ, получившій отъ Императрицы Екатерины почетную саблю и чинъ генераль-аншефа, въ то время какъ великая Государыня, извѣстная въ Персіи подъ именемъ Хуршидъ-Кюла, *внчанное солнце*, подкрѣпляла права Муртеза-Кули-Хана на персидскій престоль. Братъ его, дѣдъ нынѣшняго шаха, ожесточенный противъ правителя Гилянн, убилъ его и лишилъ родъ его всякой власти хитростію и силою оружія. Съ тѣхъ-

поръ провинція сія въ безпрестанномъ волненіи: поборы, тиранства шахскихъ намѣстниковъ заставляли ее часто обращаться къ русской границѣ съ надеждою избавленія. Въ бытность мою въ Султанѣ въ 1819 году жители Рящъ взбунтовались противъ правителя ихъ, шахскаго евнуха, Хосровъ-Хана. Онъ былъ смѣненъ. Посланъ туда шахскій сынъ Риза-Мирза, который заставилъ вздыхать о своемъ предшественникѣ. И его смѣнили. Нынѣ тамъ другой сынъ шахскій Ягъча-Мирза, но поборы подъ управленіемъ главнаго шахскаго евнуха Ага-Манугеръ-Хана, брата нашего здѣсь въ Тифлисѣ переводчика Енаколопова. — Сынъ незабвеннаго въ Рящѣ Гедастъ-Хана называется Фетъ-Али-Ханъ, нынѣшній генералъ-губернаторъ, беглеръ-бекъ табризскій, воспитанъ при шахскомъ дворѣ; но онъ и два сына его и все его семейство привержены къ Россіи чрезвычайно. Я это испыталъ во-время моего пребыванія въ Персіи. Это одинъ домъ, съ которымъ мы были точно дружны. Также чрезвычайный посолъ нашъ г. Ермоловъ почтилъ его искреннимъ уваженіемъ. — Если-бы того требовала польза нашего правительсва, Фетъ-Али-Ханъ, при первомъ ему тайномъ сообщеніи, тотчасъ-бы явился подъ наши знамена, и въ Гилани, принятыи жителями, утвердилъ-бы тамъ наше владычество. Но и сія область тогда только принесетъ истинную пользу, если будетъ управляема по своимъ обычаямъ, независимо отъ нашихъ министерствъ, такъ какъ, по трактатамъ Циціанова съ ханами Шехинскимъ, Ширванскимъ и Карабахскимъ, управлялись ихъ ханства до нынѣшняго ихъ преобразованія.

II.

Записка о лучшихъ способахъ вновь построить городъ Тифлисъ (143).

Городъ Тифлисъ состоитъ изъ трехъ, весьма отдѣльныхъ, частей:

1) Сѣверное предмѣстіе, Каратубань. Прежде здѣсь были незначущія лачуги и землянки; два только строенія выставлены изъ прочныхъ: домъ главнокомандующаго и госпиталь. Генералъ Ермоловъ перевелъ прежнихъ жителей частію въ западную ложбину, къ ручью Салалаки, частію вовсе высе-

лилъ изъ города. На мѣсто ихъ возвышаются многія хорошия зданія, шия на-скоро воздвигнутыя, въ родѣ украшеній, которыя, по своей непрочности, угрожаютъ близкимъ паденіемъ. Домъ госпиталя имѣлъ уже другое назначеніе, переломанъ и надстроень. Вообще, нынче улицы и площади сего предмѣстія слишкомъ разбросаны, пересѣкаемы пустырями, сообщеніе затруднительно, порядочное освѣщеніе невозможно и сѣверный вѣтеръ безпрестанно взмываетъ все это обширное пространство, такъ-что изъ домовъ выходить нельзя во время вихря. Въ сей части города всего болѣе надлежитъ заботиться объ устроеніи моста противъ армянскаго монастыря или артиллерійскаго дома, или между симъ двумя пунктами. На противоположной сторонѣ расположены селенія Куки, Чегурети и нѣмецкая колонія; жители съ городскими заппаются одинаковою промышленностію взаимныя потребности ихъ сближаютъ, а объѣздъ на единственный мостъ, наведенный у подошвы мегинскаго бастиона, слишкомъ далекъ.

2) Настоящій городъ или Кале, къ югу отъ предмѣстія, въ видѣ прямоугольника, котораго діагональ плотно примыкаетъ къ Курѣ. Здѣсь находятся присутственныя мѣста, базары, караванъ-саран, большая часть лавокъ и коренные жители, издавна тѣмлющіе свои дома. Къ перестройкѣ сей части города труднѣе было приступить: каждый аршинъ земли дорого цѣнится, и потому когда хотѣли привести въ исполненіе новые планы, — на всякомъ шагѣ нарушали права владѣльцевъ и тѣмъ возбуждали справедливый ропотъ. Также многія новизны не служили ни къ удобству, ни къ красотѣ.

Впредь надлежитъ имѣть въ виду слѣдующія соображенія:

1. Допускать возможное расширеніе только главныхъ улицъ для проѣзда экипажей: побочныя переулки не заслуживаютъ вниманія тогда, какъ вся сія часть города имѣетъ не болѣе $1\frac{1}{2}$ верстъ въ поперечникѣ.

2. Не только не мѣшать, но одобрять хозяина дома, желающаго имѣть крытый балконъ или деревянную галлерею округъ всего дома. Навѣсъ, который отъ кровельной застрѣхи прикрѣпляется къ столбамъ на аршинъ и болѣе отъ стѣны, доставляетъ тѣнь, благотворную въ здѣшнемъ жаркомъ поясѣ и препятствуетъ киричу распекаться отъ жара.

Внутри дома менѣ свѣта, но болѣ прохлады. — По свидѣтельству всѣхъ здѣшнихъ врачей это и для здоровья необходимо.

3. Дарбазы, въ восточномъ вкусѣ, тоже для прохлады и здоровья чрезвычайно полезны (движеніе воздуха). Раскрытое строеніе обращать не на улицу. Наша сѣверная архитектура, съ малыми окошками, не годится.

4. Не раскрывать базара.

5. Поправленіе крѣпости. Вся эта часть города была обведена стѣною, разрушенною въ недавнемъ времени.

3) Предмѣстье Авлабарское. Тамъ только одна большая улица, вновь перестраивается.

III.

Desiderata.

1) Въ историческомъ изслѣдованіи о мѣстоположеніи древняго *Тмутараканя* говорятъ подъ статью: *Суздаль* (стр. VIII) о замѣчательной надписи, которая находится въ храмѣ Успенія Богородицы. Эта надпись существуетъ-ли еще? — Имѣетъ-ли она признаки древности?

2) Мы мало знаемъ исторію *Муромскихъ* князей. Едва извѣстенъ князь Федоръ Глѣбовичъ, о которомъ исторіи упоминаетъ подъ г. 1355 и князь Андрей, бывший на Донской битвѣ въ 1380, и только въ нѣсколькихъ словахъ объявляютъ въ 1392, что великій князь завладѣлъ ихъ княжествомъ. Стоило-бы потрудиться надъ поясненіемъ этого историческаго мрака и опредѣлить розысканіями родословными послѣдованіе владѣтелей и пространство области, которая вначалѣ составляла часть Рязанскаго княжества.

3) Правда-ли, что сѣверная часть Рязанской губерніи, по лѣвому берегу Оки, еще понынѣ удержала названіе *Мещерской стороны* (словарь Геогр. подъ статью: «Мещерская сторона»). — Откуда это наименованіе? Сохранились-ли слѣды народа, который нѣкогда въ томъ краю былъ извѣстенъ подъ именемъ *Мещеры*?

4) Въ *сорочинскомъ монастырѣ*, въ 15 верстахъ отъ Рязани, находятся гробницы нѣкоторыхъ князей Рязанскихъ. Но, имена князей и княгинь, тамъ похороненныхъ?

5) Между именами городовъ великаго княжества Рязанскаго, въ изчисленіи русскихъ городовъ (Воскресенск. лѣтопись, стран. 22), нѣкоторые намъ знакомы, другіе вовсе исчезли. Наша историческая географія много-бы свѣту приобрѣла, кабы кто потрудился опредѣлить ихъ мѣстоположеніе. Н. пр. гдѣ полагать должно *Торческъ*, *Тешиловъ*, *Крылатескъ*, *Перинскъ* (Нерильскъ?), *Кулатескъ* и тотъ *Рославль* или лучше *Ярославль Польскій*, который, конечно, далъ имя обширнымъ равнинамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *стѣни Ярославльской*, *большой* и *малой*, въ южной части Тамбовской губерніи. — Последнее имя *Оурютискъ* показано *Юрютискъ* въ шлецеровомъ спискѣ. —

6) Герберштейнъ говоритъ, что въ (древней) Рязани была крѣпость *Ярославль*, которой только слѣды остались. Можно-ли ихъ еще распознать? И какой это островъ *Струбъ*, о которомъ онъ упоминаетъ въ слѣдующемъ мѣстѣ:

«*Rezan, provincia inter Occam et Tanaim sita, civitatem ligneam non longea ripa Occae habet. Erat in ea castrum quod Iaroslav vocabatur, cuius nunc praeter vestigia existat. Haud procul ab ea civitate Occa fluvius insulam facit, quae Strub dicitur*» (144).

7) Гдѣ отыскивать этотъ уѣздъ *Мстиславль*, *Жадено городище*, *Жадемль*, *Дубокъ*, *Брондичъ*, которыхъ имена приводятся въ Древн. Росс. Вифл. изд. второе, часть I, стр. 92?

8) Договоръ между двухъ братьевъ князей Рязанскихъ, а не такъ какъ его ложно называлъ г. Новиковъ договоромъ великаго князя Московскаго съ Рязанскимъ. (*Древн. Росс. Виф.* II, стр. 263.). Сей договоръ наполненъ географическими подробностями, но наши карты недостаточны для ихъ изслѣдованія.

9) Имя *Гремячи* часто встрѣчается на нашихъ картахъ, но который «Гремячи», во время Петра I-го, почитался *узднымъ городомъ*, на коломенской дорогѣ, въ 230 верстѣ отъ Москвы?

10) Много-ли *Мордовцевъ* въ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ? Какія ихъ *деревни* и *волости*? Смѣшаны-ли они гдѣ-нибудь съ Русскими? Различаются-ли они также въ спѣхъ губерніяхъ въ двухъ народахъ *Мокшанцевъ* и *Ерзанцевъ*?

Пурасова Мордва, которая въ 1228 году нападала на Нижній-Новгородъ, конечно въ этой губерніи (Нижегород.) должна быть отыскиваема? Нельзя-ли имѣть точнѣйшаго свѣдѣнія о жилыхъ деревняхъ и волостяхъ мордовскихъ въ той губерніи?

11) Любопытное извѣстіе въ нашихъ лѣтописяхъ есть описаніе путешествія (плаванія) по Дону митрополита *Пимена*, въ 1389 г. Тамъ, между прочимъ, сказано, что въ пятое воскресенье (мая 16) они проѣхали рѣку *Медвѣдицу* и *горы высокія* и *Бѣлый-Яръ рѣку*. Эта рѣка, кажется, должна быть *Перекопка*. Но, какъ велико разстояніе между Медвѣдицею и Перекопкою? Можно-ли туда поспѣть въ одинъ день? — Въ понедѣльникъ они проѣхали *горы каменныя красныя* и, коли не ошибаюсь, прибыли къ *Иловлѣ*. — Во вторникъ они видѣли развалины *Терклѣго града*, которыя, вѣроятно, находились между *Качалинскою* и *Трехъ-Островянскою* станицею. (Рѣчка, которая ниже Трехъ-Островянской станицы вливается слѣва въ Донъ, называется въ подробн. картѣ, N 54, *Сакарка*. Не *Саркела*-ли? При Петрѣ еще тутъ не далеко находился высокій и крутой валъ, будтобы изъ глины (*terre glaise*.) Существуетъ-ли онъ еще? И какъ называется? Какая его фигура? Точно-ли онъ сдѣланъ просто изъ глины, или можетъ-быть изъ кирпичей? Не находились здѣсь, какъ обыкновенно на правомъ берегу Дона, известковая земля? (сличить *Stritt. Mem. III p. 567.*) — Потомъ странствователи въ тотъ-же день проѣхали *перевозъ*; не тамъ ли лѣтомъ Донъ спадаеть до 4-хъ фут. глубины, нѣсколько выше рѣки *Голубенки*? Но, во сколькохъ отъ нея верстахъ? Не худо-бы знать замѣчательныя броды и перевозы рѣки Дона.

12) Какія есть развалины возлѣ *Глазуновской*, на Медвѣдцѣ, выше ея устья?

13) Упоминають еще о замѣчательныхъ *могилахъ* на берегахъ Медвѣдцы и Дона въ окрестностяхъ Перекопской и Свротинской. Имѣють-ли сѣ отличные признаки?

14) Академикъ Фалькъ (*Beiträge zur topographisch. Kennt. des Russ. Reichs*) говоритъ о *двухъ городищахъ значительн.*
Отд. I. 4

ныхъ возлѣ *Цимлянской* станицы. Онъ самъ ихъ не видалъ, но что казачій атаманъ ему объ нихъ рассказывалъ всемѣрно заслуживаетъ любопытнаго изслѣдовапія имени, фигуры и вещества этѣхъ развалинъ. Не видать-ли тамъ слѣдовъ искусства? Какое свойство грунта? Не раскапывали-ли земли и что въ ней найдено?

15) Герберштейнъ говоритъ о городѣ *Ахасъ* въ разстояніи 4-хъ дней по пути также, по его словамъ, въ 12 миляхъ (нѣмецкихъ?) выше Азова, на берегахъ Дона. — Въ его время *Ахасъ* и *Азовъ* были тамъ единственные города. Отъ Азова считалось до Перекопа пять дней ѣзды, до Астрахани семь, до Шамахи двѣнадцать. — По сему показанію, на которое нельзя, впрочемъ, очень полагаться, *Ахасъ* должно отыскивать въ Цимлянской, а коли вѣрнѣе 12 миль, то въ окрестностяхъ Черкаска. — Есть еще *слобода Городище* на *Салъ*, а можетъ быть и другіе *городищи*, которые во все неизвѣстны.

16) *Донецъ* или *Салъ*, которая изъ этѣхъ двухъ рѣкъ *Бузукъ* въ путешествіи митрополита Пимена?

17) *Сальница*, которая по кн. больш. чертежа впадаетъ въ *Донецъ* выше *Изюма*, извѣстна-ли еще подъ симъ именемъ?

18) Направо отъ устій Дона, между *Иедшиговской* и *Синявской* есть *гдце*, гдѣ будто-бы находили монеты, серебряныя и золотыя, довольно отдаленныхъ временъ. Можно-ли ихъ имѣть или видѣть?

19) Въ *Азовѣ*, конечно, такія найдутся.

Саркель стоялъ на Дону, ниже Черкаска, между нимъ и устьемъ Дона, притомъ на восточной сторонѣ.

20) Нельзя-ли достать словарь языка *Закубанскихъ Черкесовъ*? Въ Гильденштедтѣ есть словарь кабардинскій; такимъ-образомъ можно было-бы научиться различать разныя нарѣчія языка черкесскаго.

21) Палласъ въ описаніи острова Тамана (*Reise in die südl. Statthalter d. R. R. II. p. 294, 296.*) говоритъ о разныхъ *нефтяныхъ ключахъ*. Ихъ еще болѣе должно находиться во внутренности того края. Сличить Stritt. Mem. p. IV.

249, 250. Мѣсто, приведенное изъ Константина Порфирородскаго, заслуживаетъ всячески вниманіе путешественника.

22) Паласаъ слишкомъ мало говоритъ о гробницахъ близъ селенія *Торклукъ* (R. in d. südl. Statth. II. 231.). Нельзя-ли открыть одну изъ нихъ? Можетъ-быть онѣ готическія.

23) Тотъ-же авторъ далъ намъ (ibid. II. 44. 54. etc.) прекрасное описаніе окрестностей Севастополя, но, чтобы его совершенно уразумѣть и распознать три бухты Страбона, нужна подробнѣйшая карта сей части Крыма. Говорятъ, что гр. Воронцовымъ это поручено Серистори.

24) Какой это *каменный мостъ*, на Каланчикѣ, въ 35 в. отъ Перекопа, когда къ нему ѣдешь изъ Крыма? (См. геогр. Каланчикъ).

Есть въ Крыму множество надписей времянъ Генуэзскихъ, но никто до-сихъ-поръ не обращалъ на нихъ вниманія.

25) *Березовскій островъ*, въ концѣ Днѣпровскаго лимана, также называется *Гата* (Hata). Какое это слово — греческое или турецкое? И что оно значитъ?

26) *Сто-Могилы*, при устьѣ Буга, остатки *Ольви* или *Борисовна* весьма замѣчательны для путешественника (см. Муравьева).

27) Можно-ли объяснить имена *Игуль*, *Бузулукъ*?

28) Есть-ли заливъ (или заводь) Днѣпра, бухта, ниже пороговъ, извѣстная *Перуна рень*? (Несторъ, лѣта 988).

29) Въ какомъ состояніи теперь островъ *Хортицы*? Есть-ли тамъ еще Меннониты, поселенные кн. Потемкинымъ? Побрыть-ли островъ дубнякомъ?

30) Бопланъ, въ описаніи Украйны, говоритъ о *Таволшанскомъ островѣ* возлѣ Таволшанскаго порога: «Cette île a bien près de 2000 pas de long et 150 de large; elle est toute de roches, mais sans précipices. Ce lieu est fort de nature et beau pour habiter. Il croit en cette île force de Tavala, qui est un bois rouge dur comme buis et qui a la vertu de faire grainer les chevaux.» Это описаніе острова справедливо-ли? И какое это дерево, о которомъ Бопланъ говоритъ? Нельзя-ли достать нѣсколько вѣтвей съ листьями, цвѣтами и сѣ-

менами? Растеніе, извѣстное подъ именемъ *Таволги*, обыкновенно не имѣеть никакого дерева (*Spiraea*, Linn.).

31) Будилловскій=Будильскій=Будинскій порогъ Зуевымъ причисляется къ *большимъ* порогамъ (Пут. Зап., стр. 254.). Онъ его самъ не посѣщалъ. Правъ-ли онъ?

32) Бопланъ говоритъ объ островѣ: «au travers du quatrième saut appelé Стрѣльчій, une île toute de roche, haute de trente pieds et faite en precipices tout autour; elle est environ de 500 pas de long et de 70 ou 80 de large. Je ne sais si elle a quelques eaux au dedans, car personne n'en aborde que les oiseaux, au reste tout le tour de cette île est fort ombragé de vigne sauvage.» Лучшія наши карты не показываютъ никакого острова понерегъ *Стрѣльчаго порога* и кажется, что по ошибкѣ Бопланъ относитъ къ сему порогу утесистые острова, которые находятся на *Лоханскомъ пороге*. Но сіи имѣютъ-ли 30 футовъ вышины? Или это мѣра возвышенія праваго днѣпровскаго берега? Есть-ли тамъ дикій виноградъ?

33) Какой величины разстояніе между первымъ или Кайдацкимъ и послѣднимъ или Вольнымъ порогомъ?

34) Въ судоходствѣ по Днѣпру употребляются-ли парусы?

35) Во сколько времени барки и суда проходятъ разстояніе, занимаемое порогами?

36) Во сколько времени ѣздить водою отъ Хортиць въ Херсонъ? Будеть-ли тутъ 270—280 верстъ?

37) Книга Больш. Чертеж. говоритъ о рѣкѣ *Овечьи-Воды*, которая ниже *Быка* впадаетъ въ Самару и въ исторіи о ней упоминается, но на нашихъ картахъ она не означена.

38) Рѣка *Орель* еще-ли извѣстна подъ названіемъ *Угль*? (Татищ. ист. II. 379. примѣч. 98). Составляла-ли она природную границу между земель по-сю и по-ту сторону ея теченія?

39) Есть-ли островъ на Днѣпрѣ, противъ впаденія Трубежа, подъ названіемъ *Варяжскій островъ*? (см. годъ 1224.)

40) Какъ объяснить себѣ сіе мѣсто въ татищевой исторіи (II. 344.) «Изяславъ съ братією, перешедъ *Лоницу*, ста позади града по Трубежу, а Юрій, стоя у Стрякова три дня,

въ четвертый, на утренней зорѣ, пошелъ мимо Переяславля и стагъ между валомъ и по оной странѣ Трубежа за зль-ринцемъ у Рощеня?»

41) Кіевъ! Прочестъ въ Гюльденштедтѣ описаніе сего города.

42) Извѣстны-ли еще Дорогожичь и Капичь? (годъ 980).

43) Рѣки Сетомль и Сутень (года 1036, 1064 или 1605)?

44) Озеро Дулевское или Бузское и рѣка Солоча (Золога? 1151 г.) замѣчательны по ратнымъ движеніямъ к. Юрія Володиміровича.

45) Звенигородъ (г. 1151 и Татищ. II. 138.)

46) Пароснѣгъ (г. 1160 и Татищ. III. 131.)

47) Олжичи (г. 947. 1141. 1182. 1214 и Татищ. II. 390. примѣч. 129.)

48) *Бѣла Вежа* при верховіи *Оестра* слшшкомъ древна, чтобы на ней не остановить вниманіе. Гюльденштедтъ говорить о ней, но плана не снялъ.

49) Надгробные камни въ церквахъ въ Черниговѣ, Глуховѣ, Рыльскѣ, Новгородѣ - Сѣверскомъ, Трубчевскѣ, Карачевѣ, Новосилѣ, Оболенскѣ и Тарусѣ и въ близъ-лежащихъ монастыряхъ, выведутъ можетъ - быть хоть нѣсколько изъ мрака родословную Черниговскихъ князей, которымъ она открыта по бархатной книгѣ и по таблицамъ Стриттера, особенно въ 13 и 14 столѣтіи. — Намъ неизвѣстны потомки Романа Михайловича, князя черниговскаго и брянскаго съ 1246 года (Барх. кн. I. 180), въ которомъ отецъ его былъ убитъ. Можно-ли, чтобы *Семень, Юрій и Мстиславъ* были его братья, когда ихъ дѣти являются въ исторіи позже 1365 года.

Въ 1286 г. упоминаютъ о Романѣ Брянскомъ.

1319 г. о Романѣ Михайловичѣ Брянскомъ.

1330. Прежде сего года построень монастырь Успенскій Свенскій, въ 4 верстахъ отъ Брянска, тоже Романомъ Михайловичемъ (Зуевъ, Пут. Зап., стр. 128.)

1375. Еще какой-то Романъ Михайловичъ Брянскій является подъ Тверью.

1401. Того-же имени князь въ Смоленскѣ.

Подъ статью *Горчаковы князья* въ Бархатной книгѣ II. 305, кажется, что отрасль князей Козельскихъ древнѣе Ка-

рачевскихъ. Стоило - бы справиться въ Разрядномъ Архивѣ подь № 202, а для князей Совецкихъ или Осовяцкихъ подь № 207.

50) Извѣстны - ли еще въ окрестностяхъ Чернигова мѣста, упоминаемая въ исторіи при осадѣ сего города въ 1152 году? То, что Татищевъ (III. 69.) говоритъ о Березовѣ и Свишѣ должно быть ошибочно.

51) Извѣстно-ли селеніе подь названіемъ *Мерликово* близъ Новгородъ-Сѣверска?

52) И волость карачевская подь именемъ *Хороборъ* или *Хоборъ*.

53) Рѣка *Шижь*, о которой упоминается въ книгѣ Польш. Чертежа, не находится на нашихъ картахъ. — Какое ея теченіе? Нѣтъ - ли на берегахъ ея городища? Не придала - ли она своего названія какой-либо волости?

54) Мезецкъ, Мезеческъ и Мещовскъ — одно - ли это и тоже?

55) Въ слов. Геогр. подь статью *Шилино* сказано, что деревня сего имени находилась въ Бежецкомъ уѣздѣ. — Какъ же ее обозначить на нашихъ картахъ?

56) Вообще отличительныя черты мѣстныя (physionomies) на-счетъ равнинъ, долинъ, лѣсовъ и проч. Можно - ли опредѣлить границы краю лѣсному, покрытому кустами и степному.

57) Нарѣчія русскаго языка и крестьянская одежда, гдѣ и какъ перемѣняются?

Въ «Черновой» находится одинъ отдѣльный листокъ; по содержанію своему совершенно подходящій къ «Desiderata», по этому-то я и помѣщаю его здѣсь.

Варяги = франги. Ф. нѣтъ въ русскомъ языкѣ и *ан* назальнаго германскаго звука. *Русы* — отъ цвѣта волосъ.

Я думаю, что *Россы*, которые подходили въ 866 году подь Царь-градъ и отъ которыхъ Греки избавились посредствомъ ризы Влахерской Божіей Матери, были *Иры-Оссы*. Патриархъ Фотій въ своемъ окружномъ посланіи говоритъ, что они потомъ сдѣлались кроткими Христіанами, а Оссетины около этого времени точно приняли христіанскую вѣру, ко-

тору ю потомъ утратили. Церкви того времени въ ущелинѣ Осы-рѣки и близь каменнаго моста на Кубани; также и въ шыхъ мѣстахъ о томъ свидѣтельствуютъ. Извѣстно, что оссетинское племя, нынѣ заключенное въ среднемъ Кавказѣ, прежде далеко по плоскости простиралось до Таврии и Понта-Эвксинскаго.

Не Славяне, а Словене,—въ противоположность Нѣмцамъ.

Татищ. въ г. 964. — Ольга уничтожила *Княжѣе* (*Droit du seigneur*) и замѣнила поборомъ черной куницы отъ жениха, подданнаго князю или боярину. Елагинъ замѣчаетъ, что поборъ свадебный и по-нынѣ называется *куничнымъ*.

Кѣметь, *кѣмети* (сподвижники, слуги, дружина). Не то-ли, что *Comte*, въ первоначальномъ значеніи? «А мои Куряши свѣдоми кѣметп.» (см. слов. о пол. Игоревѣ.)

IV.

Неизвѣстно, когда именно, но, судя по концу, въ которомъ говорится о Сарбазахъ, стало-быть послѣ пребыванія Грибоѣдова въ Персіи, то-есть послѣ февраля 1822 года, были писаны имъ —

Замѣчанія, касающіяся исторіи Петра I-го (145).

кн. I.

Стр. 19. Калмыкъ, возвратившійся съ господиномъ изъ чужихъ краевъ, былъ пожалованъ въ офицеры, а господинъ его въ матросы Петромъ I. Калмыкъ дошелъ потомъ до контръ-адмиральскаго чина.

• 27. Тайная канцелярія.

28. Слуги доносятъ на господъ своихъ, на тѣхъ, напр.; которыя, запершись въ комнатѣ, пишутъ.

29. Безмѣрныя подати.

33—34. Введеніе рабства чрезъ подушную подать, чрезъ запрещеніе переходить крестьянамъ.

36. Квитки.

37. Забраніе въ казенное вѣдомство рыбаго клея, икры, соболей, ревеню, поташу, смольгучу и табаку.

Соболи покупались въ Сибирскомъ приказѣ.

38. Введеніе табаку.

56. Преображеніе Думы въ Сенатъ. Отмѣна формулы: «Государь указалъ, Бояре приговорили.»

57. Военный судъ, несвѣдующіе судьбы.

64. Заточеніе жены въ Суздальскій монастырь, убіеніе сына.

87. Изъ письма Петра: *большія борода нынѣ не въ авантажъ обрѣтаются.*

90. *Ibidem: Питербурхъ.*

90—98. Алексѣй укрывается подъ австрійское покровительство. Петръ, письмомъ изъ Амстердама, черезъ Толстаго и Румянцева, обѣщаетъ ему прощеніе. Алексѣй возвращается. Петръ будто-бы ему прощаетъ, съ тѣмъ, однако, чтобы: 1) объявилъ свои умыслы и преступленія, безъ того нѣтъ ему прощенія; 2) отрѣшаетъ его отъ наслѣдованія престола (обезнаслѣдилъ его).

102. Заставляютъ царевича Алексѣя признаться, что онъ на духовенствѣ опирался въ мятежныхъ своихъ замыслахъ. И это объявляется всенародно.

Около сего времени регламенты коллегіямъ, учрежденіе генераль—и оберъ-прокуроровъ. Во время слѣдствія царевичева дѣла казнъ ростовскаго архіерея Досифея.

111. Обличаютъ обвиненнаго царевича Алексѣя въ томъ, что онъ духовному отцу на исповѣди говорилъ.

105—115. Судьи произнесли: *виновенъ, хочешь губи, хочешь щадн, сердце Царсво въ руцѣ Божіей.*

Ad memogandum. Соврем. изслѣдовать.

117. Смерть царевича будто-бы *отъ удара*, при выслушаніи приговора. — Можетъ-быть правда. — (146)

132. Монахи Симеонъ Полоцкій и святой Димитрій гороскопъ Петровъ за 9 мѣсяцевъ до рожденія его выводятъ, угадываютъ, что онъ назовется Петромъ. Объ этомъ пишетъ изъ Москвы въ Утрехтѣ Николай Гензіусъ къ Іоанну Георгію Гревіусу.

Петръ родился въ 1672 г. мая 30.

Крещенъ въ Чудовомъ монастырѣ. (Ст. 138) Восточное обыкновеніе: младенцу Петру купецъ подноситъ саблю въ третью его именины.

Купецъ пожалованъ гостемъ.

139. Отроча любитъ военныя выметки. Дѣду его бояр. Кириллѣ Полуехтовичу Нарышкину и другимъ наставникамъ повелѣно хранить его яко зѣницу ока.

140. Штатъ петровой матери — 102 столыпка и проч., огромный. — Учитель, чилобитнаго приказа дьякъ Никита Моисенчъ Зотовъ, смышленный въ писаніи и чтеніи, по благословенію святѣйшаго патріарха, вступаетъ въ свою должность, учитъ исторіи въ лицахъ.

145. Царь Ѳед. Алекс. Языкова за дерзость отдавалъ головою царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ.

146. Мирный договоръ съ крымскимъ Ханомъ, и со включеніемъ турецкаго Султана, 5 генв., 1681.

151. Иоаннъ Алекс. брату своему царствомъ поступается. (Въ посольской рукописи).

Патріархъ Іоакимъ.

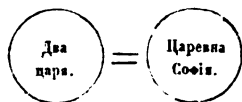
152. Патріархъ во всемъ облаченіи и бояре спрашиваютъ у народа: кого избрать на царство? 1682. И столыники, и страпчіе, и дворяне, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне, и дѣти боярскія, и гости, и гостинные, и черныхъ сотень и проч. избираютъ Петра.

Также бояре, и околыпчіе, и думные и ближніе люди.

Выборныхъ полковъ солдаты, и нѣмцы, и весь народъ присягаютъ.

159. Бунтъ 15-го мая, по водосвятіи въ Знаменскомъ монастырѣ. Заговорщики: Милославскій и племянникъ его Милосл., Щегловитый, Цыклеръ, Иванъ и Петръ Толстые, Озеровъ и Санбуловъ и стрѣлецкіе начальники — Петровъ, Чермновъ, Озеровъ и проч. 159). Стрѣльцы разбиваютъ хошой приказъ.

160. Монеты.

161. Стрѣльцы и переименованы въ надворную пѣхоту.

164. Прѣніе о вѣрѣ стрѣльцевъ въ Грановитой Палатѣ.

166. Софінъ канцлеръ кн. Голицынъ возобновляетъ миръ съ Швеціею на 20 лѣтъ.

174. Коммиссія при Софін для возобновленія мѣстничества (или, можетъ, только для разобранія дворянскихъ родовъ). Предсѣдательствуютъ бояринъ Вл. Дм. Долгорукій и окольникій Чаадаевъ.

178. Отрочество проводить въ Преображенскомъ на Яузѣ.

191. Клевета на Хованскихъ и ихъ казнь не дѣлаетъ чести прозорливости Петра.

207. Допосъ офицеровъ на Голицына, что онъ, въ походѣ противъ Крымскихъ Татаръ, подкупленъ былъ Ханомъ.

210. Сборное мѣсто стрѣльцевъ — лыковъ дворъ, въ Кремлѣ, гдѣ нынѣ арсеналь.

212. Бѣгство Петра въ 1689 году въ Тропцкій монастырь отъ горсти (600) стрѣльцевъ Щегловитаго, между тѣмъ какъ онъ находился посреди потѣшной своей гвардіи, либо несказанная трусость, либо недовѣрчивость къ его окружающимъ. Онъ зналъ отъ двухъ, къ нему перебѣжавшихъ, число мятежниковъ.

216) Софія ѣдетъ въ монастырь оправдаться, имѣя въ рукахъ икону Спасителю.

Спальникъ Бутурлинъ съ отвѣтомъ, что будетъ съ нею поступлено нечестно.

Нпкакъ незамѣтно, чтобы софінно властолюбіе много вредило Петру и такъ было опасно, какъ намъ внушить стараются. У нея была тоже своя партія у Нарышкиныхъ; послѣдняя восторжествовала, — ей въ пользу, пишутъ. Мѣшала-ли Софія набранію войска въ Преображенскомъ и Семеновскомъ? (300 съ Соколиного двора, 15 барабанщиковъ бутырскаго полка). Не могла-же она почитать это шуткою, какъ сялятся насъ увѣрить писатели, придающіе ей свою глупость. — Явная немилость Петра къ любимцу Софін Голицыну, такъ-что она принуждена была за него ходатайствовать. — Наконецъ, гнѣвъ Софін на Петра, а Петровъ — во время крестнаго хода, что и приблизило разрывъ; все это свидѣтельствуетъ превосходство силы, власти Петровой, а не Софінной.

Древ. Вост. часть 20. стр. 164. — Петръ положилъ дѣтямъ боярскимъ жалованье въ-половину противъ иностран-ныхъ офицеровъ. Мнѣихъ одну службу служащихъ жалованьемъ сравнилъ.

Ibid. стр. 238. Говоря о стрѣльцахъ: «такое войско, въ коемъ презрительно было быть полковникомъ, заслуживало, чтобы Государь Петръ В. оное уничтожилъ.»

Ни чуть не заслуживало, если хотѣлъ онъ имѣть регулярное войско. Наше отечество въ концѣ XVII столѣтія было болѣе предано восточнымъ обычаямъ, а я по опыту знаю — какъ въ азіатскихъ государствахъ презираютъ войско постоянное, содержимое, нераспускное. Сарбазы въ Персіи новоустроенный регулярный корпусъ и въ укору ему нечего замѣтить. Я, думавши сдѣлать привѣтствіе молодому Ахметъ-Хану, сыну табризскаго беглербега, сказалъ ему, что онъ, конечно, носить свою службу Сергенгомъ, полковникомъ, въ Сарбазяхъ. Онъ обидѣлся и отвѣчалъ мнѣ: «я ханъ и сынъ хана.» Такъ думаетъ всякій писецъ при дворѣ персидскомъ. Всегда предпочтетъ на войну вести съ собою безпорядочное скопище людей, ему преданныхъ, и, по окончаніи компаніи или войны, быть съ ними отпущеннымъ во-свояси, либо продолжать придворную службу. Вѣроятно и петровы регулярныя полки не менѣе Сарбазовъ были ненавистны дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и проч., но *кнутъ*....

ОТДѢЛЪ III.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

Нигдѣ столько, какъ въ началѣ этого отдѣла, собраннаго мной изъ бумагъ «Черновой», имѣющихъ значеніе чисто-литературное, нельзя не пожалѣть, что Грибоѣдовъ не имѣлъ, подобно Пушкину, привычки ставить годовыя помѣты на своихъ сочиненіяхъ. Все это было-бы важно для размѣщенія ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, — а порядокъ этотъ, какъ извѣстно, имѣетъ слишкомъ большое значеніе какъ матеріалъ для возможно-правильнаго изслѣдованія въ дѣлѣ

развитія писателя. Это тотъ біографическій матеріалъ, который можно назвать по преимуществу важнымъ, потому что онъ представляетъ намъ данныя для раскрытія внутренней, духовной дѣятельности человѣка въ ея постепенномъ процессѣ, даетъ средство не только опредѣлить, или по крайней-мѣрѣ съ достаточной вѣрностію заключать вообще о личности и стремленіяхъ писателя, о смѣнахъ этихъ стремленій и причинахъ этихъ смѣнъ, но и о томъ, чѣмъ писатель соприкасался съ общою сферою идей и наклонностей своего времени и общества, принадлежалъ этой сферѣ; однимъ словомъ былъ, какъ говорится, «сынъ своего времени» и что должно быть, при основательной критикѣ, отнесено исключительно къ его личности, къ его самодѣятельности, въ частномъ, ограниченномъ смыслѣ слова, къ тому, что обуславливалось особенностями его природы, образованія и личнаго положенія въ известномъ кругу людей и въ известной мѣстности. Возьмемъ въ примѣръ проэктъ трагедіи или драмы «Родамнсть и Зецебія», который я въ этомъ отдѣлѣ помѣщаю первымъ, — къ какому времени, къ какой эпохѣ жизни и развитія Грибоѣдова отнести его мысль? «Что это?» — можетъ быть скажетъ читатель по прочтеніи этого проэкта, — «нѣчто въ родѣ, блаженной памяти, *разговора въ царствѣ мертвыхъ*?» — Во-первыхъ, воздержимся отъ такого опрометчиваго сужденія: остовъ — не живой организмъ, и по немъ нельзя судить о красотѣ тѣла, по которому струилась-бы теплая кровь, въ которомъ было-бы настоящее дыханіе жизни. Грибоѣдовъ могъ, пожалуй, записать проэктъ и «Горе отъ ума» такимъ образомъ, что никто въ этомъ проэктѣ не заподозрилъ-бы зародыша живой, народной комедіи. Но, пусть мысль этой проэктированной трагедіи относится къ тѣмъ временамъ и той сферѣ литературныхъ понятій и воззрѣній, которыя характеристически опредѣляются словами *«разговоръ въ царствѣ мертвыхъ»*, когда несколько не было обязательнымъ для писателя то справедливое, уже въ позднѣйшее время строго созннное, требованіе, основанное на точной идеѣ искусства, чтобы всякое произведеніе такъ-называемой изящной словесности ясно выражало свой вѣкъ и народъ, отличаясь типическими ихъ осо-

бенностями, чтобы лица его были лица живыя, а не «образы безъ лицъ,» не блѣдныя тѣни, — развѣ не важно было-бы опредѣлять: въ какомъ именно году своей жизни и за долго-ли до появленія «Горе отъ ума» ГрибоѢдовъ еще такъ сказать «вращался» въ этой сферѣ.

Первоначальная мысль «Родамиста и Зенобія» принадлежитъ Кребильону, но мысль эта совершенно измѣнена ГрибоѢдовымъ въ его проэктѣ трагедіи, такъ-что между трагедіей Кребильона и проэктомъ ГрибоѢдова остается общаго — только мѣсто дѣйствія, древняя Арменія, и нѣкоторыя собственныя имена.

Еще болѣе затрудненій къ какому-либо хронологическому указанію и повода къ очень основательному любопытству представляетъ собой проэктъ какого-то драматическаго сочиненія, помѣщаемый мною во второмъ номерѣ и лаконически названный мною по эпохѣ, къ которой онъ относится «къ 1812 году». Не возможно сказать что-либо опредѣленное объ этомъ проэктѣ. Это какая-то трилогія, въ которую входитъ и чудесное, и мысли и показанія слишкомъ практическія.

За двумя этими проектами я помѣстилъ «частные случаи петербургскаго наводненія» (имя дано самимъ ГрибоѢдовымъ), относящіеся къ роду записокъ (мемуаровъ).

Отдѣлъ этотъ заключается собраніемъ всѣхъ стихотвореній, находящихся въ «Черновой».

I.

Родамистъ и Зенобія (147).

АКТЪ I.

Дебрь, лай, звукъ роговъ, громъ бубень. Нѣсколько охотниковъ, потомъ Родамистъ и за нимъ приближенный оруженосецъ Семпадъ, которому онъ довѣряетъ безпокойство души, алчущей великихъ дѣлъ и нынѣ принужденной довольствоваться ловитвою вепрей и сернъ. Ему ненавистны и Фарасмапъ, и Римляне, и Паробы, но онъ сперва ополчится на сихъ, а Римъ страшенъ царю, едва твердому на собственномъ престолѣ. Велитъ пригласить къ себѣ посланца отъ римскихъ восточныхъ легионовъ, который тутъ-же тѣшится

охоту. Семпадъ идетъ, Родамистъ раскаивается, что былъ съ нимъ слишкомъ чистосердеченъ.

Является Касперій. Переговоры, хвастовство съ обѣихъ сторонъ. Римлянинъ кичится свободою и славою отечества, Родамистъ даетъ ему чувствовать, что то и другое живо только въ памяти, по преданіямъ. Римъ рабствуетъ и сила его оружія давно уже не испытана, власть царя восточнаго народа вѣрнѣе и чистосердечнѣе,—велитъ и любой изъ дружины его пожертвуетъ ему жизнию. Касперій не удивляется, упоминаетъ о Деціи и о многихъ другихъ опытахъ самопожертвованія, но для благороднѣйшей цѣли. —Родамистъ велитъ удалиться прочимъ, а Семпаду готовится къ бою съ тигромъ. Наединѣ съ Касперіемъ пытается подкупить его притворною пріязнью, корыстію, честолюбіемъ. Касперій непоколебимъ. Родамистъ отпускаетъ его прежде себя на зрѣлищѣ. Самъ остается одинъ и разсуждаетъ: къ чему такой человѣкъ, какъ Касперій, въ самовластной имперіи, — опасенъ правительству, и самъ себѣ бремя, ибо инаго вѣка гражданинъ.—Коня! Коня! отправляется за Касперіемъ на ту же травлю.

2-я сцена въ царскомъ теремномъ саду. По восточному прямолинейная аллея чанаровъ, миндальныхъ деревьевъ, которые всѣ примыкаютъ къ большой пурпурной ставкѣ. Около нея главные чины въ раболѣпномъ ожиданіи властителя, — Ярвацъ, Мирванъ, Бахратъ, Аспрухъ, Армасилъ и проч.

Аспрухъ сидящій, всѣ около него стоятъ. Онъ Грузининъ, албанскаго происхожденія, взятъ въ плѣнъ Фарасманомъ, имъ вскормленъ, дрался противъ соотечественниковъ и тѣмъ гордится. Арфаксатъ первый по Родамистѣ, всѣ передъ нимъ преклоняются; онъ кичится тѣмъ, что знаетъ только царево слово, которое ему вмѣсто совѣсти и славы. Толки о близкомъ возвращеніи царя съ охоты, объ отправленіи римскаго посла и о томъ, чтобы никто изъ жителей не имѣлъ сообщенія съ чужеземцами — Парыи они, или Римляне. Всѣ соглашаются на все, что онъ ни говоритъ, потомъ онъ уходитъ. Долго никто не смѣетъ сказать своего мнѣнія, наконецъ Армасилъ, славный воинъ, воспитанный въ Римѣ, гдѣ онъ былъ при Митридатѣ, во время его заточе-

нiя, прерываетъ молчанiе и своею откровенностию и убѣжденiемъ невольнo исторгаетъ у каждаго одно желанiе: смерть угѣснителя. Въ Бахратѣ, Ярвандѣ и Мирванѣ видны мелкiя страсти. Жалобы, что всѣ главнѣйшiя мѣста воинскiя и всѣ поборы поручены Грузинамъ, иноземцамъ. Одинъ жалуется, что уже не онъ орлоносецъ, котораго важное преимущество, но наследственное, по закону Вагаршана, о которомъ всѣ вспоминаютъ съ энтузиазмомъ, какъ и съ превеличенною ненавистию къ нынѣшнему царю, — при вѣнчанiи царя на него возлагать корону; другой, что евноху поручена царская сокровищница, которой онъ по наследству былъ хранителемъ; третiй, что Аспрухъ первый въ довѣренности царя, когда, по роду и богатству ему принадлежитъ сей санъ. Иные даже попрекаютъ царю, что онъ воздерженъ съ женщинами, почти не имѣетъ наложницъ и въ пиршествахъ мало участвуетъ, что онъ болѣе похожъ на простолюдина, нежели на царя. Армасилъ упрекаетъ ихъ въ малодушии. Вбѣгаетъ Ассюдъ, его остерегаются. Онъ объявляетъ о насильственной смерти брата, о мщенiи, которымъ пылаетъ за сiе злодѣйство противъ Родамиста. Армасилъ недовѣрчивъ. — «Отъ чего-же ты равнодушиемъ его отбивасшь отъ нашего сообщества?» — «Онъ вскормленъ въ царедворцахъ, вчера еще дышалъ милостию царицы, нынѣ мгновенно возбужденъ противъ него однимъ внезапнымъ случаемъ, — но кто поручится: завтра не обратится-ли опять слабодушиемъ въ ревностнаго ласкателя?» — «Миѣ-ли, юношѣ, быть опынѣе васъ, старцевъ? Но, помните: не во множествѣ сила, когда дѣло правое, но въ испытанномъ, надежномъ, несомнѣнномъ мужествѣ участниковъ.» — Является юродивый, пророчить. Онъ нищiй скиталецъ, проситъ милостыню, или соглядатай царевъ? Притворно-ли проповѣдуетъ, или точно безумный? Но многiе, въ томъ числѣ Бахратъ, его знаютъ. Всѣ въ него вѣруютъ, онъ давно уже стяжалъ славу святости; пещера его въ утесѣ, на берегу Аракса. — Здѣсь онъ тайными словами пзъ Зендавесты прорицаетъ успѣхъ заговорщикамъ. Сперва тоже нѣмъ, не отваживается говорить. Армасилъ: «я знаю отчего онъ нѣмствуетъ, — сей юноша, бывшiй ласкатель царевъ, ему заграждаетъ уста.»

Армасилъ убѣждаетъ ему вѣрить и онъ религіею истиннаго Армянина еще болѣе ихъ воспламеняетъ къ скорѣйшему взрыву, назначаетъ имъ ночное, рѣшительное сходбище въ склепѣ царей армянскихъ. Заговорщики назначаютъ ночь къ тайному сходбищу въ капищѣ за южными вратами города. Потомъ пустышникъ исчезаетъ. Ассюдь удаляется съ растерзаннымъ сердцемъ, что никто не принимаетъ участія къ его скорби. Онъ Армянинъ, но Армяне къ нему холоднѣе Иверовъ. — «Я дебри оглашу моими справедливыми проклятіями за жестокость царя къ несчастному брату.» — Цѣлый полкъ прислужниковъ, за ними Родамистъ. Аспрухъ всѣхъ раболѣннѣе. — Противуположность аспруховой спѣси съ писшими и униженія передъ властителемъ. — Родамистъ иныхъ даритъ дичью съ охоты, кому благоволеніе, кому грозный судъ, — Армасилу попрекъ, что не былъ на охотѣ. Говоритъ объ отъѣздѣ Римлянина, съ которымъ онъ заключилъ союзъ и въ мирѣ съ Пароами. Идетъ отъ отца подкрѣпленія. Всѣ подъ его державою благоденствуютъ. «Тотъ день потеряю, въ который я не награждаю доблесть и не наказываю строптивыхъ. Идите, покоитесь въ мирныхъ семейственныхъ упражненіяхъ, но не дремлетъ царево око. Враговъ я имѣю и благодарю за нихъ Небо: они поощряютъ меня на безлѣностную бодрость, неусыпные труды и на славные подвиги.»

АКТЪ II.

ЖЕНСКІЙ ТЕРЕМЪ.

Зенобія, Перизада и прочія прислужницы. Зенобія — дочь убіеннаго Родамистомъ Митридата, его дяди, но выданная замужъ еще прежде смерти отца, гаремное существо, рожденное и воспитанное для чувственнаго наслажденія супруга, и потому Перизада напрасно хочетъ возбудить въ ней ненависть, желаніе мести, — страсти ея невинному сердцу вовсе чуждыя. Перизада ей напоминаетъ о давленіи отца и кто его убійца, Зенобія едва этому вѣрить. Отца она мало видала, почти не знала, мужъ ближе къ ея сердцу и ея долгъ его любить, угождать ему во всемъ и трепетать его гнѣва. Что пріобрѣтетъ она безплодною местию? Успѣхъ невѣроя-

тежь, способы къ тому превыше женскихъ ея силъ. Но, если бы и удалось, — какое отъ того счастье? Перизада трогаетъ ея совѣсть гнѣвомъ небеснымъ (148). Зенобія впадаетъ въ грусть, Перизада предлагаетъ ей ворожбу для развлеченія и святаго пустынножителя, который давно управляетъ ея собственнымъ суевѣріемъ. Его вводятъ сѣнныя дѣвушки потаенно. Онъ еще болѣе подкрѣпляетъ слова Перизады. Наконецъ Зенобія совершенно разстроена его таинственными прощаніями. Онъ съ нея беретъ слово, что она ночью, въ сопровожденіи Перизады, придетъ въ капище внѣ города, гдѣ склепъ царей армянскихъ, и мертвыхъ зоветъ во свидѣтели что тамъ откроетъ ей тайну, отъ которой зависить будущее безмятежное теченіе ея жизни. Зенобія говоритъ ему, что, Родамистъ всѣми любимъ и злодѣямъ страшенъ; кто покусится возстать противъ него. Юродивый пустыжникъ увѣряетъ ее въ противномъ.

Евнухъ возвѣщаетъ приходъ Родамиста. Пустыжникъ скрытъ толпою женщинъ. Сцена Родамиста съ Зенобіею на-единѣ: она печальна; воспоминанія, которыми ей сейчасъ возмутили душу, препятствуютъ ей предаться иному чувству. Родамистъ недоволенъ ею, подозрѣваетъ въ ней притворство, нелюбовь. Ни въ комъ не увѣренный, окруженный трепещущими рабами, скрытыми предателями и открытыми корыстолюбцами . . . неужели въ лонѣ супружеской любви нѣтъ ему успокоенія!! Оставляетъ ее разстроенную и самъ въ волненіи.

Бахратъ входитъ съ Ассюдомъ, который уже включенъ совершенно въ тайное умышленіе противъ Родамиста. Армасиль скорбитъ при самомъ Ассюдѣ о сей неосторожности. Ассюдь горитъ нетерпѣніемъ отомстить царю, Армасиль объ одномъ его просить, — о совершенномъ бездѣйствіи и о скромномъ сохраненіи тайны. Ассюдь обѣщаетъ болѣе: онъ на себя беретъ убить царя. Армасиль всѣмъ въ свѣтѣ закликаетъ его не предаваться сему нетерпѣнію, что онъ прочихъ тѣмъ губить, не совершивъ ничего; наконецъ говоритъ, что ихъ дѣло слишкомъ зрѣло, еще нѣсколько мгновеній и кто пору-

чится, что они не будутъ преданы — участниковъ слишкомъ много, въ которыхъ онъ не увѣренъ, и потому надобна рѣшимость; послѣднее слово — сходбище ночью и потомъ за оружіе. (NB. Характеръ Армасила самый основательный: онъ не скоръ, но твердъ въ поступкахъ и болѣе молчаливъ; опасность его не пугаетъ, но неосторожности не проститъ себѣ. Въ 3-мъ дѣйствіи совершенное развитіе его характера, которому Ассюдь во всемъ противоположенъ). Нѣкоторые изъ заговорщиковъ присоединяются къ сей бесѣдѣ. Вообще надобно замѣтить, что народъ не имѣетъ участія въ ихъ дѣлѣ, — онъ будто не существуетъ. Въ 3-мъ уже дѣйствіи возмущеніе дѣлается народнымъ, но совсѣмъ не по тѣмъ причинамъ, которыми движимы вельможи: возставъ сама собою, мгновенно, грузинская дружина своими буйствами, похищеніями у гражданъ женъ и имущества возстановляетъ ихъ противъ себя.

Аспрухъ велитъ черезъ свнуха, чтобы всѣ удалились; ему повинуются. Входитъ Родамисть, нѣсколько словъ съ Аспрухомъ о порядкѣ дружины. Аспрухъ доноситъ о содружествѣ между собою многихъ сомнительныхъ царедворцевъ, Ярванда, Бахрата и проч. Родамисть презираетъ слишкомъ людей, чтобы отъ нихъ бояться чего-нибудь важнаго. Онъ желаетъ какого-нибудь важнаго происшествія, чтобы въ полной мѣрѣ предаться своей дѣятельности, измѣрить себя, людей и силу обстоятельствъ, на сколько онъ ихъ превысить можетъ, — враги нужны великому человѣку. Но скрытно и прилежно велитъ за ними наблюдать, при первомъ двусмысленномъ движеніи донести ему вновь; если требуется спѣха, — схватить ихъ безъ доклада ему и ввергнуть въ оковы; если опасность неминуема, — безъ изслѣдованія предать смерти. Отпускаетъ Аспруха съ свнухомъ; нѣсколько словъ о Зенобии, о гаремѣ; свнуху поручаетъ на счетъ женщинъ, какъ Аспруху о вельможахъ. Родамисть одинъ. Смутное предчувствіе, недоволеніе своимъ положеніемъ.

Но, кто этотъ, бродитъ округъ ставки, въ часы царскаго отдохновенія, когда никто сюда не смѣетъ приближаться?

Боязливъ, озирается.... Родамисть готовится къ оборонѣ, но дѣлаетъ видъ, будто не замѣчаетъ скрытнаго врага. Асюдь сперва медленно подступаетъ, потомъ устремляется на царя, обезоруженъ имъ и раненъ въ руку.

Проектъ сочиненія не конченъ, но въ одномъ мѣстѣ этихъ двухъ съ половиною листовъ, на которыхъ онъ записанъ, находятся слѣдующія двѣ краткія, бѣглыя замѣтки, нѣсколько поясняющія то, какъ должно было идти дѣло въ дальнѣйшемъ его развитіи:

Во 2-мъ, Асюдь хочетъ заколоть Родамиста, тотъ удерживаетъ его, притворное соучастіе, выманиваетъ у него тайну, потомъ свирѣпствуетъ. Въ 3-мъ заговорщики ссорятся о будущей власти, въ эту минуту устремляется на нихъ Родамисть. —

И только. Все это, конечно, поясняетъ дѣло очень-мало, вѣсколько не раскрывая ни правильнаго теченія драмы, ни того, какъ она должна была завершиться, при участіи главнаго, виѣстѣ съ Родамистомъ, дѣйствующаго лица — Зенобіи.

Цѣль, сущность и самый характеръ драмы, однимъ словомъ то, что должно было составлять ее настоящую жизнь, со всѣми самостоятельными особенностями этой жизни, — все это для насъ потеряно.

II.

Къ 1812 году.

отдѣленіе I.

Красная площадь.

Исторія начала войны, взятіе Смоленска, народныя черты, приѣздъ Государя, обозъ раненныхъ, рассказъ о битвѣ Бородинской. М* съ перваго стиха до послѣдняго на сценѣ. Очертаніе его характера.

Соборъ Архангельскій.

Трубный гласъ Архангела; на его призывѣ возникаютъ тѣмъ давно усопшихъ исполиновъ — Святослава, Владиміра

Мономаха, Иоанна, Петра и проч., изъ разныхъ стихій сложенныхъ и съ познаніемъ всего, отъ начала вѣка до днесь, какъ-будто во всѣхъ дѣлахъ послѣ ихъ смерти были участниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла у нихъ память о томъ, что было съ ними за предѣлами сей жизни и гдѣ были и откуда нынѣ вновь призваны къ бытію. Пророчествуютъ о годнѣ искупленія для Россіи, если не для современниковъ, то сіи, повѣствуя сынамъ, возбуждаютъ въ нихъ огонь неугасимый, рвеніе къ славѣ и свободѣ отечества. Хоръ безплотныхъ провожаетъ ихъ и живописнымъ строемъ представляетъ ихъ отшествіе изъ храма; своды разступаются, герои поднимаются высирь и исчезаютъ.

Теремъ царей въ Кремль.

Наполеонъ съ сподвижниками. Картина взятія Москвы. Н* одинъ. Высокія воспоминанія. Открываетъ окно, лунная ночь. Видѣніе — или гѣтъ, какъ случится. Размышленіе о юномъ, первообразномъ семъ народѣ, объ особенностяхъ его одежды, зданій, вѣры, правовъ. Самъ себѣ преданный, — что-бы онъ могъ произвести?

отдѣленіе 2.

Галлерей въ домѣ Познякова.

Входитъ офицеръ R. изъ приближенныхъ къ Наполеону, (см. сд. 3-я, 1-го отд.), исполненный жизни, славы и блестящихъ надеждъ. Одинъ посѣдѣлый воинъ съ горькимъ предчувствіемъ опытности остерегаетъ на счетъ будущихъ бѣдствій. Ему не вѣрятъ. Хохотъ. Изъ театра несутся звуки плеска и отголоски веселыхъ пѣсень. Между-тѣмъ зарево обнимаетъ повременшо окна галлерей; болѣе-п-болѣе устрашающій вѣтеръ. Объ опустошеніяхъ огня.

Улицы, пылающіе дома. Ночь. Сцены звѣрскаго распутства, святотатства и всѣхъ пороковъ. — R* и M* въ разныхъ случаяхъ.

Село подъ Москвой.

Сельская картина. Является M*. Всеобщее ополченіе безъ дворянъ. (Трусость служителей правительства — выставлена или нѣтъ, какъ случится).

ОТДѢЛЕНІЕ 3.

Зимнія сцены преслѣдованія непріятели и ужасныхъ смертей. Истязаніе R* и посѣдѣлаго воина. Сей юноша показываетъ примѣръ и оба умираютъ героями. Подвиги M*. Множество другихъ сценъ.

эпилогъ.

В и л ь н а.

Отличія, искательства, вся поэзія великихъ подвиговъ исчезаетъ. M* въ пренебреженіи у военачальниковъ. Отпускается во-свои си съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію.

Село или развалины Москвы.

Прежнія мерзости. M* возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяніе,..... самоубійство.

III.

Частные случаи петербургскаго наводненія.

Я проснулся за часъ передъ полднемъ; говорятъ, что вода чрезвычайно велика, давно уже три раза выпалили съ крѣпости, затопила всю нашу Коломну. Подхожу къ окошку и вижу быстрый протокъ; волны пришибаютъ къ возвышеннымъ троттуарамъ; скоро ихъ захлеснуло; еще нѣсколько минутъ и черные пристѣнные столбики исчезли въ грозной новорожденной рѣкѣ. Она посекундно прибывала. Я закричалъ, чтобы выносили что понужіе въ верхнія жилья (это было на Торговой, въ домѣ В. В. Погодина). Люди, несмотря на очевидную опасность, полагали, что до насъ нескоро дойдетъ; бѣгаю, распоряжаю — и вотъ уже изъ подъ полу выступаютъ ручки, въ одно мгновеніе всѣ мои комнаты потоплены; вынесли, что могли, въ приспѣшную, которая на полтора аршина выше остальныхъ покоевъ; еще полчаса и туда воды со всѣхъ сторонъ нахлынули, люди съ частію вещей перебрались на чердакъ, самъ я нашелъ убѣжище во 2-мъ ярусѣ, у Н. П. — Его спокойствіе меня не обмануло: отцу семейства не хотѣлось показать домашнимъ,

чего подлежало страшиться отъ свирѣпой, беспощадной стихіи. Въ окна видъ ужасный: гдѣ за-часъ пролежала оживленная, проѣзжая улица, катилась ярая волны съ ревомъ и съ пѣною, вихри не умолкали. Къ театральной площади, отъ конца Торговой и со взморья горизонтъ примѣтно пошажается; оттуда бугры и холмы одишь на другомъ ложился въ видѣ неудержимаго водоската.

* * *

Свирѣпыя вѣтры дули прямо по протяженію улицы, порывомъ копхъ скоро воздымается бурная рѣка. Она мгновенно мелкимъ дождемъ прыщеть въ воздухѣ, и выше рстетъ и быстрѣе мчится. Между-тѣмъ, въ людяхъ мертвое молчаніе; конопать и двойныя рамы не допускаютъ слышать дазньихъ отголосковъ, а вблизи ни одного звука ежедневнаго человѣческаго; ни одна лодка не появилась, чтобы воскресить упавшую надежду. Первая — гобвахта какая-то, сорванная съ мѣста, пронеслась къ Кашину мосту, который тоже былъ сломленъ и опрокинутъ; лошадь съ дрожками долго боролась съ смертію, наконецъ уступила напору и увлечена была изъ виду вонъ; потомъ поплыли безпрерывно связи, отломки отъ строеній, дрова, бревна и доски отъ судовъ-ли разбитыхъ, отъ домовъ-ли разрушенныхъ, различить было невозможно. Видъ стѣсненъ былъ противу-стоящими домами; я черезъ смежную квартиру П. побѣжалъ и взобрался подъ самую кровлю, раскрывъ все слуховыя окна. Вѣтеръ сильнѣйшій и въ напорамѣ пространное зрѣлище бѣдствій. Съ правой стороны, (стоя задомъ къ Торговой), поперечный рукавъ на мѣсто улицы между Офицерской и Торговой; далѣе часть площади въ видѣ широкаго залива, прямо и слѣва Офицерская и Англійскій проспектъ и множество перекрестковъ, гдѣ водоворотъ сносилъ громады мостовыхъ развалинъ; онѣ плотно спирались, ихъ съ троттуаровъ вскорѣ отбивало; въ самой отдаленности хаосъ, океанъ, смутное смѣшеніе хлябей, которыя отсюду обтекали видимую часть города, а въ сосѣднихъ дворахъ примѣчалъ я, какъ вода пристунала къ дровянымъ запасамъ, разбирала по частямъ, по кускамъ и ихъ и бочки, ушаты, повозки и уносила въ общую пучину, гдѣ вѣтры не давали имъ за-

пружать каналы, все, изломанное въ щепки, несло, влеклось неудержимымъ, неотразимымъ стремленіемъ. Гибнущихъ людей я не видалъ, но, сошедши нѣсколько ступеней, узналъ, что пятнадцать дѣтей, цѣпляясь, перелѣзали по кровлямъ и еще неопрокинутымъ загородамъ, спаслись въ людскую, къ хозяйну дома, въ форточку, также одна (149), которая на этотъ разъ одарена была необыкновенною упругостію членовъ. Все это осиротѣло. Гдѣ отцы ихъ, матери!! Возвратясь въ залу къ С., я уже нашелъ, по сравненію съ прежнимъ наблюденіемъ, что вода нижніе этажи иныю совершенно залила, а въ другихъ поднялась до вторыхъ косяковъ 3-хъ стекольныхъ большихъ оконницъ, вообще до 4-хъ аршинъ отъ уличной поверхности. Былъ третій часъ пополудни; погода не утихала, но иногда солнце освѣщало влажное пространство, потомъ снова повлекалось тучами. Между-тѣмъ вода съ четверть часа остановилась на той-же высотѣ, вдали появились два катера, наконецъ волны улеглись и потопъ не далѣе простеръ смерть и опустошеніе; вода начала сбывать.

* * *

Между-тѣмъ (и это узнали мы послѣ), сама Нева противъ дворца и адмиралтейства горами скопившихся водъ сдвинула и расчленила огромные мосты Исакиевскій, Троицкій и иные. Вихри буйно ими играли по широкому разливу, суда гибли и съ ними люди, иныя истощавшіе послѣднія силы поверхъ зыбей, другіе на деревьяхъ бульвара вѣшали надъ елзочущей бездною. Въ эту роковую минуту государь явился на балконѣ. Изъ окружавшихъ его одинъ сбросилъ съ себя мундиръ, сбѣжалъ въ-низъ, погорло вошелъ въ воду, потомъ на катерѣ поплылъ спасать несчастныхъ. Это былъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ. Онъ многихъ избавилъ отъ потопленія, но вскорѣ исчезъ изъ виду и во весь этотъ день о немъ не было вѣсти. Графъ Мплорадовичъ въ началѣ наводненія пронесся къ Екатерингофу, но его по утру не было и колеса его кареты, какъ парходныя крылья, рыли бездну и онъ едва могъ добраться до дворца, откуда, взявши катеръ, спасъ нѣсколькихъ.

* * *

Все, по-сю-сторону Фонтанки до Литейной и Владимірской, было наводнено. Невскій преспектъ превращень былъ въ бурный проливъ; всё запасы въ подвалахъ погибли; изъ нижнихъ магазиповъ выписныя издѣлья быстро поплыли къ Аничкову мосту; набережныя различныхъ каналовъ исчезали и всё каналы соединились въ одно. Столѣтнія деревья въ Лѣтнемъ-саду лежали грядами, исторгнутые, въ-верхъ корнями. Ограда Ломбарда на Мѣщанской и другія, кирпичныя и деревянныя, подмытыя въ основаніи обрушивались съ трескомъ и грохотомъ.

* * *

На другой день поутру я пошелъ осматривать слѣдствія стихійнаго разрушенія. Кашиный и Поцѣлуевъ мосты были сдвинуты съ мѣста. Я поверотилъ вдоль Пряжки. Набережные желѣзные перилы и гранитныя пиластры лежали лоскомъ. Храповицкій отторгнутъ отъ мостовыхъ укрѣпленій, неспособный къ проѣзду. Я перешелъ черезъ него и возлѣ дома графини Бобринской, среди улицы очутился мостъ съ Галернаго канала; на большой Галерной раздутые трупы коровъ и лошадей. Я воротился опять къ Храповицкому мосту и вдоль Пряжки и ея изрытой набережной, дошелъ до другого моста, который наканунѣ отправило вдоль по Офицерской. Бертовъ мостъ тоже исчезъ. По плувучему лѣсу и по наваленнымъ полѣнамъ, погружаясь въ воду то одной ногою, то другою, добрался я до Матпловыхъ тоней. Видъ открытъ былъ на Васильевскій островъ. Тутъ, въ окрестности, не существовало уже нѣсколькихъ сотъ домовъ; одинъ, и то безобразная груда, въ которой фундаментъ и крыша все было перемѣшано; я подивился какъ и это уцѣлѣло. — Это не здѣшніе; отсюда строенія Богъ вѣдаетъ куда унесло, а это прибыло сюда съ Ивановской гавани. — Между тѣмъ подошло нѣсколько любопытныхъ; иные, завлеченные сильнымъ спиртовымъ запахомъ, начали разбирать кровельныя доски; подъ ними скотъ домашній и люди мертвые и всякія венцы. Далѣе нельзя было идти по развалинамъ; я приговорилъ яликъ и пустился въ Неву; мы поплыли въ Галерную гавань; по сильный вѣтеръ приблилъ меня къ Сальнымъ-буянамъ, гдѣ, на возвышенномъ гранитномъ берегу,

стояло двухъ-мачтовое чухонское судно, необыкновенной смято такъ высоко взмощенное; кругомъ поврежденныя огромныя суда, издалека туда заброшенныя. Я взобрался вверхъ; тутъ огромное кирпичное зданіе, вся его лицевая сторона была въ нѣсколькихъ мѣстахъ проломлена, какъ-бы десяткомъ стѣнобитныхъ орудій; бочки съ саломъ разметало повсюду; у ногъ моихъ черепки, луковица, капуста и толстая связанная кипа бумагъ съ надписью: «N° 16. Февр. 20. Дѣла казенныя.»

* * *

Возвращаясь по Мясной, во второмъ домѣ отъ Екатерининскаго проспекта заглянулъ я въ нижнія окна. Три покойника лежало уже, обвитые простиралами, на трехъ столахъ. Я вошелъ во внутренній дворъ, — ни души живой. Проникнулъ въ тотъ покой, гдѣ были усопшіе, раскрылъ лица двоихъ; пожилая женщина и дѣвочка съ открытыми глазами, съ оскальными бѣлыми зубами; ни малѣйшаго признака насильственной смерти. До третьяго тѣла я немогъ добраться отъ ужаснѣйшей напосной грязи. Не знаю, трупы ли это утопленниковъ, или скончавшихся иною смертію. На Торговой, недалеко отъ моей квартиры, стоялъ пароходъ на сушѣ.

Необыкновенныя событія придають духу сильную внѣшнюю дѣятельность; я не могъ оставаться на мѣстѣ и поѣхалъ на Англійскую набережную. Большая часть ея zagrożдена была частями развалившихся судовъ и ихъ груза. На дрожкахъ нельзя было пробраться; перешедъ съ половиною версты, я воротился; видъ столькихъ различныхъ предметовъ, беспорядочно разметанныхъ, становился однообразнымъ; по всюду странная смѣсь раздробленныхъ.... (150)

* * *

Я наскоро собралъ нѣкоторыя черты, поразившія меня наиболѣе въ картинѣ гнѣва разсвирѣпѣвшей природы и гибели человѣковъ. Тутъ не было мѣста ни краскамъ витійственности, отъ разсужденій я также воздерживался: дать имъ волю, значило-бы поставить собственную личность на мѣсто великаго событія. Другіе могутъ добавить несовершенство моего сказанія тѣмъ, что сами знаютъ, г-да Гречъ и Булга-

ринъ берутся его дополнить всѣмъ, что окажется истинно замѣчательнымъ при второмъ изданіи этой тетрадки, если первое скоро разоидется и меня здѣсь уже не будетъ.

* * *

Теперь прошло нѣсколько времени со дня грознаго происшествія. Рѣка возвратилась въ предписанные ей предѣлы; душевныя силы не такъ скоро могутъ придти въ спокойное равновѣсіе. Но бѣдствія народа уже получаютъ возможное врачеваніе; впечатлѣнія ужаса мало-по-малу ослабѣваютъ и я на семь остаиваюсь. Въ общественныхъ скорбяхъ угѣшенъ мыслю, что посредствомъ сихъ листовъ друзья мои въ отдаленной Грузіи узнаютъ о моемъ сохраненіи въ минувшей опасности и гдѣ нынѣ нахожусь и чему былъ очевидцемъ.

IV.

Стихотворенія.

«Черновая» тетрадь Грибоѣдова начинается небольшою поэмой «Кальянчи», которую я не привожу здѣсь потому, что она была уже нѣсколько разъ напечатана.

Что касается до другихъ, находящихся въ «Черновой», стихотвореній, то ихъ невозможно размѣстить въ строгомъ, безукоризненномъ хронологическомъ порядкѣ по недостатку, по-крайней-мѣрѣ въ отношеніи къ большинству изъ нихъ, прямыхъ хронологическихъ указаній. Во-всякомъ-случаѣ, я приведу все то, что мнѣ о времени написанія Грибоѣдовымъ вныхъ стихотвореній извѣстно или что я въ этомъ отношеніи предполагаю о нихъ на основаніи какихъ-либо, болѣе или менѣе уважительныхъ, данныхъ. Это-то и послужило мнѣ руководствомъ къ размѣщенію ихъ въ томъ порядкѣ, какой здѣсь принятъ.

Въ «Черновой» тетради Грибоѣдова находятся шесть стиховъ, — конечно начало какого-нибудь лирическаго стихотворенія, идея котораго взята изъ родной намъ сферы нашихъ повѣрій, или правильнѣе — суевѣрій.

Я помѣщаю это стихотвореніе, или правильнѣе, начало

стихотворенія, первымъ, потому что нельзя опредѣлить, къ какому именно оно относится году.

ДОМОВОЙ.

Дѣтушки матушкѣ жаловались,
 Спать ложиться закаивались:
 Больно тревожитъ насъ дѣдъ-непосѣдъ,
 Зла творитъ много и множество бѣдъ,
 Стушей топочеть, столами ворочить,
 Душить, навалиться, щиплетъ, щекочить.

Продолженія не было: за этими шестью стихами — цѣлая бѣлая четвертка бумаги.

Стихотвореніе «Прости Отечество» я отношу ко времени перваго выѣзда Грибоѣдова изъ Россіи, то есть къ 1819 году и, конечно, не потому, что листокъ, на которомъ оно написано, переплетенъ въ «Черновой» между листами путеваго, въ 1819 году веденнаго, дневника отъ Тифлиса до Тагерана, но потому, что Грибоѣдовъ въ это время чрезвычайно тосковалъ по родинѣ, покпнутой почти-что насильно, вслѣдствіе одной только служебной необходимости и писалъ съ-дороги: къ С. Н. Бѣгичеву: «нѣтъ, я не путешественникъ!» и проч., что было видно въ 1-мъ отдѣлѣ этѣхъ статей. Стихотвореніе это представляетъ собою собственно не прощаніе съ родиной, а рядъ грустныхъ, можно сказать мрачныхъ, размышленій, брошенныхъ на бумагу въ совершенно вольной, безыскусственной, неотдѣланной формѣ.

ПРОСТИ ОТЕЧЕСТВО!

Не наслажденье жизни цѣль,
 Не утѣшенье наша жизнь!
 О, не обманывайся, сердце!
 О, призраки, — не увлекайте!...
 Насъ цѣпь угрюмыхъ должностей
 Опутываетъ неразрывно;
 Когда же въ уголокъ проникъ
 Свѣтъ счастья на единый мигъ...
 Какъ неожиданно, какъ дивно!...
 Но скоро бросишь кисть и прочь
 Бѣжишь отъ радужной палитры!

Мы молоды и вѣримъ въ рай
 И гонимся и вслѣдъ и вдаль
 За слабо брежжущимъ видѣньемъ...
 Пойдите!... Нѣтъ его, угасло!
 Обмануты, утомлены...
 И что-жь съ-тѣхъ-поръ? Мы мудры стали,
 Ногой отмѣрили пять стопъ,
 Соорудили темный гробъ
 И въ немъ живыхъ себя заклали.

Премудрость! Вотъ урокъ ея:
 Чужихъ законовъ несть ярмо,
 Свободу схоронить въ могилу,
 Не вѣрить въ собственную силу,
 Отвагу, дружбу, честь, любовь.
 Займемся былью стародавней,
 Какъ люди весело шли въ бой,
 Когда плѣняло ихъ собой
 Чтò такъ обманчиво и славно.

Вотъ стихотвореніе, которое принадлежитъ не иначе, какъ ко времени знакомства Грибоѣдова съ нашимъ юго-востокомъ: оно, очевидно, навѣяно его природою и впечатлѣніями; да и кромѣ того, стихъ «Тамъ, гдѣ вьется Алазань» (главная рѣка Кахетин) и весь второй куплетъ такъ ясно указываютъ на мѣстность, на которой такъ-сказать выросло, возникло это стихотвореніе, что сомнѣнія на этотъ разъ не можетъ быть никакого. Стало-быть, это стихотвореніе не старше 1822 года, весной котораго Грибоѣдовъ покинулъ Персію для Грузіи и Кавказа.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ.

Дугъ шелковый, мирный лѣсъ!
 Сквозь колеблемые своды
 Ясная лазурь небесъ!
 Тихо плещущія воды!
 Миѣ-ль возвращены назадъ
 Всѣ очарованья ваши?
 Слова-ль черпаю изъ чаши
 Нескудѣющихъ отрадъ?

Будто сладостно-душистый
 Въ воздухъ промилась струя;
 Снова упиваюсь я
 Вольностью и нѣгой чистой.
 Но, гдѣ другъ?... но, я одинъ!...
 Но, давно-ль, какъ привидѣнне,
 Предстоялъ очамъ моимъ
 Вѣстникъ зла? Я мчался съ нимъ
 Въ дальній край на заточенье.
 Окрестъ дикія мѣста,
 Снѣгъ пушился подъ ногами,
 Горемъ скованы уста,
 Руки тяжкими цѣпями.

Тамъ, гдѣ вьется Алазань,
 Вѣетъ нѣга и прохлада,
 Гдѣ въ садахъ собираютъ дань
 Пурпурнаго винограда,
 Свѣтло свѣтитъ лучъ дневной,
 Рано ищутъ, любятъ друга...
 Ты знакомъ-ли съ той страной,
 Гдѣ земля не знаетъ плуга,
 Вѣчно-юная блестятъ
 Пышно яркими цвѣтами
 И садителя даритъ
 Золотистыми плодами?...
 Странникъ, знаешь-ли любовь,
 Не подругу снамъ покойнымъ,
 Страшную подъ небомъ знойнымъ?
 Какъ пылаетъ ею кровь?
 Ей живутъ и ею дышать,
 Страждутъ и падутъ въ бояхъ
 Съ ней въ душѣ и на устахъ.
 Такъ Самумы съ юга пышатъ,
 Раскаляютъ степь...
 Что судьба, разлука, смерть!...

Между страницами отрывокъ изъ «Грузинской Ночи» за-
 нѣшались два листка, не только къ этой трагедіи не прина-
 лежащіе, но и ни съ чѣмъ, составляющимъ «Черную» Грп-

боѣдова, не связанные. Это разговоръ какихъ-то двухъ *половецкихъ мужей*, воспоминающихъ свои прежніе, молодые годы. Въ настоящее время нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы рѣшить что это такое именно: отрывокъ-ли изъ какого-нибудь драматическаго сочиненія *существовавшего*, но почему-либо утраченнаго, или только отдѣльная, набросанная на бумагу, часть драматическаго сочиненія *задуманнаго*, но никогда не приведеннаго въ исполненіе. Какъ-бы то ни было, но эти два листка представились мнѣ какъ предметъ отдѣльный, особенный и я не придумалъ лучшаго имъ имени, какъ назвавши ихъ просто —

ТРИ МОНОЛОГА.

СЕРЧАКЪ.

Ты помнишь-ли, какъ мы съ тобой, Итляръ,
 На понски счастливые дерзали,
 Съ коней три дня, три ночи не слѣзали,
 Имъ тяжело: градомъ потъ и клубомъ паръ,
 А мы на нихъ — то вихрями въ пустынь,
 То впасть по быстринамъ сердитыхъ рѣкъ...
 Кручины, горя не было во вѣкъ
 И мощь руки не та была, что нынѣ.
 Зачѣмъ старѣютъ люди и живутъ,
 Когда по жиламъ кровь едва струится!
 Когда подъять безнадежны ратный трудъ
 И темя ихъ снѣгами убѣлится!
 Смотри на степь, — что день, то шумный бой,
 Духъ вѣтренный, другого превозмогшій,
 И самъ гонимъ... сшибутся межъ собой
 И завиваютъ пыль и зракъ изсохшій:
 Такъ человекъ рожденъ гонять врага,
 Настичь, убить или запелить арканомъ.
 Кто на путяхъ не рыщетъ алчнымъ враномъ,
 Кому уже конь прыткій не слуга,
 Въ осенней мглѣ, съ дрожаньемъ молодецкимъ,
 Опъ, притаясь, добычи не блюдетъ, —
 Тотъ лягъ въ сыру землю: онъ не живеть!
 Не называйся сыномъ Половецкимъ!

ИТЛЯРЪ.

Мы дряхлы, другъ, но оживи въ сынахъ,
 И отроки у насъ для битвы зрѣлы.

Не праздниъ лукъ, — натянуть въ ихъ рукахъ.
 Не даромъ мещутъ копья, сыплютъ стрѣлы.
 Давно-ль они несчетный ловъ въ полонъ
 Добыли намъ цѣною лютыхъ браней,
 Блестящихъ сбруй и разноцвѣтныхъ тканей,
 И тучныхъ стадъ, и бѣлолицыхъ женъ.
 О, плачься, Русь богатая! Бывало,
 Ея полки и въ нашихъ рубежахъ
 Корысть дѣлятъ. Теперь не то настало!
 Огни ночной порою въ камышахъ
 Не такъ разлитымъ заревомъ пугаютъ,
 Какъ пламя русскихъ селъ, — еще пылаютъ
 По берегамъ Трубежа и Десны...
 Тамъ бранные пожары засвѣчаютъ
 Въ честь намъ, отцамъ, любезные сыны.

СЕРЧАКЪ.

Въ твоихъ сынахъ твой духъ отцовскій виѣдренъ!
 Гордись, Итляръ! Тебя ихъ мужественный видъ,
 Какъ въ зимній день лучъ солнечный, живить.
 Я отъ небесъ лишь дочерью ущедренъ
 И тою счастливъ... Вѣрь, когда съ утра
 Зову ее и къ груди прижимаю, —
 Всю тяжесть лѣтъ съ согбенныхъ плечь стрясаю.
 Но ей отбыть изъ отчаго шатра:
 Наступитъ день, когда пришельцу руку
 Должна подать на брачное житье;
 Душей скорбя, я провожу ее,
 И, можетъ-быть, на вѣчную разлуку...
 Тогда приди всѣмъ людямъ общій рокъ!
 Закройтесь очи — не въ семьѣ чадъ милыхъ...
 Наѣздникъ горькій: ветхъ и одинокъ,
 Я доживу остатокъ дней постылыхъ!
 Гдѣ лягутъ кости? Въ землю ихъ вселятъ
 Чужія руки, свѣжій дернъ настелятъ,
 Чужіе межъ собой броню, бузатъ
 И все мое завѣтное раздѣлятъ!...

Въ «Черновой» есть еще одинъ драматическій отрывокъ,
 о которомъ, также, какъ и о предыдущемъ, невозможно въ
 настоящее время рѣшить: какому именно принадлежитъ онъ

сочиненію — исполненному или только задуманному. Содержаніе его взято изъ событій 1812 года.

Что касается до времени, въ которое онъ написанъ Грибоѣдовымъ, то я могу положительно удостовѣрить, что онъ не можетъ быть старше 1822 года: въ просвѣтѣ бумаги я очень ясно увидалъ годъ ея фабрикаціи — 1822-ой.

Этотъ отрывокъ я назвалъ —

ОТЕЦЪ и ДОЧЬ.

ПЕТРЪ Ан.

Дитя мое любезное, Надежда!
 Оставь шитье, узоры кружевные:
 Не выражать тебѣ красы своей
 На свѣтлыхъ праздникахъ. Не выѣзжать
 Съ боярами, князьями. Было время
 Ласкаютъ и манять тебя съ собой
 И мчатъ въ богато-убранной каретѣ.
 А нынѣ знать, вельможи, — гдѣ они?...
 Тотъ князь, твой воспріемникъ отъ купели?
 Его жена? Родня? Исчезли всѣ!
 Ихъ пышные хоромы опустѣли.
 Когда слыла веселою Москва,
 Они роились въ ней. Палаты ихъ
 Блистали разноцвѣтными огнями...
 Теперь, когда у стѣнъ ея враги,
 Безсчастныя разсыпалися дѣти,
 Напрасно ждетъ защитниковъ; сыны,
 Какъ ласточки, вспорхнули съ теплыхъ гнѣздъ
 И предали ихъ бурямъ въ расхищенье.
 Ты изъ житья роскошнаго обратно
 Въ убогій домъ отцовскій отдана,
 А мнѣ куда съ тобой?... Куда укрыться?
 И если-бъ могъ бѣжать отселъ я,
 Нѣтъ! Нѣтъ!... Не оторвался-бъ отъ тебя,
 О мать наша, мать Россіи всей,
 Кормилица моя, моихъ дѣтей!
 Въ тебѣ я мирно пожилъ, видѣлъ счастье,
 Въ тебѣ и гробъ найду. Мой другъ, Надежда,
 Гроза надъ нами носится, — потерпимъ,
 И съ вѣрою вдадимся той судьбѣ,
 Которую Господь намъ уготовилъ.

Грустна, грустна!... О комъ же плачешь ты?
О прежнихъ ли подругахъ и забавахъ?

НАТАША.

Ахъ, батюшка! Я плачу не о томъ!
Теперь не та пора... *(Рыдаетъ.)*

ПЕТРЪ АН.

И тѣ-ли времена? О братѣ что-ли?
Нашъ Алексѣй... Даруй ему Господь
Со славой устоять на ратномъ полѣ.
Мнѣ все твердить, — онъ будетъ живъ.

НАТАША.

Нѣтъ, батюшка, я плачу не объ немъ.
(Рыдаетъ пуце прежняго.)

ПЕТРЪ АН.

Когда же ты о родинѣ печальна,
Рыдай, мое дитя, — и для тебя
Отраднago я слова не имѣю.
Бывало, на душѣ кручинно, — посохъ въ руки,
Съ тобою сердцу легче, все забыто...
Утѣшенный я приходилъ домой.
Бывало, посѣтишь и ты меня, отца,
Обнимешь, все осмотришь... Уголь мой
На полгода весельемъ просвѣтится...
А нынѣ вмѣстѣ мы и намъ не легче!
Москва! Москва! О, до чего я дожидъ!...
(Растворяетъ окно.)

«Для открытія новаго театра въ Москвѣ осенью 1823 года» — говоритъ С. П. Бѣгичевъ въ своей біографической запискѣ о Грибоѣдовѣ — «онъ располагалъ написать прологъ въ двухъ актахъ, подъ названіемъ *Юность Вльцаго*. — При поднятіи занавѣсы юноша-рыбакъ Ломоносовъ спитъ на берегу Ледовитаго моря и видитъ обаятельный сонъ, — сначала разныя волшебныя явленія, потомъ Музъ, которыя его призываютъ и наконецъ весь Олимпъ во всемъ его величіи. Онъ просыпается въ какомъ-то очарованіи, сонъ этотъ не выходитъ изъ его памяти, преслѣдуетъ его и въ морѣ и на необитаемомъ островѣ, куда онъ съ прочими рыбаками отправился за рыбнымъ промысломъ. Душа его получила жажду познанія, чего-то высшаго, имъ невидимаго — и онъ убѣ-

гаеть изъ отческаго дома. — При открытіи занавѣсы во 2-мъ актѣ Ломоносовъ въ Москвѣ, стоитъ на Красной-площади. Далѣе я не помню.... Пролога онъ написать не успѣлъ, а театръ открылся.»

Все это безъ «Черновой» осталось-бы однимъ простымъ указаніемъ; она сохранила намъ по-крайней-мѣрѣ хоть часть, отрывокъ этого пролога, который замышлялъ Грибоѣдовъ.

Отрывокъ этотъ существуетъ въ «Черновой» въ двухъ экземплярахъ: въ-чернѣ (въ началѣ тетради) и перебѣленный Грибоѣдовымъ (въ самомъ концѣ ея). Я не упомянулъ-бы объ этомъ обстоятельстве, если-бы въ концѣ черноваго экземпляра не сохранилось нѣсколькихъ строкъ, состоящихъ изъ однихъ, лаконически выраженныхъ, лаконически «поставленныхъ»—если можно такъ сказать—словъ (какъ это иногда дѣлывалъ Пушкинъ), которыя все-таки составляютъ конспектъ сочиненія, хотя нѣсколько, до извѣстной границы отличающій намъ мысль его автора.

ЮНОСТЬ ВЪЩАГО.

(Куростровъ. Ищутъ Михаила. Находятъ его. Ночь передъ отплытіемъ въ дальній путь.)

Орелъ, едва лишь пухомъ оперенный,
 Едва въ себѣ почуялъ дерзость силъ,
 Разсѣкъ эфиръ, съ размаху воспарилъ;
 Хоръ птицъ, его явленіемъ изумленный,
 Неспорный крикъ ему на встрѣчу шлетъ.
 Нѣтъ! Дерзость тѣхъ очей и тотъ полетъ
 Не зрять себѣ ни равныхъ, ни преслушныхъ
 И властвуетъ въ селеньяхъ онъ воздушныхъ.
 Не такъ между людьми: ахъ! отъ пеленъ
 Томится сколько лѣтъ ревнитель славы!
 Еще томится возмужалый онъ,
 Отверженъ и не признанъ, угнетенъ....
 Судьба! О, какъ тверды твои уставы!
 Великимъ средъ Австраліи зыбей,
 Иль въ сѣвера-снѣгахъ, вездѣ одно-ли
 Присуждено? — Искать желанной доли,
 Путемъ вражды, препятствій и скорбей!
 И тотъ пѣвецъ, кому никто не смѣетъ

Во слѣдъ ступить изъ бардовъ сихъ временъ,
 Предъ кѣмъ святая Русь благоговѣтъ,
 Онъ отрокомъ, безвѣстенъ и презрѣнъ,
 Сынъ рыбака, чудовищъ земноводныхъ
 Ловитвой жилъ; въ пучинахъ ледяныхъ,
 Душей алкая странъ и дѣлъ иныхъ,
 Изнемогаѣ въ уснiяхъ бесплодныхъ!...

Океанъ, пустынный островъ. Любопытство юноши.

Скорбь отца. Вновь отъѣздъ.

Нелюбовь.

Соловцы. Невѣдомый мужъ, богомолецъ. Вѣсть о вечернихъ странахъ.

Возвращенiе домой. Побѣгъ. Тотъ-же таинственный спутникъ.

Находящееся въ «Черновой» стихотворенiе съ надписью *Дѣлежъ добычи* было напечатано въ 1825 году самимъ Грибодовымъ въ Сѣверной Пчелѣ подъ названiемъ *Хищники на Чегемѣ* (151) и перепечатано издателями сочиненiй Грибодова. Я не сталъ-бы приводить его здѣсь, если-бы въ печатныхъ текстахъ этого стихотворенiя на находилось нѣсколькихъ разпорѣчiй и пропуска противъ автографа, нѣтъ ли принадлежащаго. — Печатаемое съ автографа, конечно, всегда заслуживаетъ полную вѣру и преимущественное вниманiе.

ДѢЛЕЖЪ ДОБЫЧИ.

1.

Окопайтесь рвами, рвами!
 Отразите смерть и плѣнъ
 Блескомъ ружей, твержей стѣнъ!
 Какъ ни крѣпки вы стѣнами,
 Мы надъ вами, мы надъ вами,
 Будто быстрые орлы
 Надъ челомъ крутой скалы.

2.

Мракъ за насъ ночей безлунныхъ,
 Шумъ потока, темный боръ (152),
 Дождь и мгла и вихрей споръ.
 На стада-ли бѣлорунныхъ,

На угонъ коней табунныхъ (153),
Гдѣ витають вепрь и волкъ,
Напѣ залегъ отважный полкъ.

3.

Живы въ насъ отцевъ обряды,
Кровь ихъ буйная жива,
Та-же въ небѣ синева,
Тѣ-же лдяныя громады,
Тѣ-же съ ревомъ водопады,
Та-же дикость, красота,
По ущельямъ разлита.

4.

Наши — камни, наши — кручи.
Русь! Зачѣмъ воюешь ты
Вѣковыя высоты?
Досягнешь-ли? Вонъ, могучій,
Двувершинный, дѣлитъ тучи (154),
Рѣжется изъ облаковъ,
Надъ главою твоихъ полковъ.

5.

Паръ, изъ бездны отдаленной,
Вьется по его плечамъ,
Вотъ, невидимъ онъ очамъ,
Той-же тканю свиенный.
Также скрыты мы мгновенно,
Средь зияющихъ вамъ бѣдъ.... (155).
Выстрѣль, два — и сгниуль слѣдъ.

6.

Двиньтесь узкою тропюю,
Далеко отъ селъ и нивъ (156), —
Здѣсь стремнина, тамъ обрывъ,
Тутъ утесъ; берите съ бою.
Камень, сорванный стопою,
Въ глубь летитъ, разбитый въ прахъ, —
Риньтесь съ нимъ, откиньте страхъ.

7.

Идемъ. Готовы къ новой сѣчѣ.
Но и слухъ о нихъ исчезъ!
Загорайся, древній лѣсъ!
Лейся, зарево, далече!
Мы объедемъ въ дружномъ вѣчѣ,

И, по-ряду, дѣлежемъ,
Дѣлимъ взятое ножемъ.

8.

Доли лучшія отложимъ
Нашимъ панцырнымъ князьямъ,
Нашимъ храбрымъ узденямъ (157).
Юныхъ плѣнницъ приумножимъ,
И кадіямъ, людямъ божьимъ,
Красныхъ отроковъ дадимъ (158).
Вѣрой станъ нашъ невредимъ.

9.

Узникамъ удѣлъ обычный:
Надъ рабами высока
Ихъ стяжателей рука.
Узы жребій имъ приличныи.
Въ ихъ землѣ и свѣтъ темничныи.
И ужасенъ-ли обмѣнъ:
..... (159).

10.

Дѣлимъ женамъ ожерелье,
Вотъ обломки хрусталя!
Пьемъ бузу! Стои, земля!
Клшкомъ огласимъ ущелье!
Падшимъ мръ! Живымъ веселье!
Разъ еще увидѣлъ взоръ
Вольный край родимыхъ горъ.

На одной изъ страницъ поэмы «Калыяичи» написано небольшое стихотвореніе, всего въ восемь стиховъ, надъ которыми стоятъ буквы А. О.

Долго всѣмъ мнѣ вопросы С. Н. Бѣгичеву, который, конечно, лучше всѣхъ знаетъ, до самыхъ мелкихъ подробностей, біографію Грибоѣдова, о томъ: къ кому относится это стихотвореніе, оставались тщетными, — онъ не могъ этого припомнить. Наконецъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ ко мнѣ (отъ 15 февраля 1858 г.) онъ высказалъ мнѣніе, что оно относится къ князю Александру Одоевскому, съ которымъ Грибоѣдовъ былъ братски-друженъ. Впослѣдствіи, я довольно коротко узналъ отъ нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ близкими

Грибоѣдову, о взаимныхъ отношеніяхъ его и князя Алекс. Одоевскаго и тогда не только не оставалось для меня никакого сомнѣнія, что стихотвореніе это писано къ нему, но и оно само получило въ глазахъ моихъ новыи, настоящій смыслъ и значеніе, — я увидалъ въ немъ страдальческій, горькій вопль души, пораженной очень тяжелымъ ударомъ. Для того, чтобы и читатель могъ, хоть сколько-нибудь, взглянуть на это стихотвореніе съ настоящей точки зрѣнія, я, пока, скажу только то, что кн. Алекс. Одоевскій, въ то время, когда дружба С. Н. Бѣгичева (тогда уже женатаго и удалившагося въ деревню) не могла наблюдать за Грибоѣдовымъ, — человѣкомъ, какъ говорится, чрезвычайно «подвижнымъ», беспокойнымъ, въ ту пору не рѣдко шалупомъ и еще чаще человѣкомъ желчнымъ, — былъ истиннымъ ангеломъ-хранителемъ Грибоѣдова, несмотря на то, что былъ его гораздо моложе. Безъ кн. Алекс. Одоевскаго Грибоѣдовъ нажплъ-бы себѣ великое множество всякихъ бѣдъ и хлопотъ... и вдругъ Грибоѣдовъ узнаетъ, что этотъ человѣкъ, братски берегшій и соблюдавшій его, человѣкъ, котораго онъ любилъ искренно, всѣмъ сердцемъ, погибъ вслѣдствіе несчастныхъ происшествій 14 декабря 1825 года. — С. Н. Бѣгичевъ говоритъ, что Грибоѣдовъ, въ свою очередь, уберегъ-бы кн. Одоевскаго если-бы былъ въ это время въ Петербургѣ. Вотъ — ключъ къ этому стихотворенію, объясненіе его смысла и значенія. Нужно прибавить, что это тотъ самый кн. Алекс. Одоевскій, памяти котораго Лермонтовъ посвятилъ впоследствии это прелестное стихотвореніе:

«Я зналъ его: мы странствовалъ съ нимъ
 Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
 Дѣлили дружно.»

Несомнѣнно, что стихотвореніе это должно относиться къ 1826 году, стало быть позднѣе всѣхъ предыдущихъ.

А. О.

Я дружбу глѣлъ.... когда струнамъ касался,
 Твой геній надъ главою моею парилъ,
 Въ стихахъ моихъ, въ душѣ тебя любилъ
 И призывалъ и о тебѣ терзался!...

О, мой Творецъ! Едва разцвѣтшій вѣкъ
 Ужели ты безжалостно пресѣкъ!
 Допустишь-ли, чтобы его могила
 Живаго отъ любви моей сокрыла!..

Для окончательнаго и полнаго обзора грибоѣдовской «Черновой» остается только привести отрывки изъ знаменитой «Грузинской Ночи», о которой, по слухамъ, знаютъ всѣ, говорятъ всѣ, но ни одного стиха которой не было доселѣ извѣстно публикѣ.

Грибоѣдовъ, какъ говорятъ его биографы, въ послѣдній приѣздъ свой въ Петербургъ (въ 1828 г.) читалъ друзьямъ своимъ отрывки изъ этой романтической трагедіи или драмы *наизусть*. (160) Всѣмъ извѣстны слова г. Греча, сказанныя послѣ выслушанія этихъ отрывковъ, что Грибоѣдовъ только попробовалъ перо на «Горе отъ ума». — Вотъ чтó на этотъ разъ говоритъ С. Н. Бѣгичевъ въ своей биографической запискѣ: «Нѣтъ, говорилъ онъ» — (Грибоѣдовъ, при послѣднемъ съ нимъ свиданіи, на пути въ Персію) — «я не напишу болѣе комедіи: веселость моя исчезла, а безъ веселости нѣтъ хорошей комедіи. Но есть у меня написанная «трагедія». И тутъ-же рассказалъ онъ мнѣ ея содержаніе и прочелъ наизусть сцены, читанныя имъ въ Петербургѣ. Но, на убѣжденія мои прочесть мнѣ всю трагедію, никакъ не согласился. «Я теперь еще къ ней страстенъ» — отвѣчалъ онъ мнѣ — «и далъ себѣ слово не читать её пять лѣтъ, а тогда, сдѣлавшись равнодушнѣе, прочту какъ чужое сочиненіе и, если буду доволенъ, то отдамъ въ печать.» — Обращаюсь опять къ словамъ г. Булгарина: «самые холодные люди» — говоритъ онъ — «были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина. Трагедія сія погибла вмѣстѣ съ авторомъ!»... Потомъ, въ примѣчаніи, г. Булгаринъ прибавляетъ слѣдующія строки, которыхъ нельзя оставить безъ вниманія: «Нынѣ (въ ноябрѣ 1830 г.) получилъ я извѣстіе, что отрывки изъ сей трагедіи и нѣкоторыя другія сочиненія Грибоѣдова уцѣлѣли», не поясняя, впрочемъ, откуда получилъ онъ это, во всякомъ случаѣ очень важное, извѣстіе (161).

Такимъ образомъ, послѣднее произведеніе Грибоѣдова — «Грузинская Ночь», или хоть отрывки изъ нея составляли у насъ доселѣ чтѣ-то загадочное, какъ-бы таинственное, въ высокой степени любопытное уже потому, что всѣ, кому они были извѣстны, ихъ хвалили, всѣ ими восхищались и все это, какъ всѣ говорили, погибло.

Показаніе г. Булгарина, что и отрывки изъ «Грузинской Ночи» и нѣкоторыя другія сочиненія Грибоѣдова уцѣлѣли, совершенно справедливо: представляемая мною нынѣ «Черновая тетрадь» Грибоѣдова служитъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. Прежде напечатанія отрывковъ надо, для большинства публики и полноты дѣла, рассказать содержаніе трагедіи, какъ передано оно г. Булгаринымъ и не опровергнуто г. Бѣгичевымъ въ его біографической запискѣ. «Одинъ Грузинскій князь, за выкупъ любимаго коня, отдалъ другому князю отрока, раба своего. Это было дѣломъ обыкновеннымъ, а потому князь не думалъ о слѣдствіяхъ. Вдругъ является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его, упрекаетъ его въ безчеловѣчномъ поступкѣ, припоминаетъ службу свою, и требуетъ или возврата сына или позволенія быть рабою одного съ нимъ господина и угрожаетъ ему мщеніемъ ада. Князь сперва гнѣвается, потомъ обѣщаетъ выкупить сына кормилицы, и наконецъ, по княжескому обычаю, — забываетъ обѣщаніе. Но мать помнитъ, что у нея отторжено отъ сердца дѣтище, и, какъ Азіятка, умышляетъ жестокою мечь. Она идетъ въ лѣсъ, призываетъ Дели, злыхъ духовъ Грузин, и составляетъ адскій союзъ на пагубу рода своего господина. Появляется русскій офицеръ въ домѣ, таинственное существо по чувствамъ и образу мыслей. Кормилица заставляетъ Дели вселять любовь къ офицеру въ питомца своей, дочери князя. Она уходитъ съ любовникомъ изъ родительскаго дома. Князь жаждетъ мести, ищетъ любовниковъ и видитъ ихъ на вершинѣ горы Св. Давида. Онъ беретъ ружье прицѣпляется въ офицера, но Дели несутъ пулю въ сердце его дочери. Еще не свершилось мщеніе озлобленной кормилицы! Она требуетъ ружья, чтобъ поразить князя, и убиваетъ своего сына. Безчеловѣчный князь наказанъ Небомъ за презрѣніе чувствъ родитель-

скихъ и познаеть цѣну потери дѣтища. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила местию. Они гибнуть въ отчаяніи.»

Вотъ содержаніе «Грузинской Ночи». Г. Булгаринъ сдѣлалъ одну, конечно невольную, но довольно-важную, ошибку: злыхъ духовъ Грузинъ зовутъ не *Дели*, а *Али* и такъ названы они и Грибоѣдовымъ въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ его трагедіи. Для того, чтобы дать читателю опредѣленное и ясное понятіе объ этихъ злыхъ духахъ Али, адской силой которыхъ совершается главное дѣло грибоѣдовской трагедіи, я выпишываю довольно подробныя о нихъ свѣдѣнія изъ статьи г. Березнова о «Грузинской медицинѣ». «Есть молитва, въ которой гномъ, извѣстный у Грузинъ подъ именемъ Али (буквально: пламень), обрисованъ рельефно. По народному повѣрью, Али-духъ женскаго пола, и онъ въ особенности преслѣдуетъ родильницъ; часто является онъ имъ въ образѣ повпавальныхъ бабокъ, умерщвляетъ дитя, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку. Али всегда на первомъ планѣ въ розказняхъ старухъ и нянекъ. Много страшнаго случалось мнѣ слышать въ моей молодости про этого героя, или правильнѣе, героиню женскихъ ужасовъ, которыми весьма часто тревожили молодое воображеніе. При этомъ, бывало, волосы шевелятся на головѣ и всю ночь бредишь страшною женщиною, у которой зубы словно кабаньи клыки, а коса во весь ростъ, и говорить-то она хотя и языкомъ человѣческимъ, но все на оборотъ, и вся она создана будто на изпаку, и всѣ члены у ней будто выворотные. Сказываютъ, были и теперь будто-бы есть неустрашимые люди, которымъ удавалось поймать Али и держать ее нѣсколько лѣтъ въ услуженіи; увѣряютъ, что она невольно дѣлается рабою того, кто отрѣжетъ у ней косу, а такъ-какъ Али часто расчесываетъ свои волосы на пустынномъ берегу рѣки, то это можно сдѣлать при извѣстныхъ условіяхъ.»

Обратимся къ отрывкамъ:

Буква К. видимо обозначаетъ у Грибоѣдова слово «князь» буква Т. должна быть начальной буквой имени кормилицы, намъ неизвѣстнаго.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ГРУЗИНСКОЙ НОЧИ.

1.

(Кормилица, какъ надо судить, уже успѣла объявить князю свою просьбу о возвращеніи сына и свою печаль; князь отвѣчаетъ.)

К.

Но самъ я развѣ радъ твоей печали?
Вини себя и старость лѣтъ своихъ.
Давно съ тебя и платы не бирали....

Т.

Ругаться старостью — то въ лютыхъ вашихъ нравахъ.

Стара я, да, — но не отъ лѣтъ однихъ!
Состарѣлась не въ играхъ, не въ забавахъ,
Твой домъ блюла, тебя, дѣтей твоихъ.

Какъ ринулся въ мятежъ ты противъ русской силы,
Укрыла я тебя живаго отъ могилы,
Моймъ-же рубищемъ отъ тысячи смертей.
Когда-жъ былъ многія години въ заточеньи,
Безславью преданный въ отеческомъ краю,
И вѣтеръ здѣсь свисталъ въ хоромахъ опустѣлыхъ,
Вынашивала я, кормила дочь твою.

Такъ знай-же повѣсть ты волосъ сихъ посѣдѣлыхъ,
Колѣнъ моихъ согбенныхъ и морщинъ,
Которыя въ щекахъ моихъ изрыты

Трудами о тебѣ. Виною ты одинъ.

Вотъ въ подвигахъ какихъ мѣдые дни убиты.

А ты? Ты совѣсти и Богу вопреки

Полсердца вырвалъ изъ утробы!

Что мнѣ твой гнѣвъ? Гроза твоей руки?

Пылай, гори огнемъ несправедливой злобы....

И кочетъ, если взять его птенца,

Кричитъ, крылами бьетъ съ свирѣпостью борца,

Онъ похитителя зоветъ на бои неравный,

А мнѣ передъ тобой не можно умолчать, —

О сыпѣ я скорблю; я человѣкъ, я мать....

Гдѣ громъ твой, власть твоя, о Боже Вседержавный!

К.

Творецъ, пошли мнѣ вновь изгнанье, нищету,

И на главу мою всѣ ужасы природы,

Скорѣе въ томъ ущельи пропаду,

Гдѣ бурный Ксанъ крутитъ сѣдья воды,

Терпѣть разбойникомъ гоженя, голодъ, страхъ,
 Отъ стужи, непогодъ не бывъ укрытымъ,
 Чѣмъ этой Фурии присутствіе сносить
 И злость души и ядъ ея упрековъ.

Т.

Ипчѣмъ тебя не можно умилить!
 Ни памятью добра, ни силой слезныхъ токовъ!
 Подумай, — самъ отецъ и сына ты лишишь.
 Когда, застрѣленный, къ тебѣ онъ былъ внесенъ
 И ты въ послѣдній разъ прощался съ трупомъ милымъ,
 Безъ памяти приникъ къ очамъ застылымъ
 И оживить хотѣлъ потухшій взоръ,
 Весь воздухъ потрясалъ дѣтей и женъ вой дикій
 И вторили раскаты этихъ горъ
 Съ утра до вечера пронзительные крики, —
 Ты самъ хотѣлъ зарыться въ землю съ нимъ.
 Но, взятый смертію, во вѣкъ невозвратимъ!
 Когда-же бѣ искупить ты могъ его пзъ плѣна,
 Какой тогда казны-бы пожалѣлъ?
 На чей-бы гнѣвъ суровый не посмѣлъ?
 Ты чьи тогда не обнял-бы колѣна?

К.

И нѣтъ еще къ тебѣ вражды!..
 Я помню о людяхъ, о Богѣ,
 И сына твоего не далъ-бы безъ нужды,
 Но честь моя была въ залогѣ:
 Его цѣной я выкупилъ коня,
 Который подо мной въ бояхъ меня прославилъ,
 Изъ жаркихъ битвъ онъ выносилъ меня...
 Тотъ подлѣ, кто бы его въ чужихъ рукахъ оставилъ.

Т.

Ни конь твой боевой всей крѣпостію жилъ,
 Никто, изъ слугъ твоихъ любимыхъ,
 Такъ вѣрой, правдою тебѣ не послужилъ,
 Какъ я въ трудахъ неисчислимыхъ
 Мой отрокъ, если-бъ возмужалъ,
 За славу твоего онъ княжескаго дома
 Сто разъ-бы притупилъ и саблю и кинжалъ,
 Не убоился-бы онъ язвъ и пунекъ грома.
 Какъ матерью его ты былъ не разъ спасенъ,
 Такъ на плечахъ своихъ тебя-бы вынесъ онъ.

К.

Прочь отъ меня! Поди ты прочь, старуха!
 Не раздражай меня, не вызывай на гнѣвъ,
 И не терзай мнѣ жалобами слуха...
 Безвремененъ кому твой вопль, и стонъ, и ревъ.
 Ужь сынъ твой рабъ другого господина,
 И нѣтъ его, онъ мой оставилъ домъ,
 Онъ проданъ мной и я былъ воленъ въ томъ, —
 Онъ былъ мой крѣпостной...

Т. *(падаетъ на колѣна.)*

Онъ сынъ мой! Дай мнѣ сына!
 И я твоя раба, — зачѣмъ-же мать
 Отъ дѣтища ты разлучилъ роднаго?
 Дай разъ еще къ груди его прижать!...
 Ахъ, ради Бога имени святаго,
 Чтобъ не видать кровавыхъ слезъ моихъ,
 Соедини ты снова насъ двоихъ.

К.

Не повторяй мнѣ горькіе упреки!
 Въ поля и въ горы вотъ пути широки,
 Тамъ мчится шумная рѣка,
 Садись надъ пропастью, бесѣдуй съ висока
 О сынѣ съ мраками ночными
 И степь буди стenanьями своими,
 Но въ домъ не возвращайся мой!...
 Уймись, или исчезни съ глазъ долой.

Т.

Достойное заслугамъ воздаянье!
 Такъ будь-же проклять ты и весь твой родъ,
 И дочь твоя, и все твое стяжанье!
 Какъ ловчіе, — ни быстриною водъ,
 Ни крутпзною скалъ не удержимы,
 Но скачутъ, по вѣтрамъ носимы,
 Покуда звѣрь отъ пхъ ударовъ не падеть,
 Истекшій кровію и пѣной, —
 Пускай истерзана такъ будетъ жизнь твоя,
 Пускай преслѣдуютъ тебя ножемъ, измѣной
 И слуги, и родные, и друзья!
 Неблагодарности въ награду,
 Конца не знай мученья своего;
 Тогда продай ты душу аду,

Какъ продалъ сына моего.
 Отступникъ, самъ себя карая,
 Въ безумьи плоть свою гложитъ,
 И ночью майся, днемъ дрожитъ,
 На церковь Божию взираетъ.
 Твой прахъ землѣ не предадутъ,
 Лишь путники произнесутъ
 Ругательства надъ трупомъ хладнымъ,
 И будь добычею чекаламъ плотояднымъ....
 А тамъ, — передъ судомъ Всевышняго Творца,
 Ты обреченъ уже на муки безъ конца!

2.

(Кормилица, призываетъ, въ помощь своей мести, Али, — злыхъ духовъ Грузинъ.)

О люди! Кто назвалъ людьми исчадіи зла,
 Которыхъ отъ кровей утробныхъ,
 Судьба на то произвела,
 Чтобъ были гибелью, бичемъ себѣ подобныхъ!
 Но силы свыше есть! Прочь совѣсть и боязнь!...

Ночныя чуда! Али! Али!

Явите мнѣ свою пріязнь,

Какъ вы всегда являли

Предавшимъ вѣру и законъ,

Душей преступнымъ и безсильнымъ,

Свѣтите мнѣ огнемъ могильнымъ,

Несите вѣтеръ, свистъ и стопъ,

Дружины Али! Знакъ условный —

Вотъ пять волосъ

Отъ васъ унесъ

Вашъ хитрый, смѣлый врагъ, мой братъ единокровный,

Когда въ (162) онъ блуждалъ,

На мшистыхъ высотахъ уединенныхъ скалъ.

Я крестнымъ знаменемъ отъ васъ оборонялась.

Я матерью тогда счастливой называлась,

А нынѣ кинутой быть горько сиротой (163)!

Равны страданія въ сей жизни или въ той?...

Слетайтесь, слетайтесь,

Отколѣ въ темну ночь исходятъ провидѣнья.

Изъ снѣжныхъ горъ.

Изъ дикихъ норъ.

Изъ груди тли и разрушенья,

Изъ сонныхъ тинистыхъ зыбей,
 Изъ тѣхъ пустыней многогробныхъ,
 Гдѣ служатъ пиршествомъ червѣй
 Останки праведныхъ и злобныхъ.
 Но нѣтъ ихъ! Непокорны мнѣ!
 На мой призывъ не отзовутся!
 Лишь тучи на небѣ несутся
 И воетъ вѣтръ.... Ахъ, вотъ оябъ!

(Прислоняется къ утесу и не глядитъ на нихъ) (164).

Али *(плаваютъ въ туманъ у подошвы горъ)*.

Въ парахъ вечернихъ, передъ восходомъ
 Печальной, дѣвственной луны,
 Мы выступаемъ хороводомъ
 Изъ незримой глубины.

Т.

Робѣетъ духъ, языкъ прикованъ мой!
 Земля, не разступайся подо мной.... (165).

Али.

Таятся въ мрачной глубинѣ,
 Непримиримыхъ оскорбленья,
 И созрѣваютъ въ тишинѣ,
 До дня рѣшительнаго мщенья,
 Но тотъ, чей замыселъ не скрытъ,
 Какъ темная гробовъ обитель,
 Вражды вовѣкъ не утолитъ,
 Нетерпѣливый мститель.

Р.

.....
 (166).

Настанетъ день и часъ пробьетъ.

Али.

Неизъяснимое свершится:
 Тогда мать сына обрѣтетъ
 И ближній ближняго лишится.

(Мо.маніе.)

Куда мы, Али? Въ эту ночь
 Бѣжить отъ глазъ успокоенья.

Одна пзъ нихъ.

Спѣшу родпльницѣ помочь,
 Чтобы задушить грѣха рожденъе.

Другія.

А мы въ за-горскіе края,
Гдѣ пирь пврують кровопійцы.

Послѣдняя.

Тамъ замокъ есть... Тамъ сяду я
На смертный одръ отцеубійцы.

Вотъ все, что находится въ «Черновой тетради» Грибоѣдова, за исключеніемъ небольшихъ выпусковъ, о которыхъ я говорилъ во введеніи.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Крѣпость на правомъ берегу Терека, въ вѣду Тагаурскаго ущелья, построена въ 1800 году, когда предполагено было учредить рядъ укрѣпленій между Моздокомъ и этимъ главнымъ передовымъ ущельемъ (Тагаурскимъ); началомъ къ выполненію этого предположенія было построеніе Владикавказа, какъ главнаго наблюдательнаго пункта относительно сосѣдственныхъ Горцевъ.

(2) *Даріель* — крѣпость на правомъ берегу Терека, въ ана-нурскомъ уѣздѣ, знаменитое въ Азіи мѣсто, среди Кавказскихъ горъ, въ дефилеѣ, отъ которой заимствовало свое названіе. Новая крѣпость выстроена непосредственно подъ прежнюю, стоявшей на неприступной скалѣ и теперь находящейся въ разрушеніи. Ее-то и называетъ Грибоѣдовъ «оброшеннымъ замкомъ». Со времени постройки новой крѣпости значительно расширили даріельскій проходъ, что замѣчаетъ Грибоѣдовъ словами «проломъ отъ пороха».

(3) Вѣроятно, не договорено — пищу.

(4) *Арба*, по-турецки телѣга. Арбы бывають двухколесныя, какъ въ Астрахани, для перевозки тяжестей чрезъ степи и четырехколесныя, часто размазеванныя и съ багдахиномъ, какъ въ Константинополѣ.

(5) *Сіонъ* — монастырь и селеніе (возв. 1264 туаза). Надо замѣтить, что имя Сіона, неоднократно и даже довольно-часто повторяемое въ одной лишь Грузіи и притомъ все въ храмахъ *усменскихъ*, не можетъ, вѣроятно, имѣть другого объясненія, какъ желаніе напомнить ту священную гору, на которой представилась Богоматерь Своему Сыну.

(6) *Коби* или *Кобійскій военный постъ* — первая станція отъ

Казбека къ Тифлису, стоитъ подлѣ старыхъ развалинъ, въ самомъ верховьи долины Терека, тамъ, гдѣ три потока сливаются вмѣстѣ и составляютъ одинъ Терекъ.

(7) *Крестовая гора* находится около станціи Коби. Это самая высокая точка кавказскаго перевала. Въ иное время года здѣсь дорога чрезвычайно-трудна; весною осыпается рыхлый снѣгъ подъ ногами и частыя лавины, катясь съ вершины окрестныхъ горъ, обрываются въ бездну вмѣстѣ съ путникомъ. «Крестовой» гора эта названа потому, что влѣво отъ дороги стоятъ на вершинѣ горы, которую объѣзжаютъ лѣтомъ, но не минуютъ зимой, каменный крестъ, освящающій путь надъ безднами и свидѣтельствующій о христіанскомъ обладаніи Кавказа.

(8) *Гудъ-гора* — (возв. 1238 туазовъ). Подъемъ на нея чрезвычайно-затруднителенъ, почему и предполагалась дорога съ Крестовой горы въ объѣздъ горы Гудъ. Гудъ-гору отъ Крестовой отдѣляетъ пространная равнина, которую туземцы назвали *чертовой*, отъ живописныхъ ужасовъ, ее окружающихъ и частыхъ несчастій, случающихся въ ней отъ снѣжныхъ заваловъ. Съ Гудъ-горы открывается грозный, но чудный видъ въ бездну, дно которой совершенно недоступно взору: такъ она глубока. Арагва съ какимъ-то бѣшенствомъ падаетъ здѣсь съ вершины утесовъ, куда — не видно. Около самой бездны есть небольшое оссетинское селеніе.

(9) Правильно — *Кайшауръ*, селеніе и станція. Около него возвышается снѣговая гора того-же имени, начинающаяся еще у самой Коби. Подъемъ и спускъ съ нея, очень-трудные, простираются на 16 верстъ. Въ зимнее время эта гора чрезвычайно-опасна отъ снѣговъ необычайной глубины и ужасныхъ мятелей, отъ которыхъ нѣтъ почти никакого спасенія, а весною отъ падающихъ съ горъ на дорогу съ ужаснѣйшимъ громомъ обваловъ, покрывающихъ въ одно мгновеніе пространство около полуверсты снѣгомъ и льдомъ, глубиною отъ 5 до 15 сажень. — Царь Ираклій поселилъ на высотѣ этой горы одного Оссетинца съ семействомъ и опредѣлялъ ему содержаніе; онъ не только давалъ многимъ убѣжище во время жестокихъ холодовъ и мятелей, но извѣщалъ проѣзжающихъ о временахъ, въ которыя путешествіе опасно и указывалъ тѣ мѣста, на которыя, по положенію горъ, неминуемо должны упасть снѣга. Въ 1800 году этотъ старикъ спасъ цѣлый егерскій полкъ. Князь Циціановъ отказалъ ему въ содержаніи и онъ оставилъ Кайшаурскую гору.

(10) Рѣка, впадающая въ Куръ. Арагвъ на Кавказѣ нѣ-

сколько; въ одномъ душетскомъ уѣздѣ ихъ двѣ — теулетская и шавская.

(11) Правильно: *Пассанауръ*, селеніе и станція по военно-грузинской дорогѣ (выш. 619 туазовъ), стоитъ на серединѣ лѣсистаго ущелья. Изъ Коби ѣдущій изъ Россіи поднимается на кавказскій перевалъ въ Кашауръ, а отсюда спускается въ Пассаууръ.

(12) Заштатный городъ въ душетскомъ уѣздѣ, на военно-грузинской дорогѣ, по Тагаурскому ущелью. Замѣчательнъ по карантину.

(13) Главный городъ уѣзда того-же имени.

(14) Не дописано.

(15) Эта короткая, бѣглая замѣтка слишкомъ-важна по существу своему, по внутреннему своему смыслу, чтобы можно было оставить ее безъ какого-либо, по-крайней-мѣрѣ библиографическаго, объясненія. Оно въ этомъ случаѣ будетъ имѣть достоинство фактическое: пусть, на основаніи его всякій судить, какъ хочетъ.

Вотъ заглавіе книги Пуфендорфа въ переводѣ:

«Введеніе въ Исторію Европейскую чрезъ Самуила Пуфендорфія на нѣмецкомъ языкѣ сложенное, та-же чрезъ Иоанна Фридерика Крамера на Латинскіи переложенное, нынѣ-же повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Перваго, Всероссийскаго Императора, на російскій съ латинскаго переведенное. Печатано въ Санктпетербургѣ, 1718, декабря въ 5-й день». Большое in-8°.

Переведено іеромонахомъ Префектомъ Гаврииломъ и посвящено Государю.

Пуфендорфъ говоритъ о Россіи очень-мало, въ главѣ XXI-й. Вотъ его слова о «природѣ Россіянъ». «О нравѣхъ и о разумѣ народа російскаго нічто-же вспоминати имѣемъ, еже-бы съ великою ихъ славою сопряжено было. Ніже бо Россіане тако суть устроенны и політичны яко-же прочіи народы Европскіи. Въ писменахъ-же толь неискусны суть, яко въ писаніи и прочтеніи книгъ совершенство ученія полагають. Паче-же и самыя Священницы толіко суть грубы и всякаго ученія непричастны, яко токмо прочітовати едану и вторую Божественнаго писанія главу, или толкованіе Евангельское умѣють, болше-же нічто-же знаютъ. Зазорны-же и невѣродержательны суть, свѣрѣпы и крове жаждущіе челоуѣцы, въ вещехъ благополучныхъ безчинно и нестерпимою гордостію возносятся: въ противныхъ-же вещехъ низложенъ

наго ума и сокрушеннаго. Обаче сами о себѣ высоко мнѣящїи, ниже высокоумїе ихъ всякимъ хотя и великимъ почитанїемъ удоволїтїся можетъ. Ко прибылѣ и лихвѣ хїгрозно собираемой никїи же народъ наче удобенъ есть. Рабскїй народъ рабско смирятїся и жестокостїю власти воздержатїся въ повїновенїи любятъ. И яко-же вси игры въ бояхъ и ранахъ у нихъ состоятся, тако бїчевъ и плетей великое у нихъ и частое есть употребленїе. Россїане великотѣлесны суть и крѣпки и всякія неудобства и труды, хладъ и гладъ удобно терпятъ. Прочее къ прямому бою или ко осадѣ градовъ мало угодны суть воїни: ибо въ чїнахъ абїе мѣшаются, сего ради яко болше въ дѣлѣ вопнскомъ непрїятелей искуснѣйшихъ быти чаютъ, обаче егда во осадѣ бываютъ въ мѣстахъ огражденныхъ жестоко защищаются и воюющихъ протївныя нападенїя, дондеже къ послѣдней пуждѣ не прїидутъ, терпятъ. Суть не токмо въ трудахъ и бѣдахъ терпѣливѣйшии, но такожеде толь смѣютъ жестокія уставы, яко ащебы поддалися непрїятелю, країнїя казни избѣжати никакимъ образомъ могутъ. Ибо по указу Великаго Князя удавляеми бывають. Обаче вещи воїнскїя день-отъ-дне исправити тцатся, прїявши къ сему военачальниковъ Нѣмцовъ и Скоттовъ, которые вопновъ во всей Европѣ въ художествѣ воїнскомъ и во обученїяхъ наставляють, Россїанамъ-же самимъ у иностранныхъ служить невольню, опасенїе бо имать Великіи Князь, дабы ученїе отъ прочїихъ стяжавше и укрѣпившеся, вещей новыхъ замышлати не начинали.» (Стр. 407 и 408.) — «Великіи Князь повелїтельство владычественное смѣетъ и по воли своей и угодію вся творїти и управлїати можетъ» (стр. 409).

(16) Вѣроятно Грибоѣдовъ подъ именемъ *Даданїурта* разумѣетъ *Дадїанетское ущелье*, въ южной части дистанціи горскихъ народовъ, въ которомъ находится цѣлыхъ пять деревень. Это какъ-бы маленькіи отдѣльный округъ.

(17) *Андреевская крѣпость* первоначально была заложена Борисомъ Годуновымъ и при немъ-же разорена Черкесами, соединившимися съ Турками, причемъ погнбъ и строитель, окольничїи Бутурлинъ; послѣ того мѣсто это было заселено турецкими бѣглецами и до похода Петра Великаго въ Персію 1722, служило убѣжищемъ воровъ и разбойниковъ, которые и напали въ мѣсистой тѣснїнѣ на отрядъ Петрова войска; однако-же селенїе взяли и сожгли. Послѣ того оно было заселено ногайскими Татарами. Нынѣшняя Андреевская крѣпость, съ лежащею внизу ея деревнею, вѣроятно, находится на томъ-же мѣстѣ, гдѣ была старая.

(18) Мѣстечко въ землѣ племени Кумыковъ, недалеко отъ Андреевской крѣпости, то-есть на границахъ Грузіи и кавказской области.

(19) *Синахскій* уѣздъ составляетъ часть Кахетин, которая была прежде отдѣльнымъ владѣніемъ и управлялась самостоятельными властителями. Городъ Сигнахъ необширенъ и неваженъ по населенію и промышленности. Впрочемъ, академикъ Гльденштедтъ, путешествовавшій въ 1770 году, описываетъ его сильной крѣпостію. И дѣйствительно, какъ говорятъ нѣкоторые писатели, въ этой крѣпости царя Ираклія, въ обширной оградѣ укрывалось отъ лезгинскихъ набѣговъ все окрестное населеніе и даже вмѣстѣ съ своими стадами.

(20) Эту, впрочемъ давнопрошедшую, исторію не могли мнѣ пояснить современные туземцы, отъ которыхъ однихъ можно было получить какія-либо о ней свѣдѣнія. Они сообщили мнѣ только то, что фамилія Амилахваровыхъ грузинская княжеская.

(21) Какое мѣткое слово!

(22) *Салиръ* — главная рѣка Таврическаго полуострова; источникъ ея находится у подошвы Чатыръ-дага, она течетъ 140 верстъ и впадаетъ въ Гнилое море.

(23) *Чатыръ-дагъ* или *Палатъ-гора* (*Чатыръ* — палатка, *Дагъ* — гора). Самая высокая гора въ Тавридѣ. Съ западной стороны она имѣетъ надъ уровнемъ моря до 1580 метровъ (724 саж.), а съ восточной — 1510 метровъ: 70 метровъ или 32 сажени разницы между обоими краями.

(24) *Аіань*, правильнѣе *Аянъ* — большая татарская деревня, близъ деревни Тавель, имѣнія генеральши Поповой.

(25) Правильно «*Демирджи*» — угольная гора сѣверной Яйлы, тамъ, гдѣ Яйла раздвигается и даетъ проходъ къ морю.

(26) *Яйла* — цѣпь южныхъ горъ, крымскіе Альпы. Высшая ихъ точка называется *Стилле-Богасъ*; съ нея открывается прелестнѣйшая панорама — съ одной стороны, къ югу, къ Ялтѣ, на море, къ С. и Э. на горные хребты, посреди которыхъ возвышается Чатыръ-дагъ.

(27) Правильно: «*Кызыль-Кобъ*», ущелье, въ которомъ есть деревня и неподалеку отъ нея пещера.

(28) *Альгаръ* — только ущелье, деревни-же этого имени, какъ сообщилъ мнѣ мой корреспондентъ по Крыму, во всемъ Таврическомъ полуостровѣ нѣтъ.

(29) *Джанка* или правильно *Джанъ-кой* — см. выноску Чатыръ-дагъ.

(30) *Бююковъ* въ Крыму нѣсколько: есть этого имени и деревни, и озера, и даже дорога черезъ горы (изъ Ласни въ Капту), называемая Бююкъ-Богазъ. Вѣроятно Грибоѣдовъ упоминаетъ тутъ о татарской деревнѣ Бююкъ-Узень-Бачъ.

(31) *Алма* — одна изъ главныхъ рѣкъ Таврическаго полуострова, вытекаетъ изъ Яйлы, стремится на западъ и впадаетъ въ Черное море. Она принимаетъ въ себя очень много ручьевъ и рѣчекъ и имѣетъ теченія около 65 верстъ. По Алмѣ много фруктовыхъ садовъ, въ которыхъ разводятся яблоки (*смапъ*, пзвѣстные въ Россіи подъ именемъ крымскихъ) и виноградъ.

(32) *Сабла*, правильнѣе *Саблы* — деревня (имѣние княгини Лаваль), въ 20-ти верстахъ отъ Симферополя; около нея гора и рѣчка того-же имени, впадающая въ Алму.

(33) *Бахчисарай* — прежняя столица крымскихъ хановъ, съ знаменитымъ дворцомъ и фонтаномъ слезъ, описанными столькими путешественниками. О нихъ и Грибоѣдовъ будетъ говорить въ послѣдствіи.

(34) *Чобанъ* — по-татарски пастухъ.

(35) *Шапшлыкъ* — любимое въ Крыму кушанье, готовится слѣдующимъ образомъ. Молодую баранину нарѣзываютъ кусочками и жарятъ на вертелѣ или на чемъ-то похожемъ на вертелъ, на чемъ дѣлаются желѣзныя иглы съ крючками. Устраивается каминъ, по одну сторону котораго кладется желѣзный листъ, сдѣланный желобомъ, и надъ нимъ протягивается проволока; по другую, противоположную сторону кладутся дрова и зажигаются; самый сильный жаръ уходитъ, разумѣется, къверху, а на бокъ дѣйствуетъ жаръ, уже нѣсколько умѣренный; въ это время на крючьяхъ проволоки, противъ огня, вѣшаютъ куски баранины, постоянно переворачиваютъ ихъ къ жару желѣзнымъ прутомъ, посыпаютъ перцемъ и смачиваютъ ромомъ, — изъ этого выходитъ превкусное кушанье.

(36) *Каймакъ* — національное и, какъ утверждаютъ туземцы, прекрасное лакомство. Это ничто иное какъ пѣнка сливокъ, которые кипятятъ въ кострюлѣ или маленькомъ котелкѣ и постоянно «снимаютъ» (слово техническое) до-тѣхъ-поръ, пока, наконецъ, всѣ сливки не обратятся въ пѣнку. Каймакъ употребляютъ или съ кофе, или просто, какъ лакомство.

(37) *Судакъ* — нынѣ заштатный городъ, былъ прежде крепостію, потомъ хорошимъ торговымъ пунктомъ. Итальянцы называли его *Солдая*, а въ послѣдствіи, уже Татарами, названъ онъ *Судаконъ*, что значитъ «водяная гора». потому-что онъ

стоитъ на горѣ, изобилующей ключами и родниками. Кеппенъ называетъ Судакъ нѣмецкой колоніей, выше которой находятся развалины древней крѣпости.

(38) *Алушта* — весьма древнее греческое укрѣпленіе, въ настоящее время небогатое горное мѣстечко, съ развалинами стариннаго замка, расположенное на живописной мѣстности и посѣщаемое почти всѣми путешественниками, потому-что здѣсь находится почтовая станція. Постройку древняго укрѣпленія приписываютъ императору Юстиніану I-му. Ученый изслѣдователь Крыма, г. Кеппенъ, отвергаетъ мнѣніе, будто-бы Алушта называлась въ древности Фуріономъ. Какъ-бы то ни было, но Алушту можно почитать, по словамъ маршала Мармона, средоточнымъ мѣстомъ обработанной части крымскаго берега, потому-что большая разница въ природѣ между протяженіемъ къ востоку и къ западу отъ Алушты. Въ западной части встрѣчаются всѣ роды богатства и красоты; на этой сторонѣ плодоносная и глубокая почва, обильные источники, сланцовыя земли, удивительно пригодныя для винограда и верхніе холмы покрыты превосходными лѣсами, надъ которыми господствуютъ величественныя скалы.

(39) *Корбекъ*, правильно «*Корбекль*», — татарская деревня близъ Чатыръ-дага, выстроенная на живописномъ, величественномъ мѣстоположеніи: изъ Корбека видно море, алуштская лощина, простирающаяся въ видѣ огромнаго рва до самаго морскаго берега, и наконецъ самая Алушта, которая сторожитъ, какъ передовой караульный, входъ въ этотъ исполнскій оврагъ.

(40) *Салтанъ-гора* — неподалеку отъ мѣстечка Султанъ-Махмутъ, украшеннаго высокимъ минаретомъ, возносящимся изъ среды садовъ. Это одна изъ незначительныхъ отраслей Чатыръ-дага.

(41) *Кастель-гора*, прежде укрѣпленная, и, близъ нея селеніе того-же племни, между Алуштою и Кучукъ-Ламбатомъ.

(42) Построеніе его приписываютъ Юстиніану. Нынѣ остались однѣ развалины.

(43) Правильно — *Шули*, деревня, вся, какъ говорятъ путешественники, утонувшая въ садахъ.

(44) *Беилмы*, правильно — *Беилуй* или *Беилъ-ѳъзъ* (т. е. 5 жилищъ) — деревня.

(45) О немъ Грибоѣдовъ будетъ говорить ниже.

(46) *Ак-мечеть* — губернский городъ Симферополь. «Ак-мечеть» по-татарски значитъ «бѣлая мечеть». Муравьевъ подозрѣваетъ,

что названіе *Симферополя* дано городу ученымъ митрополитомъ Евгеніемъ, который этимъ названіемъ хотѣлъ ознаменовать пользу, ожидаемую для всего тамошняго края отъ основанія губернскаго города, пбо *Симферополь* значитъ *городъ пользы* или приносящій пользу (*Συμφερον* — приношу пользу). Симферополь раздѣляется на двѣ части — старый и новый. Ак-мечеть — старый городъ.

(47) *Козловъ*, или *Кезлевъ* (Евпаторія), въ чемъ, однако, нѣкоторые писатели сомнѣваются. На этомъ мѣстѣ была построена крѣпость Діофантомъ, полководцемъ Митридата, въ защиту противъ Скифовъ. Нынѣшній Козловъ основанъ Татарами, которые называли его *Гуцловомъ* или *Гейцлевомиъ*.

(48) *Зул* — деревня въ 20-ти верстахъ отъ Симферополя, по оеодосійской дорогѣ, населенная Русскими и Татарами. Тутъ почтовая станція. Деревня получила названіе отъ рѣчки Зуи, близъ нея протекающей и которая принадлежитъ къ числу четырехъ ручьевъ, вытекающихъ изъ южныхъ горъ и впадающихъ въ Салгиръ.

(49) *Карасу-базаръ*, (*кара* — черный, *су* — вода, *базаръ* — рынокъ, Карасубазаръ — *рынокъ на черной водѣ* или *рыкъ*), заштатный городъ въ 40 верстахъ отъ Симферополя къ Феодосіи, наиболѣе заселенный во всемъ Крыму. Улицы въ немъ грязныя, плохо вымощенныя, но съ обѣихъ сторонъ окаймлены множествомъ лавокъ. Родина знаменитаго Айвазовскаго.

(50) *Св. Носъ*, или *Св. Мысъ* (*Ал-бурунъ*), близъ Аю-дага. По мнѣнію Палласа, который видѣлъ на немъ развалины, онѣ были ничто иное, какъ *fanum Daemonis Virginis*, капище Богини-Дѣвы, гдѣ была жрицею Ифигенія.

(51) *Балаклава* (*Булаклава* — рыбій затонъ, *Символонъ* Грековъ, *Цембало* Итальянцевъ, *Ялболм* нынѣшнихъ Грековъ) — городокъ на западномъ берегу Крыма, недалеко отъ Севастополя. Нѣкогда въ немъ владычествовали Генуезцы, потомъ онъ подпалъ татарскому игу и постепенно приходилъ въ упадокъ до покоренія Крыма Россіи. При Екатеринѣ II сюда изъ Морей и Архипелага переселились многіе Греки. Близость Феодосіи, Евпаторіи и Керчи не допускаетъ развитія значительной торговли въ Балаклавѣ. Гавань въ ней очень-хороша, но имѣетъ узкій входъ — 25 сажень.

(52) *Кара-дагъ* — *Черная-гора*, (*кара* — черный, *дагъ* — гора), близъ заштатнаго города Судака.

(53) *Кучукъ-Ламбатъ*, — мѣстечко, нынѣ населенное Татарами. Оно существуетъ болѣе двухъ тысячелѣтій и было из-

вѣстно хіосскому уроженцу Скильну, жившему болѣе нежели за сто лѣтъ до Р. Х. Первые обитатели этого мѣста были, вѣроятно, Греки: самое названіе *Ламбатъ* или *Лампасъ*, означающее свѣтильникъ факель, или, просто, какъ мы заимствовали это слово отъ Грековъ, лампада, подтверждаетъ это мнѣніе. Слово *кучукъ* по-татарски значитъ маленькій.

(54) *Аю-дагъ* — *Медвѣдь-гора* (Аю — медвѣдь, дагъ — гора), самый, какъ утверждаютъ многіе путешественники, красивый мысъ въ Тавридѣ. Это высокая гора, далеко отъ береговъ выступающая въ море. Хребетъ ея, представляющій видъ продолговатой правильной дуги и черный, отъ лѣсовъ, ея цвѣтъ, подали Татарамъ мысъ назвать ея медвѣдемъ. Она дѣйствительно имѣетъ сходство съ медвѣдемъ, когда онъ лежитъ, уткнувъ рыло между лапъ. — Муравьевъ въ мысѣ Аю-дагъ видигъ древній Кріуметопонъ, бараній лобъ; Кеппенъ не дѣлаетъ никакого противъ этого возраженія, но думаетъ, что слово *ию*, медвѣдь, не заимлось-ли ново-греческимъ *ἄγιος*, святой. Онъ видѣлъ на вершинѣ Аю-дага развалины древняго укрѣпленія, рисунокъ котораго прилагаетъ и о самыхъ развалинахъ говоритъ очень подробно.

(55) *Кизиль-такъ* (кислый камень) — деревня и около нея скала того-же имени.

(56) *Выдубецъ* или *Выдубичи* — урочище не подалеку отъ выдубецкаго монастыря, едва-ли не древнѣйшаго во всей Россіи, на берегу Днѣпра, немного ниже Кіева.

(57) *Бакланъ* — порода водяныхъ птицъ. Бакланы живутъ въ моряхъ и питаются рыбами, которыхъ добываютъ ударомъ или пыряя. Они бываютъ различной величины — отъ гуся до утки; гнѣзда дѣлаютъ на утесахъ изъ морскихъ поростовъ. Цвѣтъ ихъ преимущественно черный.

(58) *Дельфины* — морскія млекопитающія животныя, отдѣльное семейство китовидныхъ. Дельфины, подобно китамъ, нѣкогда были причисляемы къ рыбамъ, отъ которыхъ они совершенно отличаются горизонтальнымъ хвостомъ (у рыбъ хвостъ вертикальный). Они живутъ почти во всѣхъ моряхъ и часто сопровождаютъ большими стадами корабли, чтобы воспользоваться остатками яствъ, которые оттуда выбрасываются. Потому-то дельфины уже съ весьма древнихъ временъ пользуются извѣстностію; творческое воображеніе Грековъ приписало имъ особую дружбу къ человѣку и указало почетное мѣсто въ мифологіи и поэзіи.

(59) Кого adoremus? Вѣроятно, ради шутки, дельфиновъ.

(60) *Пароениъ* — сначала крѣпость, потомъ торговый городъ, нынѣ хорошенъкая деревня, замѣчательная прекрасными виноградниками. Вѣроятно это Пароенионъ (мысль дѣвы), о которомъ говоритъ Страбонъ, — прекрасный, величественный мысъ, называвшійся у Генуэзцевъ *Фиоренте*; крайняя скала его совершенно нависла надъ моремъ, на которое, также какъ и на остро-конечные утесы съ другой стороны, — превосходный видъ. Пароенионъ замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ стоялъ храмъ Діаны-Таврической, которой жившіе тутъ Тавры приносили жертвы, убивая всѣхъ чужестранцевъ, пристающихъ къ ихъ берегамъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей (вопреки выше изложенному мнѣнію Палласа) здѣсь-то и была жрицею Ифигенія.

(61) *Юрзуфскій утесъ*, или *Гурзуфъ*, около Біукъ-Ламбата, внизъ къ морю. На немъ видны развалины укрѣпленія, построеннаго въ VI вѣкѣ Юстиніаномъ. Деревня Гурзуфъ принадлежала герцогу Ришелье, который выстроилъ въ ней огромный замокъ, въ какомъ-то необыкновенномъ вкусѣ.

(62) Мысъ, покрытый лѣсомъ, не подалеку отъ селенія Гаспри, греческаго происхожденія.

(63) Превосходнѣйшій казенный ботаническій садъ. О немъ говорятъ всѣ путешественники, особенно Муравьевъ, котораго другіе даже упрекаютъ въ преувелчченіи и риторикѣ при описаніи этого сада. Онъ разведенъ въ 1812 году. Въ немъ находится бюстъ Линнея.

(64) *Дере-кой* (*дере* — долина, *кой* — деревня) — большая татарская деревня, расположенная на берегу потока и осѣненная прекрасными орѣховыми деревьями.

(65) *Ялта* — весьма древнее поселеніе, нынѣ небольшой, но изящный городъ, оживленный торговлею, съ превосходной пристанью, всегда наполненной судами. Путешественники говорятъ, что мало найдется мѣстностей, столько живописныхъ, какъ та, которую занимаетъ Ялта; самая гавань ея можетъ скорѣй называться украшеніемъ, нежели гаванью.

(66) *Никита* — прекрасная деревня, осѣненная большими орѣховыми деревьями.

(67) *Айтодоръ* — каменный мысъ, выдающійся въ море; находится не подалеку отъ Буукъ-Ламбата. На немъ развалины.

(68) *Хурсисъ*, прав. *Хурисъ* — красивая дача принадлежащая кн. Голицыной; *Мусхоръ*, прав. *Мисхоръ* — деревня, гдѣ почтовая станція.

(69) *Алупка* — известное великолѣпное мѣстѣе кн. Воронцова

(70) *Сименсъ* — деревня, которая вмѣстѣ съ Алупкою составляетъ какъ-бы послѣднюю съ этой стороны грань роскошнѣйшей природы Юга.

(71) *Коурме* — деревня близъ самой Ялты.

(72) *Кукунейсъ* или *Кикинейсъ* — по инымъ путешественникамъ — богатое цвѣтущее село, а по другимъ просто деревня. За ней горы становятся неприступны; здѣсь береговой путь прекращается. Палласъ описываетъ жителей Кикинейса безобразными, но съ нимъ многіе путешественники несогласны.

(73) *Кучукъ-кой* (*кучукъ* — маленькій, *кой* — деревня) со множествомъ превосходныхъ садовъ.

(74) *Форусъ*, прав. *Фѳоросъ* — гора, утесъ, на немъ деревня. Имя ея свидѣтельствуетъ объ ея греческомъ происхожденіи.

(75) *Пиетка*, прав. *Миатка*, по-татарски *Пиатка* — деревня и станція.

(76) *Мердвенъ* — каменная лѣстница, которая, въ довольно широкой горной разсѣлинѣ, по обрыву одной скалы въ Яйгѣ, вѣется отъ подошвы къ вершинѣ. Мѣстами она чрезвычайно круто поворачивается то въ одну, то въ другую сторону; ступени ея составляютъ огромные дикіе камни и затвердѣлый известнякъ, иногда осыпающійся, когда лошадь неосторожно на него ступитъ. Весною, когда дожди бываютъ обильны, Мердвенъ служитъ мѣстомъ истока горныхъ водъ; тогда нѣтъ никакой возможности пробраться по этому пути, который и во всякое другое время неудобенъ. Лѣстница эта длинной болѣе полуверсты.

(77) *Байдарская долина* прославлена многими путешественниками, которые ей восхищались. Передаю дошедшее до меня по слухамъ: Айвазовскій будто-бы сказалъ, что рѣдко можно найдти что-либо лучше Байдарской долины. Другіе-же, и первый Палласъ, говорятъ, что въ ней краски природы блѣдны въ сравненіи съ тѣми, которыя по ту сторону Яйлы, что это уже не та природа, что надъ моремъ, за горами и что славой своей эта долина одолжена не столько природѣ, сколько воображенію ея посѣтителей. Въ Байдарской долинѣ находятся два камня со сводами, образующіе какъ-бы гротъ; онъ называется «байдарскими воротами». Самый лучший видъ на Байдарскую долину — при вѣздѣ въ нея изъ Ялты, черезъ этотъ гротъ.

(78) *Кучукъ-Мискоміа* — татарская деревня.

(79) *Узень* значитъ ручей. Узеней нѣсколько: *Кучукъ-Узень*

(Маленькій ручей) и *Куру-Узень* (Сухой ручей). *Узенемъ* называется рѣчка, текущая по Инкерманской долинь. *Улу-Узенемъ* (большой рѣкой) называется верховье Алмы.

(80) *Бельбекъ* или *Бальбекъ* — полу-русская, полу-татарская деревня, находится въ узкой лоцинь, по которой протекаетъ небольшая рѣчка того-же имени. Эта прелестная лоцина наполнена садами и огородами, столь красивыми и плодородными, что они напоминають, по свидѣтельству очень образованныхъ путешественниковъ, самыя прекрасныя и наилучшимъ образомъ воздѣланныя страны западной Европы.

(81) *Комара* или *Карловка*, собственно татарская деревня *Чорунъ*, прежде принадлежавшая Карлу Габлицу и названная по его имени.

(82) *Чемболо* — близъ Балаклавы, на краю скалы, надъ самымъ берегомъ всящая генуезская башня. Крѣпость Чемболо принадлежала сперва Грекамъ, потомъ Генуезцамъ, была обнесена высокими стѣнами и сильно укрѣплена башнями, особливо отъ устья залива.

(83) *Кадикой* (*кади* — духовный санъ, выше муллы, въ родѣ протоіерея, *кой* — деревня) — селеніе въ трехъ верстахъ отъ Балаклавы.

(84) *Макрель* — маленькая рыбка въ родѣ сардинки, *кефала* (по гречески голова) гораздо больше макрели, очень вкусная, самая любимая рыба Грековъ.

(85) *Гераклейскій полу-островъ* или *Гераклеотическій Херсонесъ*. Ираклиты понтіійскіе, какъ говорятъ иные антикваріи, пристали къ малому западному полуострову и основали на немъ свои первыя поселенія за семь столѣтій до нашей эры, потому-то древніе и назвали «Гераклейскимъ» полуостровъ, образуемый Севастопольскимъ и Балаклавскимъ заливами; другіе въ этомъ сомнѣваются. Несомнѣнно то, что къ юго-западу отъ Севастополя тянется длинная коса, едва возвышающаяся надъ поверхностію моря. Здѣсь разсыяны остатки стѣнъ, правильно распределенныхъ на равныхъ четверугольныхъ пространствахъ. Эти-то параллелограммы нѣкоторые ученые и принимаютъ за развалины древняго Херсонеса. Такіе развалины находятся почти на всемъ протяженіи полу-острова, составлявшаго древній *Гераклеотическій Херсонесъ*. Мѣстами встрѣчаются также остатки большихъ башенъ, замѣчательныхъ по громаднмъ камнямъ, изъ коихъ онѣ были выстроены, складеннымъ безъ смазки.

(86) *Крѣпостопокъ* (бараній лобъ) — составлялъ южнѣйшую

часть Таврическаго полу-острова и находился противъ мыса Карависа, находящагося прямо по ту сторону моря, на азіатскомъ берегу, такъ-что, по свидѣтельству Страбона, мореходцы, проѣзжающіе между обоими, могли видѣть тотъ и другой.

(87) Страбонъ упоминаетъ о гавани *Ктенусъ*, которая, какъ утверждаетъ Муравьевъ, есть сѣверная Севастопольская или Архтарская гавань.

(88) Балки — мѣсто около Черной рѣчки. Тамъ жилия нѣтъ, а только сады.

(89) *Инкерманъ* — по-татарски значитъ «пещерный городъ», у Грековъ назывался *Дори*, *Дорасъ* и наконецъ *Теодори*; находится на концѣ Севастопольской гавани, около сѣвера, на горѣ, которая вся ископана пещерами. Въ горѣ этой, въ камнѣ, высѣчены двѣ церкви. Палласъ думаетъ, что сюда укрывались Аріане, гонимые византийскими императорами.

(90) Правильно *Коранки* или *Корану* — деревня.

(91) *Салтанка* — рыба, немного болѣе сардинки, не имѣетъ чешуи, какъ налимъ.

(92) *Акрополисъ* — верхній городъ или крѣпость.

(93) То-есть севастопольскій. Въ цѣлой Европѣ, какъ единогласно говорятъ путешественники, мало найдется гаваней, представляющихъ столько удобствъ для многочисленнаго флота, какъ севастопольская, вдающаяся во внутренность берега слишкомъ на 8 верстъ. Въ этомъ великолѣпнѣйшемъ бассейнѣ нѣтъ ни подводныхъ камней, ни опасныхъ отмелей. Съ высоты холмовъ, гдѣ батареи открываются бесплодная, голая страна, оправдывающая татарское названіе этого мѣста *Акъ-Тіаръ* (бѣлый утесъ).

(94) *Учкуй* — деревня въ 4-хъ верстахъ отъ Севастополя по дорогѣ черезъ Бельбекъ въ Симферополь.

(95) *Дуванъ-кой* очень хорошенькая татарская деревня.

(96) *Мангунская гора* — необыкновенно, какъ говорятъ, живописная, такъ что, по увѣренію нѣкоторыхъ, ни одно мѣсто на берегу Рейна или на Альпахъ не можетъ сравниться съ ужащающею величественностію Мангунца. На немъ видны развалины древняго замка.

(97) *Кара-Ильязъ* (Черный Илья) — рѣка и три деревни того же имени — верхній, средній и нижній Кара-Ильязъ.

(98) *Суукъ-Су* (*Суукъ* — холодный, *Су* — вода) — ручей, впадающій въ море. Этимъ-же именемъ называется пустое мѣсто, гдѣ, между горами, источникъ св. Козьмы и Даміана, церковь, бельи, надъ источникомъ часовня, не далеко отъ Демурджинской

скалы, въ 25 верстахъ отъ Алушты. Горный ключъ, чистая, холодная вода котораго вытекаетъ изъ горъ, обдѣланъ камнемъ. Студенецъ этотъ замѣчательнъ тѣмъ, что близъ него М. И. Кутузовъ раненъ пулей въ правый високъ; пуля вышла въ лѣвый и, пройдя позади глазъ, одинъ изъ нихъ повредила. Ключъ, въ память этого событiя, названъ «Кутузовымъ Фонтаномъ».

(99) Правильно: *Каджа-Сала*, — послѣдняя деревня на Мангупской скалѣ, лежитъ въ ущельи.

(100) *Азисъ* — деревня, предмѣстье Бахчисарая, въ полу-верстѣ отъ города; тамъ и станція.

(101) *Чурукъ-Су* — рѣка, или точнѣе ручей въ Бахчисарай. Вода его не годна для употребленiя.

(102) *Иосафатова долина* — къ юго-западу отъ Чуфуть-Кале, въ лощинѣ, гдѣ великолѣпная роща и въ ней множество гробницъ съ еврейскими надписями: это кладбище Каранмовъ. Каранмы, или правильнѣе Каранты — по обычаю, по образу жизни Татары, а по вѣрѣ — Жиды и, можно сказать, настоящiе Иудеи, потому-что болѣе другихъ сохранили чистоту Моисеева закона. Мѣсто крымской Иосафатовой долины выбрано гораздо лучше въ сравненiи съ настоящей Иосафатовой долиной, вдоль которой тянется изсохшее русло Кедрона и гдѣ нѣтъ ни одного дерева. Крымская долина противъ настоящей восхитительна. Видъ ея приложенъ къ пут. Анат. Демидова.

(103) *Чуфуть-Кале*, или *Чуфуть-Галекъ*, въ древности назывался *Киркъ* — восточное предмѣстье Бахчисарая, верстахъ въ трехъ отъ города, стоитъ на самой вершинѣ крутой каменной горы и положенiемъ своимъ ясно доказываетъ, что построено какимъ-нибудь древнимъ, искавшимъ себѣ убѣжища народомъ. Нынѣ это предмѣстье все населено Жидами и оно можетъ-быть единственный въ цѣломъ мiрѣ городокъ, принадлежащiй израильскому племени. Всѣ Жиды здѣсь караимской секты: они слѣдуютъ буквально только тому, что написано въ Библии, отвергая Талмудъ и всѣ другiе толкованiя раввинизма. Каранмы отличаются строгой честностью. Не смотря на совершенный недостатокъ въ Чуфуть-Кале воды, которую нужно возить съ большимъ трудомъ отъ самой подошвы горы, Жиды избрали себѣ это мѣсто, вѣроятно спасаясь отъ сосѣдства Татаръ.

(104) *Кача* — рѣка; верховье ея называется *Бююкъ-Езень*.

(105) *Тепе-Керменъ*, т. е. *горная крѣпость*, близъ Бахчисарая гора, или правильнѣе три горы, на которыхъ находятся развалины того-же имени и пещеры. Тепе-Керменъ называется Татарями

Ески-Кирманъ и *Черкесъ-Кирманъ*: имя *тете* значитъ по-татарски гора, или холмъ, *ески* — деревня, *черкесъ* — черкесская и *кирманъ* — крѣпость. Есть въ этой горѣ гроты довольно пространныя, шагавъ по восьми въ ширину, но они не столь высоки, чтобы рослому человѣку можно было стоять въ нихъ прямо: есть и такія пещеры, къ которымъ должно спускаться съ верху горы, между-тѣмъ какъ онѣ отверстіями обращены къ яру, состоя въ связи съ другими, находящимися при нихъ, пещерами. Вершина Тепе-Керменской горы — голая скала.

(106) *Татаръ-кой* — деревня, самое имя которой опредѣляетъ ее въ этнографическомъ отношеніи.

(107) *Чуфутъ-гора* — скала, на вершинѣ которой есть долина. около мизъ въ окружности, чрезвычайно плодоносная.

(108) См. примѣч.

(109) См. примѣч.

(110) Трактирщикъ.

(111) Имена: Алма, Карагачъ, Мангупъ и проч. были объяснены выше.

(112) *Сейдъ-Абадъ* — нѣкогда предмѣстье, нынѣ часть города Тифлиса, къ выѣзду въ эриванскую заставу, между Баншыми-воротами и рѣкою Курю. Здѣсь въ 1836 году находился персидскій гарнизонъ, называвшійся *Сейдомъ*, откуда и названіе Сейдъ-Абада, которое нынѣ сохранилось только у простаго народа.

(113) *Акзебеюкъ*, правильно *Ази-Буюкъ* (*Волчьи-Ворота*) — гора въ тифлискомъ уѣздѣ, въ смежности съ границею александропольскаго, имѣющая 5818 фут. надъ уровнемъ моря. *Ази-Буюкъ* слово татарское, лексически значитъ «ротъ большой».

(114) *Коди* — смотри примѣч.

(115) *Серванъ*, правильно *Сарванъ* — селеніе и вторая станція отъ Тифлиса къ Елисаветполю.

(116) *Шулаверы* — селеніе въ борчалинской дистанціи. Царевичъ Вактушъ въ своей географіи Грузіи говоритъ, что Шулаверы «un gros bourg» (какъ сказано во французскомъ переводѣ грузинскаго текста).

(117) См. выше, выноску.

(118) Моста, подъ названіемъ *Бабьяю* теперь не запомятъ. Очень можетъ быть, что ГривоѢдовъ разумѣлъ тутъ *Красный мостъ*, находящійся по тракту отъ Тифлиса къ Елисаветполю, между третьей станціей, Муганлинскою и четвертою, Салаоглинскою. Постъ называется *Самскій*.

(119) О нихъ сейчасъ было сказано выше.

(120) *Лори* или *Лорійская степь*, въ бамбако-турагельской дистанціи, представляетъ равнину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами. Широкая долина Лори простиралась прежде въ длину болѣе, нежели на 30 верстъ, но постепенно стала стѣсняться, когда потокъ Бамбака вырвался изъ своего каменистаго ущелья, чтобы слиться съ Каменкою или Дебедою. Царевичъ Вактушъ въ своемъ описаніи Грузіи говоритъ, что въ долину Лори есть, между двухъ рѣкъ, крѣпость и маленькій городокъ, очень пріятные лѣтомъ, но несносные зимой. Крѣпость Лори, о которой говоритъ Грибоѣдовъ, въ большомъ упадкѣ, но еще держится и въ послѣднюю персидскую войну служила убѣжищемъ для всѣхъ окрестныхъ жителей. Теперь внутри ея мирное поселеніе нѣсколькихъ армянскихъ семействъ. Лори былъ нѣкоторое время столицею Арменіи.

(121) *Дебеде* или *Тебеде* — рѣка, берущая свое начало въ сѣверныхъ передовыхъ горахъ Арарата и впадающая съ правой стороны въ рѣку Храмъ.

(122) Слово вовсе не употребительное. Очевидно, однако, что это уменьшительное отъ слова «стезя».

(123) Въ армянской исторіи династіи Таи не было, а какъ Арменія не однократно подпала подъ власть то Турокъ, то Персіянъ, то не должно-ли вмѣсто *Таи* разумѣть *Шеган*: такъ называлась фамлія, нѣкогда оспаривавшая престолъ у Каджарской династіи.

(124) Это былъ нашъ старшій дипломатическій чиновникъ при генералѣ Паскевичѣ.

(125) См. выше, выноску.

(126) *Кишлаки*, *Кизиль-Кишлакъ*, русское селеніе въ Карабахѣ. Впрочемъ, академикъ Гильденштедтъ говоритъ, что это армянское селеніе.

(127) Храбрый майоръ Монтрезоръ занималъ въ 1804 году, во время войны съ Персією, когда русскими силами командовалъ знаменитый Циціановъ, постъ въ Бамбакахъ. Онъ совсѣмъ отрядомъ, послѣ жестокаго сопротивленія, былъ взятъ Персіянами и изрубленъ.

(128) *Амамы* — селеніе и станція по тракту изъ Тифлиса въ Александрополь, верстахъ въ 42 отъ послѣдняго.

(129) *Памва* — гора по хребту, плущему между горами Безобдагомъ и Алагезомъ въ Александропольскомъ уѣздѣ.

(130) *Бамбахская* дистанція — составная часть Грузіи, за-

ключаетъ въ себѣ 1500 кв. верстъ, имѣетъ возвышенное мѣсто-
положеніе, холодноватый и здоровый климатъ.

(131) *Алаѣзъ* — гора въ эриванскомъ уѣздѣ, высочайшій
пикъ по хребту Аджарскому и Малому Кавказу, пмѣющій 13,450
футовъ надъ уровнемъ моря.

(132) О *Судогенитъ* я не могъ найти никакихъ пзвѣстій. Дол-
жно быть это какое-нибудь незначительное мѣстечко.

(133) *Артемій Араратскій* жилъ въ концѣ прошлаго и въ
началѣ настоящаго вѣка. Это былъ человекъ замѣчательный
странными, преимущественно-же несчастными, приключеніями
своей жизни. Онъ написалъ автобіографію. Вотъ полное заглавіе
его книги, мало у насъ пзвѣстной: «Жизнь Артемія Араратскаго,
уроженца селенія Вагаршпатъ, близъ горы Арарата, и приклю-
ченія, случившіяся съ нимъ отъ младенчества до совершенныхъ
лѣтъ, удаленіе его изъ своего отечества въ Грузію, оттуда въ
Россію, потомъ въ Персію и наконецъ возвращеніе обратно въ
Россію чрезъ Каспійское море, съ описаніемъ многихъ любопыт-
ныхъ предметовъ, находящихся въ его сторонѣ и прочихъ мѣ-
стахъ Персіи, съ приложеніемъ шести гравированныхъ эстамповъ,
изображающихъ виды городовъ персидскихъ. Писанныя и пере-
веденныя имъ самимъ съ армянскаго на російскій. С. Пб. 1813,
in 8°». Пышное названіе не совсѣмъ соотвѣтствуетъ интересу
книги.

(134) Скорпіоны пзвѣстны всѣмъ; *заланга* — изъ той-же
породы. Этѣ ядовитыя пасткомыя водятся во множествѣ въ
эриванскомъ и нахичеванскомъ уѣздахъ.

(135) *Гарничай* — собственно не рѣка, а горный протокъ,
впадающій съ лѣвой стороны въ Зангу.

(136) *Ведичай* — рѣка въ эриванской губерніи, протекаетъ
близъ деревни того-же имени, между шарурскимъ и зангибазар-
скимъ участками. Веди — испорченное арабское слово *Vaadi* —
ущелье и *чай* — рѣка.

(137) *Каранапалцы* — племя мусульманское, происходящее
отъ Монголовъ, принадлежащее къ суннитской сектѣ и живущее
въ бывшихъ Борчалахъ, Казахѣ и Шамшадлѣ, — дистанціяхъ
или участкахъ, вошедшихъ въ составъ ти-флискаго и елисавето-
польскаго уѣздовъ.

(138) *Девалиу* или *Давалу* — горы, состоящія изъ отдѣльныхъ
утесовъ, какъ-бы брошенныхъ пустыннымъ островомъ на рав-
нину, около Шарурскаго ущелья, неподалеку отъ Нахичевани.

(139) Елисаветпольское сраженіе одно изъ самыхъ блистатель-

ныхъ дѣлѣ Циціанова. Ганжа, столица ганжинскаго ханства, была взята штурмомъ въ декабрѣ 1803 года и въ честь Императрицы Елисаветы Алексѣевны названа Елисаветполемъ. «Низами» — какъ объясняетъ г. проф. Каземъ-Бекъ — «одинъ изъ первыхъ по достоинству поэтовъ восточной литературы. Родомъ онъ былъ изъ Генджи (нынѣ Елисаветополь). Своимъ талантомъ и способностями онъ скоро занялъ первое мѣсто между поэтами двора 1-ой дин. Сельджукидовъ. Онъ началъ свое поприще въ 549 = 1154 г. и умеръ въ 576 = 1180 г. Низами писалъ много; его слогъ и вкусъ считаются образцовыми».

(140) *Аббасъ-Абадъ*, — крѣпость на лѣвомъ берегу Аракса, не подалеку отъ Нахичевани, построена по новой системѣ принцемъ Аббасъ-Мирзою на развалинахъ старой крѣпости того-же имени.

(141) *Змѣиная гора* — *Иланъ-дагъ* (*иланъ* — по-персидски змѣя, *дагъ* — гора), въ нахичеванскомъ уѣздѣ, возвышается на 7985 фут. надъ уровнемъ моря. Она состоитъ изъ огромной конусообразной скалы чернаго цвѣта. Названіе «Змѣиной», по мнѣнію жителей, дано ей потому, что змѣи никогда не смѣютъ приближаться къ ней.

(142) «Вали» слово арабское, означаетъ того, кто идетъ за своимъ господиномъ, придворнаго и, въ обыкновенномъ употребленіи, генераль-губернатора провинціи.

(143) «Записку» Грибоѣдова о Тифлисѣ я передавалъ на судъ одному изъ просвѣщеннѣйшихъ туземцевъ — М. К. Ломидзе и получилъ отъ него отвѣтъ, который, какъ современный критическій взглядъ на эту «Записку», почитаю необходимымъ привести здѣсь вполнѣ: «Замѣтки Грибоѣдова о Тифлисѣ составляютъ, можно сказать, анахронизмъ въ отношеніи къ настоящему его состоянію и устройству. *Гаретубанъ*, а не *Каратубанъ* — слово грузинское, значитъ *впльняя улица*, или кварталъ; названіе Гаретубани произошло отъ того, что улица эта находилась вѣстѣны, окружавшей нѣкогда Тифлисъ, т. е. ту самую нынѣшнюю часть его, которая называется теперь «старымъ городомъ», Гаретубанъ не есть нынѣ весьма отдѣльная часть или сѣверное предмѣстіе, — какъ пишетъ авторъ «Записки о Тифлисѣ», — а лучшій, богатѣйшій и вполнѣ европейскій пунктъ города. Здѣсь проходитъ главная улица, называемая «Головинскимъ проспектомъ». Пресжихъ *значительныхъ пустырей* уже нѣтъ, а если и есть кое-какіе пустопорожнія мѣста, то они застраиваются домами европейской архитектуры: не проходитъ года, чтобы здѣсь

не появилось нѣсколькихъ большихъ зданій; нижніе этажи ихъ большею частію отдаются подъ помѣщеніе магазиновъ, а въ верхнихъ квартируетъ служащій людъ высшаго и средняго сословія. На замѣчаніе Грибоѣдова, что порядочное освѣщеніе здѣсь невозможно, скажемъ, что можетъ-быть оно и было справедливо тридцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ, когда строенія въ этой части города были раскинуты и отдѣлялись одно отъ другого пустырями, но теперь, когда эта часть застроилась по правильной планировкѣ, она освѣщается съ полнымъ удобствомъ. За нѣсколько передъ этимъ лѣтъ, при князѣ М. С. Воронцовѣ, былъ произведенъ опытъ освѣщенія этого пункта города газомъ. Теперь по всему проспекту и по другимъ улицамъ тянется стройный рядъ фонарныхъ столбовъ, снабжающихъ его достаточнымъ освѣщеніемъ. Сѣверный вѣтеръ и теперь, по прежнему, взмываетъ иногда пыль вдоль проспекта, но охотники до гулянья не отказываютъ себѣ въ удовольствіи гулять по троттуару, обсаженному двумя рядами деревьевъ или, правильнѣе, по бульвару, который идетъ по всему преспекту. Мысль Грибоѣдова о необходимости постройки здѣсь моста нашла почти буквальное осуществленіе въ устройствѣ новаго каменнаго «Михайловскаго моста», соединяющаго центральную часть города съ Куками, — лучшимъ его предмѣстіемъ, застроеннымъ вплоть до нѣмецкой колоніи (такимъ образомъ соединившейся съ городомъ) и далѣе, теперь *Куки* и *Чуурети* (а не *Чегурети*) — не селеніе, какъ называетъ ее Грибоѣдовъ, а, взятыя вмѣстѣ, составляютъ самъ собою цѣлый городокъ, находящійся въ ближайшей и постоянной связи съ средоточіемъ Тифлиса. Независимо отъ этого моста, — который, дѣйствительно, начинается недалеко отъ Артиллерійскаго дома, у Метехской крѣпости (а не Метинскаго или даже Метехскаго бастиона) есть еще два моста, связывающіе старый городъ съ Авлабаромъ или такъ называемою Кахетинскою стороною Тифлиса, (такъ какъ здѣсь выѣздъ или застава на Кахетинскую дорогу). Подъ названіемъ «Старого города» разумѣется та часть Тифлиса, которая въ «Запискѣ» названа настоящимъ городомъ или *кале* (слово арабское знач. крѣпость). Часть эта, сравнительно съ другими, потерпѣла мало измѣненій въ смыслѣ европейскаго благоустройства. Хотя здѣсь нѣтъ теперь ни одного присутственнаго мѣста, но базары, караванъ-сарай и лавки остаются въ прежнемъ видѣ, за немногими исключеніями. Часть эта по-сіе-время носитъ на себѣ характеръ чисто восточный: узкія и кривыя улицы, дома съ плоскими крышами, стоящіе безъ

плана и симметріи, старинныя *дарбазы* (слово персидское, означает главную и большую комнату въ домѣ, или залу, въ которую свѣтъ проходитъ сверху, изъ конусообразнаго купола); — все это весьма мало подверглось измѣненію. Крѣпость Метехская давно уже возобновлена и нынѣ представляетъ видъ европейской цитадели. Предмѣстье *Аглабаръ* очень населено, имѣетъ множество улицъ и въ немъ старыя сакли уступаютъ мѣсто домамъ и другимъ строеніямъ европейской архитектуры. Добавлю, что Тифлисъ (*Тилиси* по-грузински), столица грузинскаго царства съ 493 г., основанъ царемъ Вахтангомъ Гарсалономъ и замѣчательнъ горячими минеральными банями. Общій взглядъ на построеніе Тифлиса представляетъ смѣсь европейской архитектуры съ азіатскою. Отъ Московской заставы почти до Армянскаго базара правильныя улицы, площади, каменные въ два и три этажа дома напоминаютъ собою лучшія улицы большихъ городовъ внутренней Россіи; съ Армянскаго-же базара, (который составляетъ центръ города), до самой Эриванской заставы характеристика города рѣзко измѣняется: улицы и площади узки, переулки тѣсны. Въ этой части города, которую можно назвать «торговою», ремесленники, по прежнему, открыто производятъ свои работы, какъ въ большей части азіатскихъ городовъ. Дома съ плоскими, земляными крышами, издали и съ высоты представляющіе для европейца живописное зрѣлище, вблизи не имѣютъ ничего привлекательнаго. Деревянныхъ домовъ вовсе нѣтъ въ городѣ, оттого и пожары случаются весьма рѣдко. Большая часть домовъ снабжена крытыми балконами и галереями, что въ жаркомъ климатѣ представляетъ большое удобство; по этомуто одинъ изъ современныхъ поэтовъ назвалъ Тифлисъ *городомъ многобалконнымъ*.

(144) Т. е. «Рязань, провинція, находящаяся между Окою и Танаисомъ (Дономъ), имѣетъ деревянный городъ не подалеку отъ берега Оки. Въ немъ была крѣпость, называвшаяся Ярославлемъ, которой нынѣ остаются одни слѣды. Недалеко отъ этого города рѣка Ока образуетъ островъ, который называется Струбомъ».

(145) Надо думать, что замѣтки этѣ были дѣланы Грибоѣдовымъ при чтеніи какого-либо сочиненія о Петрѣ: на это указываютъ помѣты — находящіяся вверху «Кн. 1» и первая по порядку «стр. 19». Впрочемъ, я не выдаю этой мысли моей за несомнѣнную: замѣтки этѣ могли быть и чѣмъ-нибудь въ родѣ проэкта или помѣтъ задуманнаго самимъ Грибоѣдовымъ сочиненія о Петрѣ.

(146) Здѣсь пропускъ сдѣланъ самимъ мною — С.м.

(147) Эта статейка — проектъ написана ГрибоѢдовымъ на двухъ съ половиной, вмѣстѣ, то-есть рядомъ находящихся въ «Черновой», листахъ, но съ такимъ множествомъ, тамъ-и-сямъ существующихъ, пропусковъ, вставокъ и выпосокъ, что едва можно было привести ее въ такой видъ, чтобы она представляла собой нѣчто послѣдовательное.

(148) Съ боку, на полѣ листа, у ГрибоѢдова приписано: «Это должно быть отнесено въ 1 дѣйствіе, между 1-ой и 2-ой сценой».

(149) Должно быть «дѣвушка». Въ этомъ мѣстѣ рукопись ГрибоѢдова, писанная блѣдными чернилами, до того стерта и захвачена руками, что слова, вмѣсто котораго я поставилъ точки, нѣтъ совершенно никакой возможности разобрать.

(150) Недописано самимъ ГрибоѢдовымъ.

(151) Чемъ — горная рѣка при сѣверномъ склоненіи Кавказа.

(152) Вариантъ: Выси горъ.

(153) На угонъ коней табунныхъ.

И овецъ золоторунныхъ.

(154) Досягнешь-ли? Вотъ надъ тучей
Двувершинный и могучій... (Эльбрусъ.)

(155) Въ мигъ явился, мигомъ нѣтъ.

(156) Не въ краю вы селъ и нивъ.

(157) И джигитамъ узденямъ.

(158) Пѣнныхъ отроковъ дадимъ.

(159) Этотъ куплетъ вовсе пропущенъ въ печатныхъ текстахъ.

(160) Соч. г. Булгарина, изд. 1844, т. VII, стр. 254.

(161) Ibid.

(162) Я поставилъ точки вмѣсто словъ, которыхъ совершенно невозможно было разобрать.

(163) На отдѣльномъ полу-листѣ (285-мъ моей номераціи), въ самомъ концѣ этѣхъ страницъ — отрывковъ изъ «Грузинской Ночи» находятся, написанныя чрезвычайно блѣдными чернилами и въ обратномъ порядкѣ противъ всѣхъ другихъ страницъ трагедіи, слѣдующіе стихи, явно служащіе вариантомъ, или точнѣе, отдѣльною, можетъ-быть даже первоначальною, обработкою этого мѣста трагедіи:

Такъ отъ людей надежды болѣе нѣтъ,
И Вседержителемъ отвергнуто моенье!
Услышите вы отчаянья призывъ
И мрака порожденье!

Далѣ, нѣсколько отступя отъ этихъ стиховъ, Грибоѣдовъ продолжаетъ:

Я крестнымъ знаменемъ отъ вась оборонялась,
Тогда была добра, имѣла сына я..

(Одна Али появляется на уединенномъ мѣстѣ.)

Кого клянeshь?

На чью главу

Бѣды зовeshь?

(164) На 283 стр. моей номер. находится, — тоже въ обратномъ порядкѣ противъ страницъ тетради, — слѣдующій вариантъ этого мѣста, написанный чернилами до того блѣдными, что его едва можно разобрать:

Но нѣтъ ихъ! Непокорны мнѣ!...

Лишь тучи длинными грядами

Перебѣгаютъ надъ холмами

И все крутятся... Ахъ, онѣ!

На 284 стр. — еще другой вариантъ:

Но нѣтъ ихъ! Нѣтъ! И что мнѣ въ чудесахъ

И въ заклинаніяхъ напрасныхъ!

Нѣтъ друга на землѣ и въ небесахъ,

Ни въ Богѣ помощи, ни въ адѣ для несчастныхъ!

(165) На отдѣльной, — 282 моей номер., — страницѣ находятся слѣдующія переработки этого мѣста:

Али.

Ты здѣсь! Но ты, исчадь праха,

Гдѣ ты украла волоса?

Они намъ сила и душа.

Отдай ихъ намъ...

Умри со страха!

Мы здѣсь, по гибель и напасть

Тому, кто взыщетъ ада власти.

Не цѣпенѣешь-ли со страха,

Увидя насъ, исчадь праха?

Т.

Ахъ! Вотъ онѣ! Языкъ прикованъ мой!

Но не умру съ испуги.

Вотъ ваши волоса... Вотъ судъ вамъ роковой:

Кто ихъ имѣетъ, тѣхъ вы слуги.

(166) Два ряда точекъ, поставленные самимъ Грибоѣдовымъ.

Д. Смирновъ.